

4

Ацсынгтәи
жәларбжьаратәи
археологиатә
конференция

Абхазская
Международная
археологическая
конференция

Abkhazian
International
archaeological
conference

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МАТЕРИАЛЫ
IV АБХАЗСКОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ
АРХЕОЛОГУ-КАВКАЗОВЕДУ
Л.Н. СОЛОВЬЕВУ**

*«Кавказ и Абхазия в древности и в
Средневековье: взаимодействие и
преемственность культур»*

Сухум – 2017
АБИГИ

«Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур». Сборник материалов IV абхазской международной археологической конференции, посвящённой памяти видного археолога-кавказоведа Л.Н. Соловьёва (26–30 ноября 2013 г., г. Сухум). Сухум, 2017г. – 268 с.

В настоящем издании представлены материалы IV абхазской международной археологической конференции, посвящённой памяти видного археолога-кавказоведа, одного из основателей абхазской археологической школы Л. Н. Соловьёва «Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур».

Тематика докладов отражает широкий круг археологических исследований, охватывающих хронологический диапазон от каменного века до позднего Средневековья, и проблемы сохранения историко-культурного наследия.

Сборник рассчитан на археологов, историков, студентов и широкий круг читателей, интересующихся археологией и историей Абхазии и Кавказа в целом.

Рецензенты:

академик АНА **О.Х. Бгажба**,
кандидат исторических наук **И.И. Цвинария**

Редакционная коллегия:

К.ф.н. **А.Э. Ашуба**, к.и.н. **Р.М. Барцыц** (ответственный секретарь),
к.и.н. **А.Н. Габелия**, к.и.н. **А.И. Джопуа** (главный редактор),
к.и.н. **В.А. Ньюшков**, н.с. АБИГИ **Г.А. Сангулия**, к.и.н. **А.Ю. Скаков**

© Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа АНА, 2017
© АБИГИ им. Д.И. Гулиа

СОДЕРЖАНИЕ

Бгажба О.Х. Л.Н. Соловьёв – известный археолог-кавказовед.....	7
Цвинария И.И. Вклад Л.Н. Соловьёва в исследование палеолита абхазии	11
Сангулия Г.А. Древнейшие обрядовые памятники в историко-культурном наследии Абхазии (по исследованиям Л.Н.Соловьёва)	13
Кайтан Ш.Г. Л.Н. Соловьёв и Великая Абхазская стена	20
Галищева Е.В. Сочинский период в биографии Л.Н. Соловьёва	29
Любин В.П. Беляева Е.В. Древнейшие ашельские индустрии Кавказа	35
Канделаки Д.А. У истоков этногенеза абхазо-адыгов	37
Кизиллов А.С. Технологические аспекты изготовления порталых плит дольменов Кавказа и их декоративное оформление	55
Кудин М.И. Календарные мотивы в орнаменте дольменов	59
Скаков А.Ю. Джопуа А.И. Керамика Джантухского могильника.....	75

Жан-поль Лё Биан

Поселение раннего железного века в Мез-Нотариу
на о. Уэссане (Франция). Начальная форма урбанизма81

**Бгажба О.Х., Азумаа А.С., Сангулия Г.А., Джоуа А.И.,
Цвинария И.И., Бжания В.В., Габелия А.Н., Барцыц Р.М.,
Сакания С.М., Хондзия З.Г., Гунба Б.М., Трапш Г.Е.**

Охранные археологические раскопки у стен
Сухумской крепости в 2011 году99

Габелия А.Н.

К вопросу о палеографической ситуации в Сухумской
бухте в античную эпоху107

Белинский А.Б., Канторович А.Р., Маслов В.Е., Райнхольд С.

Раскопки горного могильника Уллу114

Сангулия Г.А., Гунба Б.М., Джикирба Г.Ш.

Охранно-спасательные работы в Гудаутском районе127

Иванов А.В.

Мечи с антенным навершием (по материалам памятников
меотов кубани).....131

Безруков А.В.

Восточное Причерноморье: к проблеме
торгово-экономических отношений с периферийными
районами Восточной Европы (Волго-Камье) по данным
нарративных и археологических источников
(IV в. до н.э. I – III вв. н.э.).....142

Горбенко А.А., Косяненко В.М.

Оборонительные рвы крепостного городища
I-II вв. до н.э. (г. Азов)150

Стеганцева В.Я.

Использование курганного пространства в эпоху ранней
и средней бронзы на Западном Маныче154

Джоуа А.И., Ньюшков В.А.

Средневековая храмово-крепостная архитектура северо-
западной части Абхазского царства160

Кизилов А.С., Кондряков Н.В.

Локализация порта Сочи на средневековых
Компасных картах и материалы Свидетельства171

Барцыц Р.М.

Археологические раскопки в селе Лдзаа,
Гагрского района.....180

Ньюшков В.А.

Крепости Мисиминии и их локализация187

Сангулия Г.А., Кармов Т.М.

Охранно-спасательные работы на территории
Хашыпсинского заповедника Гагрского района197

Сакания С.М.

Абхазия. Христианские культовые сооружения
в Анакопийской крепости202

Гупало В.Д.

Деревянные нательные крестики XII в.
из Звенигорода Галицкого.....211

Голубев Л.Э., Пьянков А.В.

Коллекция средневековых предметов из урочища
«Поднависла» на р. Чепси Горячеключевского
района Краснодарского края219

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.

Особенности погребального обряда племен
прибрежной зоны северо-западного кавказа в XII – XIII вв.
н.э. (по материалам курганного могильника
«Кедровая роща»)237

Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., Полицын Е.Б.

Адыгское воинское погребение у р. Алепси
(Туапсинский район Краснодарского района)245

Джопуа И.А.

Сохранение городского историко-культурного
ландшафта253

Головина Л.П.

Проблемы камеральных исследований и сохранения
памятников историко-культурного наследия Абхазии256

Список сокращений.....261

Сведения об авторах263

ПАМЯТИ Л.Н. СОЛОВЬЁВА

Бгажба О. Х.,

Сухум

Л.Н. СОЛОВЬЁВ – ИЗВЕСТНЫЙ АРХЕОЛОГ-КАВКАЗОВЕД

Хорошо знакома истина «Ex nihilo nihil fit» («Из ничего ничто не происходит»). Следуя ей, вполне можно утверждать: не будь таких подвижников науки, как Лев Николаевич Соловьев, мы бы не имели абхазской археологической школы, которая по своим научным подходам приобрела общеевропейский стиль и в корне отличается от узконациональной грузинской.

Л. Н. Соловьев был исследователем широкого спектра и трудился на ниве смежных наук (археология, геология, этнология, спелеология, искусство и т.д.), что является по сути предтечей современного комплексного подхода.

Проблемы, ставившиеся в его трудах или получившие, разработку, охватывали практически все периоды истории человеческого общества Абхазии и всего Западного Кавказа от нижнего палеолита до позднего Средневековья. В связи с этим необходимо отметить непреходящее значение его исследований эталонных памятников палеолита и мезолита Абхазии (Яштхуа, Анхуа, Хупынипшьяхва (Холодный Грот), Апианча и др.); уникального неолитического поселения Кистрик; загадочных дольменов с их погребальным обрядом и монументальной архитектурой; своеобразных стоянок с текстильной керамикой для выпаривания соли, позднее обросших могильниками и другими историческими объектами (Очамчыра, Мачара, Красный Маяк); античного Гюэноса, римско-византийского Севастополиса, средневе-

ковых Анакопии, Великой Абхазской (Келасурской) стены, Бес-летского моста.

Его исторические обобщения, основанные на этих памятниках, получили широкое признание, а некоторые из поднятых им когда-то проблем продолжают оставаться в центре дискуссии. Правда, есть и такие, в которые новые открытия внесли свои коррективы (например, хронология и интерпретация нижнего палеолита в Абхазии, памятников Очамчирской и мегалитической культур ранней бронзы).

До приезда в Абхазию жизнь Льва Николаевича складывается далеко не просто. Да и в Абхазии его путь не всегда был «усыпан розами». Родился он почти 120 лет назад в селе Медвенка Курской губернии. Летом 1914 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Завершить обучение помешала революция, затем – гражданская война. Он принял сторону красных. После демобилизации служил в Харьковском музее. В 1926 г. Л.Н. Соловьев принял участие в 1-й конференции археологов России в Керчи, где познакомился с такими корифеями науки, как В.А. Городцов, Н. Я. Марр и др. Затем работал в археологической экспедиции П.П. Ефименко, что и предопределило его интерес к первобытной археологии.

Абхазия стала его второй родиной. Здесь он открыл нижнепалеолитическую стоянку мирового значения Яштхуа. Можно сказать с уверенностью, что жизнь Л.Н. Соловьева в Абхазии делится на два периода: до изгнания (1934–1949 гг.) и после него (1958–1973 гг.). Однако во время вынужденного отсутствия (Лев Николаевич был подвергнут остракизму за то, что выставил в экспозиции Госмузея каменные надгробья с турецкими надписями), находясь между Адлером и Симферополем, он довольно часто на свой страх и риск наведывался в Сухум – к жене и в Гагру – к краеведу Н.И. Гумилевскому, организатору знаменитого Цандрипшского (Хейванского) школьного музея. В конце периода своих мытарств Л.Н. Соловьев защитил в Институте археологии АН СССР кандидатскую диссертацию (1956 г.).

Важнейшим этапом в становлении ученого как кавказоведа явилось его участие в совместной Абхазской археологической экспедиции АБНИИК и ИГАИМК в 1934–1935 гг., где он сотрудничал с М.М. Мещаниновым, А.А. Иессеном, Б.Б. Пиотровским, Б.А. Куфтиным, С. Н. Замятниным и др. В дальнейшем ученый тесно контактировал с ленинградской археологической школой палеолита, последним из могикан которой является В.П. Любин – наставник М.Х. Хварцкия.

Л.Н. Соловьевым издано не так уж много работ. Он был больше полевиком-археологом, чем теоретиком. Но между тем из его фундаментальных исследований следует особо выделить работу «Диоскурия–Севастополis–Цхуми» (1947г.) – запрещенная книга; «Первобытное общество на территории Абхазии» (1971 г.); «Памятники каменного века Абхазии» (1987 гг.) – посмертное издание, вышедшее благодаря Ю.Н. Воронову.

Перу Л.Н. Соловьева принадлежит также археологическое обоснование автохтонно-миграционной гипотезы происхождения абхазского народа, которую разделял историк З.В. Анчабадзе.

Много сил было отдано ученым изучению четвертичного геологического периода Черноморского побережья Кавказа, особенно в отношении морских и речных террас, карста и т.д.

С пристальным вниманием Л.Н. Соловьев относился к молодым археологам. О нем с большой теплотой и благодарностью отзывались и отзываются Ю.Н. Воронов, В.В. Бжания, И.И. Цвинария, А.Н. Габелия, С.З. Лакоба и другие, в том числе и автор этих строк.

Л. Н. Соловьев был и талантливым музейным работником (зам. директора и зав. отделом истории Абхазского государственного музея). Созданные им экспозиции сыграли в свое время важную культурно-воспитательную роль.

Лев Николаевич был страстным поборником краеведения и находился в тесном контакте с такими известными краеведами Абхазии, как И.Е. Адзинба, В.С. Орелкин, Н.И. Гумилевский и другие.

Многое сделано им также для охраны и пропаганды памятников археологии, истории и архитектуры. Он был избран почётным

членом Общества охраны памятников Абхазии, которым тогда руководил В.П. Пачулия, и ряд лет возглавлял первичную ячейку этой организации в Абхазском институте, где всегда работал старшим научным сотрудником.

Ему как археологу повезло – Бог наградил его блестящим даром художника. Рядом с ним во всех его археологических экспедициях, в полевых условиях, находилась супруга Евгения Христофоровна Скорнякова. Их сын Борис – геолог кандидат наук, был исследователем четвертичного периода Западного Кавказа и Ростовской области.

Лев Николаевич Соловьев с почестями похоронен на восточной окраине всемирно известной Яштухской стоянки, которая вечно будет напоминать о нем – своем первооткрывателе, скромном труженике науки, известном археологе-кавказоведе.

Цвинария И.И.,

Сухум

ВКЛАД Л.Н. СОЛОВЬЁВА В ИССЛЕДОВАНИЕ ПАЛЕОЛИТА АБХАЗИИ

Древностями Абхазии многие зарубежные и отечественные исследователи интересовались ещё с XIX века. Однако в реальности археологические исследования эпохи каменного века начались с первой половины 30-х годов XX века. Изучение палеолита Абхазии, первые археологические раскопки связаны с именем широко известного абхазского учёного Льва Николаевича Соловьева, который, на мой взгляд, в историографии остается патриархом абхазской археологии и первым учителем, заложившим археологическую школу для последующего поколения абхазских археологов.

Заслуги Л.Н. Соловьева в исследовании палеолита Абхазии в целом велики (Любин, Беляева, 2011. С. 9) и неоченимы. Эти заслуги заключаются в том, что будучи геологом и археологом, Л.Н. Соловьев на примере Яштухского палеолитического местонахождения смог установить (реконструировать) взаимосвязь геолого-географических и геоморфологических факторов экологической среды неоген-плейстоценового периода с возникновением и закономерным процессом развития древнейшего антропосоциогенеза на территории Абхазии.

Основой научных доводов Л.Н. Соловьева в определении взаимоотношения природы и человека в эпоху нижнего и среднего палеолита Абхазии является сугубо уточненное стратифицирование неоген-плейстоценовых геологических преобразований, в отложениях которых исследователь зафиксировал как *in situ*, так

и последующие переотложения археологических источников в качестве фактического материала, использовавшегося древнейшим человеком.

Такие фундаментальные труды Л.Н. Соловьева, как «Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита» (1971, Сухум), «Памятники каменного века Абхазии» (1987, Тбилиси) и десятки научных публикаций, посвященные проблемам истории первобытного общества в Абхазии, стали научным достоянием, используемым современными зарубежными и отечественными учеными.

Благодаря открытиям Л.Н. Соловьевым многочисленных памятников каменного века Абхазии, с 1-й половины 30-х годов века XX до недавнего времени, ученые, такие как С.Н. Замятнин, М.З. Паничкина, П.И. Борисковский, А.Н. Каландадзе, В.В. Фёдоров, Г.Ф. Мирчинко, В.И. Громов, Н.О. Ласкорунская, Е.В. Шанцер, впоследствии П.И. Долуханов, И.И. Коробков, В.П. Любин, В.М. Муратов, Э.О. Фриденберг, А.К. Филипов и многие другие неоднократно организовывали археологические исследования памятников палеолита Абхазии. На основании вышеперечисленных изысканий Яштухское местонахождение становится эталонным памятником эпохи каменного века на всем постсоветском пространстве, и не только.

За последние годы появились также новые монографические исследования по палеолиту Абхазии. В частности, в 2011 году в Санкт-Петербурге вышел фундаментальный труд В.П. Любина и Е.В. Беляевой «Страницы ранней предыстории Абхазии».

Следует отметить, что благодаря огромному историческому наследию, оставленному нам Л.Н. Соловьевым, сегодня стало реальным возобновление в перспективе совместных широкомасштабных исследований памятников палеолита Абхазии российскими и абхазскими археологами.

Литература

Любин В.П., Беляева Е.В. Страницы ранней предыстории Абхазии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011.

Сангулия Г.А.,

Сухум

ДРЕВНЕЙШИЕ ОБРЯДОВЫЕ ПАМЯТНИКИ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ АБХАЗИИ (ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ Л.Н.СОЛОВЬЕВА)

Существующий список (реестр) памятников Абхазии, имеющий общую порайонную фиксацию, играет вспомогательную роль в первоначальной справочной части работы, прост, практичен и сохраняет свою функцию по сей день. Однако в соответствии с законом, функциями, положениями и инструкциями Государственного Управления РА историко-культурного наследия, качественный типологический анализ объекта имеет большую ответственность, а его атрибуция открывает значительные объяснительные возможности для дальнейших научных и правовых разработок. Одно дело, перечислить все без исключения рукотворные создания человека (артефакты), совершенно другая ситуация когда речь идет например, о голой скале как об обрядовом памятнике богини пчеловодства Анане Гунде, или рассеченном камне эпического героя Абрыйска, а также легендарном камне Ныгу ихаху в глубине моря или же камне со следами коня нарт Сасрыкуа. В последних случаях нет отражения орудийной деятельности, и преобладает «природное (естественное)» начало, однако за отсутствием обработки материала стоит тысячелетние регулярные действия участников древних обрядов, а также нескончаемые рассказы героических сказаний о богатырях. Эти комплексы в исторической традиции Абхазии занимают важное место и свою неповторимую специфическую роль. Поэтому есть полное основание рассматривать их

также самостоятельно и ответственно как в плане первоначального научного исследования, так и в вопросах сохранения, возрождения в современном мире и закрепления в историческом сознании, рудиментарные основы которых занимают до сих пор важное место. Это всегда оставляет место для выделения и классификации всех памятников и связанных с ними комплексов в отдельную важнейшую и самостоятельную типологическую группу наследия религиозно-обрядовой практики. Данное, весьма самостоятельное и целостное образование в системе всей исторической традиции, где одна из форм закрепления отношения носителя (человека) к данному предмету (объекту) является глубокое почитание и сакрализация (обожествление), ввиду не бытового характера этой категории археологического наследия, область типологического ряда определяется тем более совершенно самостоятельно. Смешивать и обозначить ее место с этнографическими пережитками (рудиментами) широко распространенные и в бытовой, повседневной культуре или же с фольклорными традициями устного творчества, под названием нематериального наследия, не следует. У них другая форма трансмиссии и функционирования, доступность и широта аудитории, избранность специалистов по сферам каждого направления и составе участников, и что очень важно, наличие/отсутствие предметного, материального начала. Первая группа не только ею обладает, но привела за исторический период к различным формам сакрализаций и фетишизации, пространственного удаления и недоступности своих объектов и обожествленных предметов, в отличие от фольклорно-этнографического нематериального начала. Последним и несвойственным аргумент «дистанционной» коммуникации, система связей и сплавивания в них не имеет разделительных линий, в силу обязательности и всеобщности единого этнического начала и одной ориентации по системе «мы-они». Основания для выделения самостоятельного наследия религиозно-обрядовой практики, включая психологические моменты, по существующей научной

системе классификации и типологии, весьма значительны, чтобы их принять за редкий феномен.

Близко к вышеотмеченным памятникам стоят такие важнейшие обрядовые объекты нашего наследия, напрямую связанные с миром предков как пещеры. В древнейшей абхазской истории они известны как первобытные пещерные стоянки, или временные стоянки для пастушеских групп, а целый ряд памятников непосредственно связан с обрядовыми церемониями и категорией «потустороннего» мира. Здесь и проводились древние мистические обряды конца жизни, смерти и возрождения в светлом мире предков. В некоторых случаях совершались и временные захоронения, с последующей доставкой умершего из труднодоступного места в могилу предков. В целом, неоднозначное их функциональное и типологическое положение до сих пор не осознается, а сочетание признаков создает проблему их дифференциации (обрядовое, поселенческое, производственное, хозяйственное, защитное и т.д.). Находки древнейших стоянок уже содержат дифференцированный материал и факты сложившихся традиций обрядовой практики, не исключая такое важнейшее явление как изобразительное искусство (Хуыпын ипшахуа). Большая заслуга в полевых исследованиях этих памятников принадлежит абхазскому археологу, крупнейшему исследователю Абхазии Л.Н.Соловьеву.

В мезолитической стоянке Кеп-Богаз (Апианча) первое место по количеству костей принадлежит дикому кабану, причем значительное место в остеологическом составе коллекции занимают старые самцы. Здесь, вместе с костями животных встречались и человеческие кости, «со следами погрызов зубами какого-то хищника (волка?)». Интересно то, что в близко расположенном гроте Хуынипшахуа на р. Куыдры, «человеческие кости из культурных слоев были зачастую расколоты, обожены и иногда носили следы погрызов зубами, так же как и кости животных». Обрядовое значение этих останков, применение культа огня, ее имитативное значение, ритуал сожжения (как показывают и последующие ма-

териалы) отражают начальную стадию сложившегося факта культа огня и молнии, со времен изобретения огня.

Представляет большой интерес еще одна древнейшая находка мезолитического или верхнепалеолитического времени в Навалишенской пещере (ущелье реки Хоста). Здесь, захоронению был подвергнут один череп, без остальных костей скелета, как это иногда характерно для целого ряда памятников Абхазии группы энеолита, бронзы и железа с обрядом вторичных погребений. Целый череп лежал с правой стороны у входа в пещеру, вместе с древнейшими остатками местной культуры. Сопроводительный инвентарь ограничивался весьма интересной находкой: под височной костью погребенного был найден клык крупного хищника. Этот случай также интересен с точки зрения образа противника, с древнейшей тотемической символизацией противоположного клана, из которого происходит будущий претендент на власть в орде.

Устоявшие случаи этого обряда иллюстрируют и последующие энеолитические материалы грота Джампал, где зафиксировано вторичное погребение на большом камне, с ориентацией головой на северо-запад. Как это характерно, череп, кости рук, лопатки здесь отсутствовали. Представляет большой интерес, в связи с большим саном в патрархальном родовом коллективе, погребение под гротом Джампал, совершенный путем захоронения одних костей скелета, по нашему мнению «вторичное (воздушное)» погребение, без черепа, как ряд погребений Абхазии. Прямая связь с обрядом выставления черепов знатных особ, здесь также прослеживается, достаточно ясно. Этому факту соответствует такой важный и редкий в таких случаях элемент ритуала, как посыпание останков красной охрой, что является отражением астрального культа огня и молнии. Близость культов и комплекс представлений выявленного круга еще более дополняют нашу версию о самостоятельном возникновении обряда сожжения (кремации), как варианта воздушного обряда погребения пораженного ударом молнии.

Уже отмечен случай обнаружения в одной из пещер, в частности Гагрской, где были замурованы погребенные черепа, один из которых был пробит еще в древности. Поразительные соответствия в эпических текстах вскрывают смыслы обрядовых священных действий. Тот факт, что не все пещеры замурованы, не означает отсутствия мотива изоляции или соотнесения с «иным» миром. В раннеисторической саге о царе Апсха, будущий властелин еще младенцем был замурован в отдаленной пещере, для испытаний на жизнь и смерть. Сама «пещера» полна такого смысла, ассоциируется со смертью, в нее входить нельзя, если этого не избежать, то поют определенную «Песню горя». Мотив заточения (ср. Абра-скыыл) и возвращения символизирует сверхъестественную силу и подчеркивает статус первого лица.

Археологические памятники исследуемой категории, в изучении которых большую роль сыграл Л.Н. Соловьев, включают в свою очередь множество видов артефактов, подчеркивающий сложный и специально ориентированный характер данного круга объектов.

Например, петрографические религиозно-обрядовые памятники пока не обнаруживают массовое распространение, но как временные религиозно-обрядовые центры больших пастушеско-охотничьих объединений во время отгонного скотоводства играли важную организующую роль, санкционируемые свыше исконными божествами (Ажуайпш, Айыргь, Афы). К ним обращались с молитвами и принесением обрядовой еды при переходах через опасные пути и перевалы, а в жертвенниках оставляли стрелы, куски кремния, мелкую посуду, часть одежды, в том числе пуговицы, позднее и монеты (Ф.Ф.Торнау, Н.М.Альбов). Таким образом, создан известный Гуарапский комплекс (В.С.Орелкин) с крупным (мегалитическим) камнем и богатыми петроглифами. Здесь уверенно отождествляется всадническое грозное божество типа Айерг//Афы натягивающий тетиву лука, с колхидскими истоками иконографического образа, ср. обрядовое керамическое изображение всадника с копьем, преследующий оленя (с. Ешыра), и гра-

фическая фигура на олени (Тамыш). Пастухи отправляясь в горы обязательно устраивали обряд почитания божества с просьбами и принесением в жертву барана (С.Т.Зуанба). Зафиксирован сам каменный жертвенник с углублением и сливом для крови. Про-сматривается и его символ в виде астрального трехконечного знака с аналогией в позднебронзовое время как керамический обрядовый предмет с зигзагами (М.М.Трапш), с тремя загнутыми концами, раскрытые в виде пасти змея, связанные с огнем и священной силой бога кузни и огня Щашуы (Г.Ф.Чурсин). Последний соответствует адыг. Лъепщ, хатт. Хасамил (С.А.Старостин), и сопоставляется с этр. Сефланс (Г.А. Сангулия), что устанавливает по нашим данным прасеверокавказскую хронологическую древность всего феномена. На это указывает аналогия астрального мотива в виде расходящихся лучей в составе древнейших петроглифов грота Агца (Л.Н.Соловьев), священный предмет как двухконечный раздвоенный наконечник Бога Грозы с позднебронзовым соответствием в виде двойного кинжала (М.М.Трапш) и сам Стрелометатель. На древнейшие истоки указывает по нашим исследованием, морфология и атрибуция этого священного предмета сходного с кинжалами мегалитического времени, с утолщением цельной ручки в завершении формы. Соответственно, символы петрографических памятников тяготеют вокруг могущественных грозных божеств с атрибутами перелетающих священных сил в виде стрельчатой и шаровой молнии. Ими и являются схематические формы трехконечных знаков этой священной и разящей «силы», с помещенными на них зигзагами, круглыми углублениями в виде кружков, изготовленные и в форме вихревых, крутящихся символов божества. Изображение топора Гуарапского камня, при факте его наличия (А.А.Миллер) в Дыдрыпц-ныха (святилище гроз), как священная реликвия всемогущих богов (ср. Адад, Перун) подтверждает направление нашего исследования. Астральный календарный знак арочного входа потолка пещеры Уакум, обнаружен нами и исследован с учетом внутренних и внешних типологиче-

ских соответствий. В астроархеологических работах он указывает на появление и восход солнца, и как на священный день календаря совпадающего с началом весны, что мог сопровождаться обрядовыми действиями возрождения и нового сезонного цикла. Судя по материалу (верхний палеолит, мезолит, неолит), эти действия входили в комплекс зарождающейся еще в донеолитическое время древнейших «земледельческих» обрядов эпохи становления производящей экономики. Такое важное значение данной хронологической группы памятников, с обнаружением в них и остатков первых зерен, хозяйственных орудий, во многом благодаря работе Л.Н. Соловьева, не оставляет сомнения в их материальном типологическом своеобразии и ясной дифференциации от всех видов «нематериальной» традиций. В них также проявление «глубины памяти» и синхронизация с исторической действительностью совершенно разное. Первые являются частью и прямым фрагментом этой действительности, и находятся в отношении синхронизации, а вторые - в отношении далекого наследия и преемственности, как объект наследования, рудимент и пережиток прошлой (и изжитой) исторической действительности. В этом отношении потайной характер, преднамеренный выбор крайнего угла, как пространственного удаленного локуса в пещере (ср. Хупын ипшахуа) также соответствует этому древнему концепту. Так что собственная абхазская обрядовая праформа, для этнической территории древнейших абхазов является исходной, свойственной ей вообще с зарождения погребальных обрядов как таковых. Уровень развития общества, состав материальной культуры, технология и глубина проработки материала (ср. гарпуны, выпрямитель, петроглифы), - все говорит в пользу этого факта. Выделение особой категории обрядовых (и шире религиозно-обрядовых) памятников (наряду с остальными), их быстрое нахождение в научно-информационной базе данных, высокое операциональное разрешение в научно-практической работе нами обосновано, что весьма необходимо и полезно для изучения всего археологического наследия Абхазии.

Л.Н. СОЛОВЬЁВ И ВЕЛИКАЯ АБХАЗСКАЯ СТЕНА

Великая Абхазская (Келасурская) стена – один из самых спорных и загадочных памятников историко-культурного наследия Абхазии. Это уникальное фортификационное сооружение начинается у левого приустья р. Келасур (Гулрыпшский район) и по подгорью выходит к р. Ингур (Галский район).

Первые наиболее значительные работы по изучению этого памятника, были проделаны Л.Н. Соловьевым. Ещё в 1937-38 годы он и И.Е. Адзинба проводят обход и описание большей части комплекса Абхазской стены. Так, им описано 90 башен на всем протяжении стены от устья р. Келасур до с. Лекухон, дана характеристика конструкции стен, башен, ворот, бойниц и пр.; установлена связь с древней дорогой. Л.Н. Соловьев предположил существование двух этапов строительства, хронология которых определена концом V–VI вв. и X–XII вв. Он высказал мысль о двухфронтной функции стены, строительство которой на раннем этапе приписано Лазике (Соловьев, 1940; Шервашидзе, 1968. С. 274-275)¹.

Военные годы не благоприятствовали изучению памятников искусства.

После войны Л.Н. Соловьев изучает оборонный рубеж по р. Ингур. В результате этих исследований автор приходит к выводу, что вопреки господствующему мнению, этот комплекс является

¹ В результате исследований 1946-1948 гг. в противовес этой работе Л.Н. Соловьев предложил рассматривать приингурскую группу укреплений как самостоятельную систему, возникшую в XVI-XVIII вв.

не частью Абхазской стены, а отдельной системой, относящейся к XVI–XVIII векам (Шервашидзе, 1968. С. 273-274).

Так, в мае 1963 года из Сухума отправилась экспедиция, целью которой было как раз исследование Великой Абхазской стены. Ее организовал Абхазский совет Грузинского общества охраны памятников культуры. Экспедиция поставила перед собой задачу исследовать современное состояние памятника, провести мероприятия по охране его от разрушения и проложить туристическую трассу. В составе экспедиции был старейший археолог Абхазии Л.Н. Соловьев, ранее изучавший многие участки стены, сотрудники Общества, краеведы, студенты Сухумского государственного педагогического института. Участники, этой экспедиции говорят, что она была лишь разведкой, началом больших исследовательских работ по разгадке тайн Великой Абхазской стены. Работа продолжается. В руинах крепостей скрыты погребения; около башен не раз находили и находят остатки грубой посуды, бусы, монеты, наконечники стрел, оружие и конский убор. Участник экспедиции В.П. Пачулиа приводит слова краеведа И.Е. Адзинба: «Подобное гигантское капитальное сооружение, охватывающее почти целую страну, не могло быть возведено ни греческой, ни византийской, да и вообще никакой колонией, никаким агрессором, а могло быть создано лишь местным коренным населением» (Пачулиа, 1969. С. 59).

В 1964 году уже в составе экспедиции Абхазского института языка литературы и истории им. Д. И. Гулиа, Келасурскую стену вместе с Л.Н. Соловьевым изучает искусствовед Л.А. Шервашидзе, которые пришли к выводу, что стена от Ахуца до Арасадзыхь своим фасом была направлена в сторону гор. Они отмечают следующее: «Свое исследование мы начали у поселка Чегем, в верховьях реки Дгамыш, которая начинается у перевала Кеч. Отсюда в древности постоянно угрожала опасность набегов, и мы решили проверить, насколько была учтена строителями стены эта опасность» (Соловьёв, Шервашидзе, 1964. С. 3). Далее на поставленный им вопрос, они отвечают: «Фронт обороны был направлен в сторо-

ну гор, на это указывает и расположение входных проемов башен. Они, как правило, находились в восточной стене и открывались во внутрь защищенного стеной пространства» (Соловьев, Шервашидзе, 1964. С. 3).

В 2010 г. Институт археологии РАН и Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА в рамках совместного российско-абхазского проекта было обследовано 11 объектов относящихся к Келасурской стене. Целью этих разведок была точная фиксация памятников на местности (с помощью системы GPS), составление планов, взятие образцов связующего раствора для определения его химического состава. Участники экспедиции отмечают, что «относительно точно датировать памятник до проведения на них более или менее масштабных раскопок не представляется возможным» (Требелева, Юрков и др., 2013. С. 5). Все взятые образцы были разделены на 3 группы (Требелева, Юрков и др., 2013. С. 5).

Опираясь на идею, высказанную Л.Н. Соловьевым, была выдвинута гипотеза, что участки Келасурской стены с составом раствора из 1-й группы – со значительным преобладанием извести (доля песка составляет менее 1/4) были возведены в VI в., с составом из 2-й группы (извести, доля песка составляет примерно 1/3) – в X–XII, и из 3-й группы (с примерно равным соотношением песок/известь) – в XVI–XVIII веках (Требелева, Юрков и др., 2013. С. 7). Благодаря полученным результатам можно сделать вывод, что данное укрепление подвергалось реконструкции (рис. 1). В дальнейшем нам представляется обязательным в местах, где были взяты образцы связующего раствора, провести раскопки.

Великая Абхазская стена как система оборонительных рубежей не могла существовать без следующих элементов:

Первый элемент этой системы – это дорога, которая шла вдоль укрепленной линии и образовывала ответвления внутрь в целях обеспечения обороны в глубину. Данная сеть включала в себя как старые укрепления и дороги, так и новые, возведенные в неосвоенных прежде районах. Так, на всем протяжении Келасурскую сте-

ну сопровождают остатки древней дороги. В ряде случаев отмечается конкретная охрана башнями бродов через реки (Кодор, Улыс и др.) (Воронов, 1973. С. 115). Это подтверждает и Л.Н. Соловьев, который пишет: «В Чегеме мы узнали важное обстоятельство. Нам показали древнюю дорогу, проходящую вдоль стены с её южной стороны, т.е. внутри защищенного стеной пространства. Она имеет здесь ширину около 6 метров. К востоку от реки Дгамыш, в поселке Бакькан, следы древней стены становятся еще внушительней. Совершенно ясно, что Великая Абхазская стена нераздельно связана с Абхазской дорогой, которая кратчайшим путем соединяла Сухум с берегом реки Ингур, т.е. с восточной границей Абхазии» (Соловьёв, Шервашидзе, 1964. С. 3). Следует отметить, что единственная древняя сухопутная дорога, проходившая через территорию Абхазии с запада на восток, пролегла по подгорной части вдоль линии Абхазской стены, главным образом по наружной (северной) стороне, за исключением некоторых участков, где местами она проходила с внутренней стороны, например, у р. Улыс через небольшой перевал Адзхыда (с. Ткуарчал), под горой Айсырра-Аху и в местности Абаа-Хыб. Эта дорога связывает почти все села, расположенные в подгорной части и средней полосе Очамчирского и Галского районов (Адзинба, 1958. С. 146).

Вторым элементом системы являлись сеть укреплений и укрепленных лагерей, где стояли войска, а также сигнальные башни. Все гарнизонные укрепления Келасурской стены сосредоточены исключительно вдоль левого берега Келасур. Их пять: Тхобынское, Багмаранское, Келасурское, Пшауш-абаа, и Александровское. Все эти укрепления представляют собой фактически несколько пересмысленное сочетание элементов, характеризующих Келасурскую стену. Площадь Тхобынской крепости 1 га. Это сооружение вытянутой овальной формы серьезно разрушено, поэтому трудно что-либо утверждать относительно формы северной башни; в ее сохранившемся останце на высоте 4 м прослеживается ряд прямоугольных бойниц, аналогичных тем, которые фиксируются

в остальных башнях стены. В восточной части крепости сохранились ворота, высота которых составляла 1,65, а ширина – 1,4–1,5 м. Облицовка ворот была деревянной – сохранились отпечатки брусев. Засовное устройство не отличается от аналогичных устройств в других частях Келасурской стены. Багмаранская крепость имеет форму прямоугольника и занимает площадь 0,4 га. Келасурская крепость, расположенная на площади около 1 га, охватывает две незначительные вершины. Крепость Пшауш-абаа занимает вершину холма, его склон и подошву. Общая площадь крепости 4,25 га. На краю террасы, на вершине, прослеживается прямоугольное каменное здание из двух комнат. Наконец, Александровское укрепление (площадь 2,1 га) занимает вершину холма с обрывами на север. С запада у обрыва заметны следы ворот. В восточной части поперек вырыт глубокий ров, укрепленный валом (Воронов, 1973. С. 115). В настоящее время в системе Келасурской стены известно 279 башен. Большинство их наполовину или до основания разрушено. Значительная часть разрушена пашнями, дорогами, постройками. Лишь около сотни башен находится в более или менее удовлетворительном состоянии (Воронов, 1973. С. 109). Как правило, башни имеют фундамент, углубленный в почву на 0,5 м. В ряде случаев, особенно у башен, расположенных на плоскости первой речной террасы, фундамент отсутствует. Так, башня 18, подмытая рекой Келасур, опрокинулась несколькими монолитами, обнажив подошву, и стало видно, что она была поставлена прямо на траву. В другом случае (башня 83) отмечено, что подошву башни подстилала почва, покрытая углями, золой и полуобгоревшими ветвями кустарника, который был выжжен, по-видимому, непосредственно перед постройкой башни. Башня 123 была сооружена непосредственно на вершине скалистого утеса (Воронов, 1973. С. 109). Способ связи башен со стеной различен. В большинстве случаев, по-видимому, возводились сначала башни, а затем между ними встраивалась стена. Об этом свидетельствует часто прослеживаемое отсутствие кладки вперевязку между углом башни и стеной

в местах их стыка, а также, когда между построенными башнями (73–75) сохранился ров для фундамента так и не построенной стены. Одновременно отмечены случаи, когда стена башни и общая стена возводились на высоту в 1,5–2 м вперевязку, а затем достраивались по отдельности (214). Присутствуют случаи, когда башня пристраивалась к уже возведенной на полную высоту стене (235). В этом последнем примере пазы для балок межэтажного перекрытия выбивались в стене уже после ее сооружения. Во всех случаях, когда башни связаны со стеной, они всегда пристроены к ней со стороны моря и их фасадная стена совмещается с общим направлением стены. Расстояние между башнями, связанными со стеной, обычно колеблется от 40 до 120 м. Особенно сокращается это расстояние там, где стена пересекает речные долины, по которым проходят дороги в горы. В тех же случаях, когда собственно стена отсутствовала, расстояние между отдельными башнями достигало 250–300, 500–1000 м и даже больше (Воронов, 1973. С. 109).

Весьма выразительным видом оборонительных сооружений Келасурской стены являются рвы и валы, что прослеживаются на Чегемском участке, а также в некоторых других пунктах (114, восточнее 130). Особенно примечательна система рвов и валов, расположенная на обширной поляне перед фронтом башен 69–71. Их назначение – укрепить обороноспособность Чегемской линии со стороны распада. Рвы и валы на этом участке совмещены. Общая длина их около 800 м. Глубина рва в настоящее время равна 1 м, ширина – 1,5 м, высота вала, образованного главным образом выбросами из рва, – до 0,5–1 м. Ширина их достигает 2–3 м. В ряде случаев отмечено бронирование вала обломками известняка, аналогичными использованным в стенах (Воронов, 1973. С. 109).

Третий, как нам представляется, самый главный элемент составляли войска, которые должны были осуществлять надзор и защищать стену от проникновения извне. Без полноценного существования этого последнего элемента было бы абсурдным существование двух других.

В ходе исследования Келасурской стены рассматривались ее оборонительные возможности, в каждом конкретном случае, что позволило выявить ряд существенных недостатков. В ряде случаев отмечается размещение башен у подножья стратегически выгодных возвышенностей. Относительно, например, позиции башен 222 и 223 Л.Н. Соловьев пишет: «В этом месте к подножью известнякового хребта с юга подходит небольшой холм. Линия стены вместо того, чтобы использовать его верхушку для усиления стратегической позиции, проходит в ложине между двумя указанными возвышенностями, так что башни... могут легко обстреливаться и даже забрасываться камнями с обеих сторон... такое расположение башен определялось направлением дороги» (Воронов, 1973. С. 116). Часто стена проходит в непосредственной близости от крутых склонов и под обрывами, что ставило всю оборону в предельно невыгодное положение – под обстрел сверху. Так, касаясь башни 58 (Мачаро-Пацхирский участок) (рис. 2), Л.Н. Соловьев справедливо отмечает, что «трудно было выбрать более невыгодную позицию с протекающей сзади рекой» (Воронов, 1973. С. 116).

Л.Н. Соловьев рассматривает вопрос о происхождении стены с помощью своеобразной гипотезы о двойной функции «стен, приспособленных для обороны на оба фронта» (Соловьёв, 1940. С. 81–84). Эта точка зрения получила дальнейшую разработку в научно-популярной литературе: «Столь гигантское сооружение понадобилось апсилам для обороны. Грозно ощетинивались стены, когда к ним подходили незваные гости. Если кочевники с Северного Кавказа пытались угрожать апсилам, стены закрывали все горные проходы. Когда же враг появлялся с моря, жители береговой части уходили в горы. Они увозили с собой скarb, уводили стада. Крики животных, голоса людей нарушали безмолвие гор...» (Пачулия, 1968. С. 36).

Картина неизбежно останется неполной до тех пор, пока не будет осуществлено более детальное сопоставление полученных

результатов с пока отсутствующим стратиграфическим материалом. Однако, как нам представляется, столь мощная оборонительная система требовала больших средств на свое содержание. Она могла существовать лишь при наличии сильного централизованного государства.

По справедливым словам Л.Н. Соловьева: «Близкое знакомство с Великой Абхазской стеной убеждает, что этот памятник имеет исключительную важность для истории всего Кавказа. В ней воплощены большие замыслы и титанический труд народных масс» (Соловьёв, Шервашидзе, 1964. С. 3).

Литература

- Соловьёв Л.Н.** Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена). Сухуми, 1940 (рукопись). Архив АБИЯЛИ, № 344.
- Шервашидзе Л.А.** Абхазия в искусствоведческой литературе. Сб. «Под знаменем Октября». Сухуми, 1968.
- Пачулия В.П.** По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969.
- Соловьёв Л.Н., Шервашидзе Л.А.** Вдоль Великой Абхазской стены. Газета «Советская Абхазия» от 16 августа 1964 года.
- Требелева Г.В., Юрков Г.Ю., Горлов Ю.В., Цвинария И.И., Агу-маа А.С., Кайтан Ш.Г.** Келасурская стена, еще раз к вопросу датировки // ПИФК. 2013.
- Воронов Ю.Н.** Келасурская стена. //СА, №2. 1973.
- Адзинба И.Е.** Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.
- Пачулия В.П.** В краю Золотого руна (исторические места и памятники Абхазии). М., 1968.

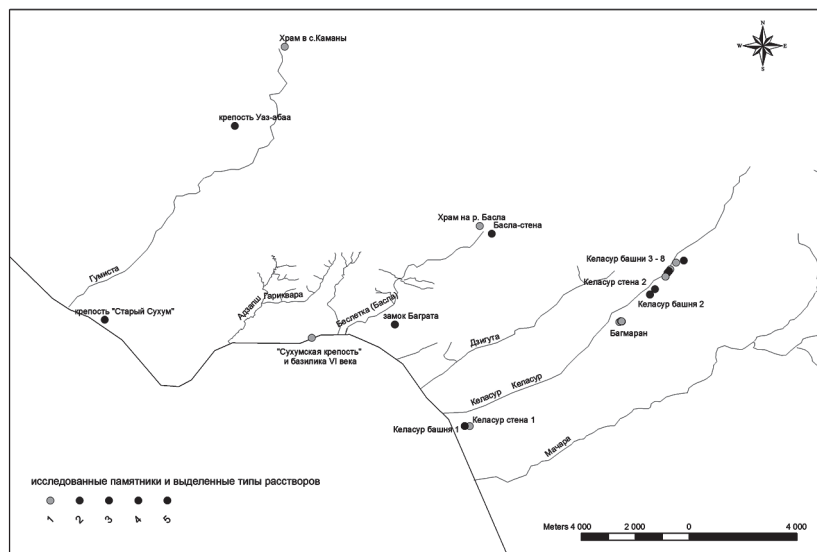

Рис. 1. Исследования 2010 года.

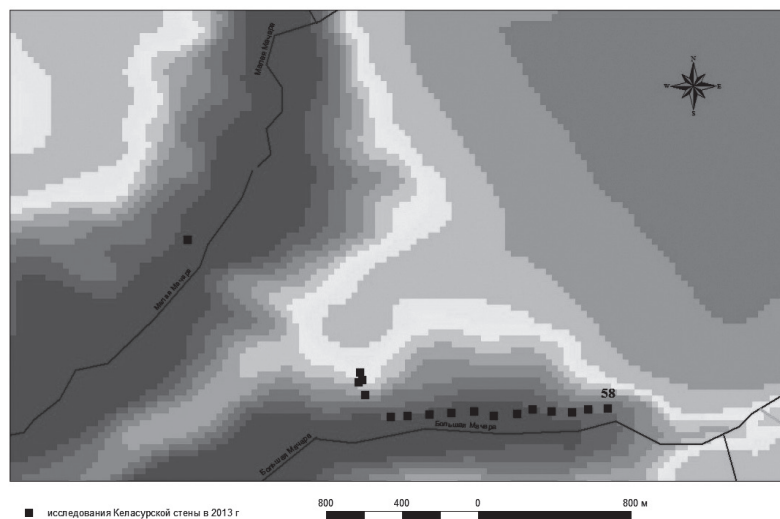

Рис. 2. Мачаро-Пацхирский участок Великой Абхазской стены.

СОЧИНСКИЙ ПЕРИОД В БИОГРАФИИ Л.Н. СОЛОВЬЁВА

Лев Николаевич Соловьев стоит у истоков изучения археологического наследия Сочи. Его профессиональная деятельность осуществлялась в нелегкое для страны время – период становления советского государства. Оказавшись по воле судьбы в том или ином уголке страны, он с энтузиазмом начинал исследовать окрестные территории, нередко становясь первопроходцем в изучении многих памятников. По роду своей профессиональной деятельности Соловьев был археологом и геологом, однако круг его интересов этим не ограничивался. Ученик и личный биограф ученого, археолог Ю.Н. Воронов писал: «Л.Н. Соловьев сыграл видную роль в изучении далекого прошлого Советского Причерноморья (Крым, Северо-Западный Кавказ, Абхазия) и по широте своих научных интересов (археология всех эпох, геология, этнография, спелеология, искусство и проч.) по праву должен быть включен в круг исследователей-универсалов, характерных для начальных этапов развития науки» (Воронов, 1994. С.7).

Необходимо отметить ещё один факт жизни Л.Н. Соловьева – он был профессионалом в области музейного дела, работал и сотрудничал не только Абхазским государственным музеем, но и со многими музеями страны – Харьковским археологическим, Курским краеведческим, Музеем древнего Херсонеса. Особые отношения складывались у Л.Н. Соловьева с Сочинским краеведческим музеем, которому он оказывал на протяжении долгих лет методическую помощь в описании археологической коллекции.

В Музее истории города-курорта Сочи хранятся документы, связанные с деятельностью Л.Н. Соловьева на сочинской земле. Это отчеты по исследованным им памятникам (АМИГКС. Ф.1), личная переписка (АМИГКС. Ф.1, д.105), фотографии (АМИГКС. Ф.1, д. 48). Основной и временный фонды музея включают археологические коллекции (насчитывают свыше 500 единиц), поступившие в фонды в результате раскопок Л.Н. Соловьева, проводившихся в разные годы. Их описание ведется до сегодняшнего дня (Галищева, АМИГКС. Ф.1, д. 97).

С 1949 по 1958 годы Л.Н. Соловьевым были обследованы территории современных Хостинского и Адлерского районов Большого Сочи. В ходе археологических разведок и раскопок им были выявлены памятники археологии, ставшие позднее историко-культурным наследием РФ. Необходимо отметить, что работу ученый вел по двум направлениям – геологические и археологические изыскания. Будучи сотрудником филиала карстово-спелеологической станции МГУ в Хосте, позже переименованной в Крымский филиал карстово-спелеологической станции АН УССР, и, наконец, в Карстовый отдел Адлерской станции лаборатории гидрогеологических проблем АН СССР, он обследовал значительную территорию от Туапсе до Адлера. Судя по документу от 31.12. 1949, хранящемуся в Музее истории города-курорта Сочи, он проводил разведки от Туапсе до Гудаты в пределах Краснодарского края и Абхазской АССР (Ф.1, д.105). Можно выделить несколько зон, исследованных Л.Н. Соловьевым в этот период. В Хостинском районе это территория тисо-самшитовой рощи (Хостинская крепость, Самшитовый грот – зафиксировал стоянки каменного века), гора Ахун (средневековый храм), маршрут р. Хоста – Белые скалы – селение Красновольск – зафиксировал мустьерские и неолитические стоянки, средневековые храмы, пещера Школьная), окрестности села Воронцовка (пещеры – Большая Воронцовская, Малая Воронцовская, Пионерская).

Исследования в Адлерском районе на территории санатория «Известия» (стоянка «Махновский сад»), между селениями Каменка, Тверское и Красноводск, вблизи слияния рек Псахо и Кудепсты (пещеры Навалишинская, Пещера с нарами, Пещера с боковой лестницей, Карстовая пещера, Даньковий яр, Каменка), в Имеретинской низменности (поселения бронзового века и античной эпохи, средневековые могильники (Недоля И. К. АМИГКС Ф.1, д.23), в окрестностях сел Казачий брод и Ахштырь (Ахштырская пещера, Малая Ахштырская пещера, Дзыхринская (Лиановая), Дзыхринский грот), Нижняя Шиловка (Нижнешиловская неолитическая стоянка), на восточном склоне горы Кепш (Кепшинская пещера), в окрестностях поселка Красная Поляна (дольмены в Красной Поляне и в ущелье реки Бешенки (А. И. Мелихов, 1957 год), Ачипсинская и Аибгинская крепости), в бассейне реки Пслух (крепость «Пслух», средневековые могильники «Могильная поляна» в районе крепости) (Воронов, 1994. С. 33).

Часть выявленных и исследованных археологических объектов, большинство из которых расположено на землях Сочинского национального парка, на основании отчетов Л.Н. Соловьева была взята под охрану государства. Это первобытные стоянки Большой Воронцовской пещеры, Малой Воронцовской пещеры, Навалишинской пещеры, а также колодцеобразные гробницы, Нижнешиловское поселение, крепости и храмы (Гусева, 1997. С. 58–65).

Одним из самых значимых памятников, выявленных и изученных Л.Н. Соловьевым, является стоянка Большой Воронцовской пещеры. Она отнесена к эпохе раннебронзового века. Стоянка служила временным пристанищем торговцев, следовавших по торговому пути с Черноморского побережья на Северный Кавказ (Воронов, 1979. С. 37). В 1949 году ученый приступил к изучению стоянки в окрестностях села Воронцовка. Большая Воронцовская пещера на долгие годы стала объектом его пристального внимания. Соловьев не только проводил в ней археологические раскопки на протяжении сочинского периода жизни, но и, вернувшись

в Абхазию, неоднократно организовывал экспедиции в пещеру совместно с ЛОИА РАН и Сочинским краеведческим музеем. Большая часть артефактов из пещеры была передана в музей, где впоследствии ученый продолжал изучение коллекций (Соловьев, АМИГКС Ф.1, д. 1/1). Результатом этой работы стала его диссертация на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Первобытные стоянки Очамчиры и Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология», которую он защитил при ЛОИА РАН в 1958 году (Воронов, 1994. С. 33).

Другим не менее значимым объектом, обследованным Л.Н. Соловьевым совместно с краеведом и учителем географии Н.И. Гумилевским, стало Нижнешиловское поздненеолитическое поселение. Изучение этого памятника осуществлялось в 1952–55 гг. Именно на этой стоянке впервые были получены данные об облике древнейших из известных на рассматриваемой территории жилых построек. В большом количестве здесь были обнаружены самые разные предметы – мотыжки, терочники и песты, орудия для обработки дерева, клиновидные топоры, кремневые наконечники стрел (Воронов, 1979. С. 29).

В научно-исследовательских экспедициях Л. Н. Соловьев, как правило, работал с археологами А.И.Мелиховым, В. П. Любиным, Н.В. Анфимовым, а также палеонтологом Н. И. Бурчак–Абрамовичем. Некоторые из них, например, В.П. Любин, в дальнейшем продолжили изучение ряда памятников (Малая Воронцовская, Кепшинская пещеры и др.) уже без участия Л.Н. Соловьева (Л.Н.Соловьев, В.П.Любин. АМИГКС Ф.1, д. 6).

Работая в Сочи, Л.Н. Соловьев сумел сплотить вокруг себя людей, которые стали подвижниками своего дела. Среди них – директор и сотрудники Сочинского музея краеведения А.П. Краснов, Б.А. Шарапов, Б.И. Мерзлякова, М.И. Иванова и другие. Л.Н. Соловьевым совместно с работниками музея были организованы экспедиции по пещерным стоянкам, в частности, в Большую Воронцовскую пещеру (АМИГКС. Ф. 1, д. 53).

Вместе с Л.Н. Соловьевым активно работали сочинские учителя и краеведы – Н.И. Гумилевский (участвовал практически во всех экспедициях), Т.Н. Высоцкая, А.А. Ломаев, И.К. Недоля. Преподаватель географии Н.И. Гумилевский активно привлекал к археологическим раскопкам школьников, своих учеников. В Музее истории города-курорта Сочи хранится карта-схема с описанием первобытных стоянок на территории Адлерского района, составленная в 1949–52 гг. Н. И. Гумилевским и его учениками (Гумилевский Н.И. АМИГКС Ф.1 д. 21). Под руководством Л.Н. Соловьева для школьников неоднократно проводились экскурсии к памятникам археологии. Ученый лично оказывал профессиональную методическую помощь учителям в создании школьных музеев.

Невозможно не восхищаться научной деятельностью Л.Н. Соловьева в Сочи, его неуёмной жаждой познания, стремлением изучить историческое прошлое сочинской земли, обогатить полученными знаниями других, невозможно не восхищаться. За короткий период – с 1949 по 1958 год – им было зафиксировано более 50 местонахождений археологических объектов и обнаружено более 1 000 артефактов. Часть этих артефактов вошла в археологическую коллекцию фондов Музея истории города-курорта Сочи и выставлена в экспозиции «Археологические памятники Сочинского региона».

Литература

- Воронов Ю.Н.** Лев Николаевич Соловьёв. СПб, «Триал», 1994.
- Воронов Ю.Н.** Древности Сочи и его окрестности. Краснодар, 1979.
- Гусева А.В.** Каталог историко-культурного наследия г. Сочи. Сочи, 1997.
- Мелихов А.Н.** Памятники эпохи бронзы в Красной Поляне / Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 1, Одесса, 1957.

Соловьев Л.Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. XXIV. Сухуми, 1958.

Архив МИГКС

Инвентарная опись предметов при раскопках в Воронцовской пещере в 1957г., сданных Л.Н. Соловьевым. Рукопись. АМИГКС. Ф.1, д.1.

Стоянки Воронцовской пещеры. Фотокопии Воронцовской пещеры. АМИГКС. Ф.1, д.1/1.

Краткий предварительный отчет о работе совместной археологической экспедиции музея и Ленинградского отделения института археологии АН СССР. (совместно с В.П. Любиным). 1966 г. АМИГКС. Ф.1, д. 6.

Отчет о раскопках Малой Воронцовской пещеры в 1964 году (совместно с В.П. Любиным). АМИГКС. Ф.1, д.6.

Краткий отчет о разведке палеолита в горном Черноморье, 1966 г. (совместно с В.П. Любиным). АМИГКС Ф.1, д. 6.

Чертежи. Приложение к предварительному отчету об археологических раскопках в Воронцовской пещере в 1965 г. АМИГКС. Ф.1. д. 15.

Письма и другие материалы из архива археолога Соловьева Л.Н. 50-е годы. Ф.1, д. 105.

Письма. Фотографии ч/б. АМИГКС. Ф.1, д. 48.

Галищева Е.В. Персональная карточка на археолога Льва Николаевича Соловьева, проводившего исследовательскую деятельность в городе Сочи (с описанием основного и временного фонда коллекций, переданных Л.Н. Соловьевым). Ф.1, д. 97.

Недоля И.К. Отчет по обследованию памятников Средневековья в районе Большого Сочи за 1954–68 гг. АМИГКС. Ф.1, д. 23.

КАМЕННЫЙ ВЕК И ЭПОХА БРОНЗЫ

Любин В.П., Беляева Е.В.,

Санкт-Петербург

ДРЕВНЕЙШИЕ АШЕЛЬСКИЕ ИНДУСТРИИ КАВКАЗА

До недавнего времени вся совокупность материалов свидетельствовала о том, что на Кавказе представлена главным образом поздняя стадия ашеля (вторая половина среднего плейстоцена). В последнее десятилетие, однако, на севере Армении (Лорийское плато) обнаружены стратифицированные памятники с ранне- и среднеашельскими индустриями (Карахач, Мурадово, Куртан I). Абсолютные датировки и палеомагнитные характеристики этих памятников говорят о появлении ашеля на Кавказе 1,9–1,8 млн. лет назад и о его последующем развитии в раннем плейстоцене и начале среднего плейстоцена. Изучение технико-морфологической специфики данных индустрий показало, что она в значительной мере обусловлена преобладающим использованием в качестве заготовок естественных плитчатых отдельностей местного вулканического сырья. Судя по орудийному набору, для ранних этапов кавказского ашеля характерны такие орудия, как пики, массивные рубила, включая пиковидные и обушковые формы, брусковидные чопперы, макро-ножи и др. Впервые выявленный облик ранне- и среднеашельских индустрий Кавказа позволяет заново оценить и определить предшествующие находки изделий архаичного облика. К раннему ашелю теперь можно уверенно отнести индустрию стоянки Кинжал (Северный Кавказ, Пятигорье), а к ранне-среднему ашелю – единичные находки из Саратовской (Северный Кавказ, Прикубанье), урочища Учелет (Центральный Кавказ, Южная

Осетия) и ряда пунктов в центральной Абхазии (урочище Суходол, горы Ахабиук (Ахбюк) и Трапезия). В Абхазии подобные изделия изготавливались не только из основного местного кремневого сырья, но и из вулканических пород, источники которых известны в бассейне р. Кодора. Судя по всему, создатели ранне- и среднеашельских индустрий расселялись на Кавказе с юга на север через низкие перевалы Кавказского хребта и вдоль побережий Черного и Каспийского морей. Таким образом, Абхазия, занимающая обширный участок Черноморского побережья, является одной из перспективных территорий для поисков следов древнейших ашельских индустрий.

Канделаки Д. А.,

Сухум

У ИСТОКОВ ЭТНОГЕНЕЗА АБХАЗО-АДЫГОВ

К абхазо-адыгской этнолингвистической группе (или западнокавказской этногенетической общности), автор данной работы вслед за рядом специалистов относит абхазский, абазинский, адыгейский, кабардинский, черкесский, этносы и языки в их современном состоянии, а также ряд вымерших языков и народов, такие как хаттский, каскейский, абешлийский, и совсем недавно вымерший убыхский язык.

Несомненно, в прошлом существовало еще большее число ее представителей, которые исторически не зафиксировались, или зафиксировались чрезвычайно слабо в топо-и ономастических слоях, или по данным археологии и антропологии. Это свидетельствует о том, что в своей этногенетической динамике данная группа прошла длительный этап эволюции, рождения, существования и трансформации древних языков и этносов, в ходе которой происходило «отмирание» целых древних ветвей. Таким образом, эта группа представляет собою на данном этапе лишь пространственно-временной срез дальнейшего этногенетического процесса, который осуществлялся в прошлом, и будет осуществляться в будущем.

Западнокавказская этногенетическая общность в своем древнейшем состоянии представлена большим количеством своих древних членов, среди которых хаттские в широком смысле языки и народы, а также указанные выше каскейцы, абэшлайцы. Спорным остается вопрос о языке носителей письма, оставленных на

«Майкопской» и «Сухумской» плитах, который встречается на Западном Кавказе, а также в Финикии в городе Библ. Если будет доказана абхазо-адыгская языковая природа этих надписей, то, это может свидетельствовать о нахождении отдельных групп абхазо-адыгов в ряде областей Передней Азии и Восточного Средиземноморья (Турчанинов, 1971). В литературе также иногда встречаются попытки использовать данные абхазо-адыгских языков для дешифровки критского линейного письма «А» (Сергеев, 1984. С. 88; Сергеев, Цымбурский, 1984, С. 92). Более вероятным может считаться, что к абхазо-адыгскому этноязыковому миру следует относить доиндоевропейское и неиндоевропейское населения, условно именуемые как протолувийское и протопалайское, которые ареально и хронологически сосуществовали с хаттами, и обитали в Южной и Западной Анатолии (Дьяконов, Янковская, Ардзинба, 1988. С. 119). Вероятно, некоторые субстратные языковые слои, выявляемые в топонимике Средиземноморья и Балкано-Дунайского региона, свидетельствуют о пребывании там общностей близких западнокавказским и восходящим к прасевернокавказскому или даже синно-кавказскому уровням (Баян, 1988. С. 97-110; Дыбо, 2006. С. 75-93; Дыбо, 2013. С. 99).

Сегодня сложно что-либо сказать об этническом и языковом облике древних обитателей современного Причерноморья Кавказа, восходящих к периодам верхнего палеолита. Очевидно, они имели здесь различные истоки своего происхождения, происходили из различных географических очагов и были носителями различных технологических традиций. В такой ситуации могли иметь место и различная этническая и языковая природа этих древних коллективов. Вероятно, последовавшие затем длительные контакты способствовали конвергенции древних языков, что в итоге способствовало сложению самых ранних признаков того праязыка или уже групп языков, в которых отдаленно уже можно усматривать в начале будущую прасевернокавказскую, а затем и западнокавказскую этногенетическую общности.

Условной границей, от которой мы должны отталкиваться при определении времени образования западнокавказской этногенетической общности, должна быть временная точка, когда произошло разделение более крупной классификационной совокупности, в которую она входит. Таковой должна быть прасевернокавказская общность. Период существования прасевернокавказской общности мы должны относить ко времени VII нач. VI вв. до н. э. Время, когда начался ее распад, большинство специалистов относят с незначительной разницей, примерно ко времени конца VI начала V вв. до н. э., или, как показывают данные глоттохронологического анализа, между 4000 г. до н. э. и с заходом за 5000 г. до н. э. (Дьяконов, 1989. С. 18; Старостин, 1988. С. 154; Николаев С. Л., Старостин, 1984. С. 28). С этого момента, следовательно, мы можем говорить о начале самостоятельного обособления западнокавказской общности, формирование которой мы уже относим к V т. до н. э., то есть к концу неолита (Николаев, Старостин, 1984. С. 28).

Если учитывать данные о времени распада прасеверокавказской общности, который осуществился к концу VI т. до н. э., то очевидно, что примерно через полторы две тысячи лет произошел, и распад празападнокавказского единства. Подтверждением этому могут считаться термины, связанные с хозяйственно-культурной деятельностью, свидетельствующие о том, что накануне распада прахатто-абхазо-адыги уже освоили подсечно-огневое земледелие, и уже знали культурное просо, стали древними садоводами, и освоили скотоводство. Наличие металлов в празападнокавказском языке, показывает, что хозяйственный уклад реконструируемой празападнокавказской общности свидетельствует скорее о завершающем периоде неолита и начальной поре энеолита, и очевидно, падает в хронологических пределах примерно с середины V т. до н. э., то есть, примерно, 45-46 вв. до н. э. по конец IV в. до н. э., то есть, примерно, до 30 в. до н. э. Время ее филиации должно было осуществляться ко времени начала ранней бронзы с заходом в поздний энеолит, когда отдельные звенья распадаются

ся на хаттскую, каскейскую, абэшлийскую, убыхскую, абхазскую и адыгскую ветви.

Другая сторона проблемы это определение географического очага, где осуществлялись самые ранние этапы этногенетической истории пражпаднокавказской общности. Для начала важно определить круг тех языков древности, которые входили в западнокавказскую этнолингвистическую группу. Единственными группами в западнокавказском, по времени близкими к рассматриваемой нами теме, и имеющими более или менее точную, локализацию, остаются хатты, а также каскейцы и абэшлайцы. В случае, с которыми мы можем строго соотнести и выверить данные археологии и письменных источников (Дьяконов, 1989).

Сегодня хатты, каскейцы и абэшлайцы причисляются к западнокавказским языкам (Николаев, Старостин. 1984; Иванов. 1981. С. 26-59; Ардзинба, 1979. С. 37; Дунаевская, 1954). Правда, не решен вопрос об их положении в системе этой группы. По традиции сложившейся в исторической науке, после доказательства родства хаттов, каскейцев и абэшлийцев с абхазо-адыгскими народами и включения их в состав западнокавказской общности, долгое время господствовало предположение, что в их лице следует видеть древних предков современных абхазо-адыгских народов. С учетом этого обстоятельства принято было считать установленным, что прародину той или иной общности всегда следовало бы искать в том районе, где сосредоточены наиболее древние и архаичные представители данной ветви. В случае с пражпаднокавказскими языками такими группами, следовательно, выступали хатты, каскейцы и абэшлайцы. В связи с этим строились различные гипотезы и теории, по которым предки абхазо-адыгов мигрировали в древности с первоначальных очагов своего возникновения, как раз таки от туда, где и располагался ареал хаттов, каскейцев и абэшлайцев. Большинство дискуссий тем самым происходили вокруг хронологии и путей этих миграций (Анчабадзе, 1976; Бгажба, Лакоба, 2007.; Ардзинба, Чирикба, 1993; Инал-ипа,

1971; Инал-ипа, 2011; Шакрыл, 1985. С. 180-194; Инал-ипа, С. 1-10; Чкадуа, 1997. С. 3-19.).

Сегодня следует несколько иначе смотреть на эту проблему. Так как, когда существовали хаттский, каскейский и абэшлийский языки, абхазо-адыгские языки и народы уже были глубоко дифференцированы и хронологически сосуществовали друг с другом. В случае с хаттским, каскейским и абэшлайским, тем самым, родство с абхазо-адыгами не означает, что они являются их предками. Очевидно, все они непосредственно входят наряду с абхазо-адыгами в состав западнокавказской группы языков, отражая тем самым факт параллельной их дифференциации, хронологически синхронной по своей сути от общего пражпаднокавказского праязыка. Тем самым мы не можем считать хаттов, каскейцев и абэшлайцев самыми древними представителями западнокавказской общности лишь исходя из того факта, что они фиксируются как самые древние по времени.

Вероятно такими же древними оказались бы и другие группы западнокавказского, если бы они, к примеру, оказались зафиксированными древневосточными источниками, например в Кавказском Причерноморье.

С другой стороны, решение проблемы поиска прародины зависит от того, какую из теоретических установок мы возьмем за основу. Если исходить из господствующих теорий и гипотез о миграции в прошлом предков абхазо-адыгов в места их позднейшего бытования на Кавказе, тогда и вопрос решается самим собою, когда этот процесс можно представить в виде их перемещения так сказать в «готовом виде». Но подобный подход неприемлем для автора данной работы. Самая главная причина заключается в том, что вышеуказанный подход вынудит нас признать факт наличия субстратного слоя, с учетом тех археологических культур, которые будут постоянно фиксироваться как доабхазо-адыгские на Западном Кавказе, и независимо от того, какую хронологическую точку отсчета мы примем за основу миграции абхазо-адыгов в области

поздней прародины. Нам в данном случае может быть приемлема другая модель. Скорее никакой миграции не было, а шла трансформация верхнепалеолитического и мезолитического населения Кавказа и близлежащих областей, который дал в будущем облик сначала прасеверокавказской, а затем после ее распада празападнокавказской и других общностей в нее входящих. Очевидность такого подхода при всей кажущейся легкости объяснения в какой-то мере снимает противоречия и легко объясняет ситуацию с поиском прародины празападнокавказского языка и его носителей.

Доказательством этого служат данные западнокавказских языков. Наиболее разветвлённая в данном случае для праабхазо-адыгов остается та терминология, которая отражает геоморфологические, то есть рельефные особенности местности и свидетельствующие о его расчлененности. Это говорит о том, что зоной первоначального сложения представителей празападнокавказской общности должна быть горно-приморская область, с наличием горно-приморских лесных фауно-флористических комплексов, с наличием густой речной сети.

В большей мере доказательством правильности такого подхода следует считать и факт из области антропологии. Известно, что сложение антропологических типов напрямую обусловлено генетической передачей основных расово-морфологических признаков, которые осуществляются между популяциями, входящими в этот тип. Очевидно в таком случае именно наличие в данном регионе того или иного антропологического типа означает, что именно в его границах и осуществляются наиболее интенсивные связи.

Как известно, основным антропологическим типом населения абхазо-адыгов следует считать Понтийский тип Балкано-кавказской расы. Понтийский тип представляет собою древнее образование, которое формировалось в ряде областей не только Восточного, но и Южного Причерноморья, Западного Кавказа, Анатолии и Балканского полуострова. Он хорошо представлен во многих частях Западного Кавказа и очевидно, судя по последним

данным, предшествовал Кавкасионскому типу в ряде ущелий Центрального Кавказа, в частности в Кабардино-Балкарии и Осетии (Алексеев, 1974а; Алексеев, 1974б; Рогинский, Левин, 1963; Хрисанова, Перевозчиков, 2002; Квициния, 2000; Бунак, 1953; Гаджиев, 1975; Герасимова, 1997; Левин, 1932).

Большинство антропологов считает, что в наиболее чистом виде понтийский тип представлен, очевидно, в западнокавказских (абхазо-адыгских группах). Для западных районов Кавказа, следовательно, то есть там, где и распространен понтийский тип и в целом совпадающий с ареалом абхазо-адыгской этнолингвистической группы, можно говорить, что генезис этого типа есть результат длительной его эволюции, происходившей на месте. А с учетом своего географического ареала он как раз таки охватывал намеченную нами зону сложения празападнокавказской общности. Господствует мнение, что формирование понтийского типа связано с процессом грацилизации палео-мезолитического населения Западного Кавказа, который привел к складыванию тех расово-морфологических признаков, которые и характеризуют понтийские популяции. Предполагают, что процесс грацилизации связан с эпохой начала зарождения земледельческо-скотоводческой производящей неолитической экономики (Алексеев, 1974). По другой модели становление понтийского типа есть результат появления на Кавказе в эпоху раннего неолита мигрантов с Южного Анатолийского Причерноморья, в том числе принесших сюда на Кавказ и навыки неолитической экономики и культуры (Бунак, 1953). Время формирования понтийского типа падает на мезо-неолитический рубеж, что в целом совпадает и согласуется с дивергенцией и формированием северокавказского праязыка. Очевидно, дальнейшее развитие признаков понтийского типа осуществлялось уже в рамках отделившейся западнокавказской общности.

Еще одна важная сторона проблемы, которая необходима для учета этногенетических процессов и которая не может быть до

конца изучена, если ее не рассмотреть – это положение празападнокавказской общности с учетом ее взаимодействия с аналогичными ей этногенетическими общностями и образованиями. Сразу бросается в глаза тот факт, что после разделения общесеверокавказской общности ее отдельные звенья контактировали между собою крайне слабо. Между празападнокавказской и правосточнокавказской подразделениями северокавказской общности наблюдается сравнительно раннее и очень глубокое обособление в отдельных случаях выходящее за рамки межгрупповой дифференциации. Причину этого явления следует видеть в том, что сложение языков северокавказской общности осуществлялось путем языкового скрещения, например, в эпоху близкую к мезолиту и осуществлялось оно вероятно не родственными в языковом отношении популяциями и их генетическое сходство в языке выкристаллизовывалось лишь позже в языках потомков этой семьи (Бызов, 2011. С.570).

В этой связи интерес представляют контакты празападнокавказской общности с одной из ветвей индоевропейской семьи, в частности, анатолийской группой. Следует учесть, что традиция контактов подобного рода осуществлялась еще между северокавказской и индоевропейской семьями до их распада в V тыс. до н. э. (Старостин, 1988. С. 154; Николаев, Старостин, 1984. С. 32.). Процесс этот осуществлялся и позже. Так исторически зафиксированы контакты между хаттами и представителями анатолийской ветви индоевропейской семьи, которые происходили в Анатолии. Нам известно, что выделение анатолийской ветви произошло примерно в середине V тыс. до н. э. от общеиндоевропейского это примерно 4600-4670 гг. до н. э. (Старостин, 2007; Гамкрелидзе, Иванов, 2013. С. 113; Иванов, 2011. С. 20; Дыбо, 2013. С. 105.). Контакттировать с хаттами она стала по всей вероятности спустя тысячу, или полторы тысячи лет, так как появление хеттов-несситов (одна из анатолийских индоевропейских групп) в Малой Азии происходит в XXVII-XXVI вв. до н. э., или, что более вероятно, проникновение

анатолийцев происходит в Малую Азию уже в первые столетия III т. до н. э., в пределах от 2900 по 2600 гг. до н. э., когда он впервые вступает в контакт с празападнокавказским хаттским, который затем станет субстратом хеттского (Клейн, 2012. С. 28).

Таким образом, очевидно самые ранние контакты уже выделившегося из прасеверокавказского праязыка западнокавказского подразделения осуществлялись уже вначале III тыс. до н. э. Вероятно, для северо-западного угла Малой Азии такие контакты можно допустить и для индоевропейского палайского, который очевидно наложился на какой-то субстрат, аналогичный хаттскому или каскейско-абешлийскому. Следующий пласт индоевропейско-празападнокавказских контактов мы связываем с индоарийским. Считается что арийский дивергировал от общеиндоевропейского очевидно в начале IV тт. до н. э. Точно известны и его археологические эквиваленты. С общеарийским состоянием связывают ямную культуру IV – нач. III тт. до н. э., с предками индоариев – катакомбную культуру III т. до н. э., а с предками иранцев срубную и андроновскую культуры II т. до н. э. (Клейн, 2012. С. 33; Алиев, Смирнов, 2010. С. 15). Сегодня определена и ареальная локализация общеарийской общности – это области Северного Причерноморья и районов междуречья низовьев Волги и Дона. Очевидно, с момента распада индоевропейского арии выходят в южнорусские степи и вступают в контакт уже с отдельными ветвями северокавказской общности, в частности с празападнокавказским и правосточнокавказским племенами. Вероятная область этих контактов, степное Приазовье и Прикаспий, время очевидно, рубеж энеолита и ранней бронзы.

Другая сторона проблемы это предположение специалистов о возможном даже субстратном отношении арийского к абхазо-адыгским народам, то есть, возможно, абхазо-адыгам на Кавказе предшествовал индоарийский субстрат (Джонуа, 2010; Джонуа, 2000. С. 2). Автор этих строк не придерживается этой модели, и считает, что индоарийцам на Кавказе нет места, если не считать

УРАЛ-АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ
ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ
ИНДО-КАВКАЗСКАЯ ОБЩНОСТЬ

ЧЕРНОЕ МОРЕ
МАЛАЗИЯ
КРАСНОЕ МОРЕ
ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ
О-В. АРАВИЯ

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

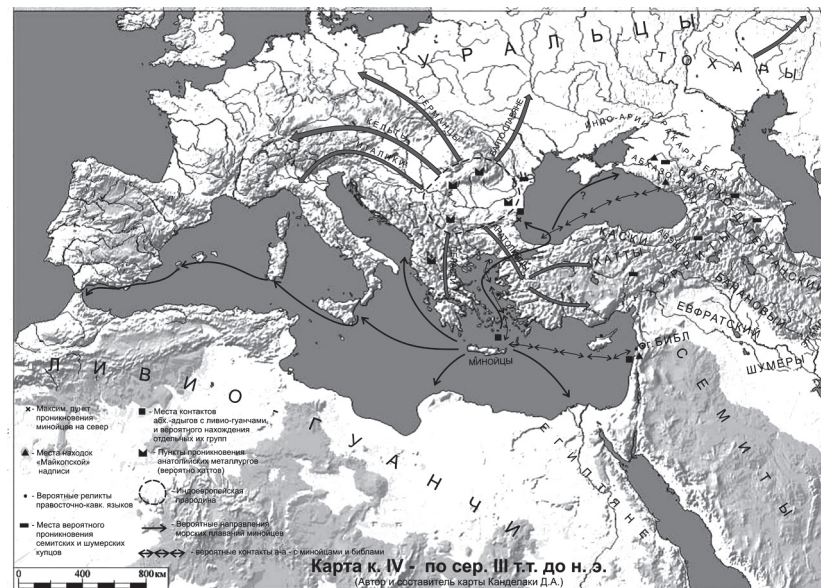
Карта VIII - VII т.т. до н. э.
(Автор и составитель карты Канделакис Д.А.)

46

Не следует забывать при этом, что контакты эти обладали не столь обширным корпусом взаимных корреспонденций. Большинство терминов свидетельствуют, что заимствующей стороной выступала ливиио-гуанчская семья, и контакты эти могут быть отнесены уже ко времени окончательного сложения неолитической земледельческо-скотоводческой экономики. Автор не придерживается того мнения – что эти контакты могли осуществляться на Ближнем Востоке. Потому что ко времени V-IV тт. до н. э. ливиио-гуанчи уже наверняка находились в местах своего прежнего обитания, то есть в Северной Африке к западу от Египта. А если считать, как утверждает ряд специалистов, что прародина афразийской макросемьи располагалась в Сахаре, то ливиио-гуанчи никогда и не находились в Передней Азии. Тогда где и когда могли осуществляться контакты празападнокавказцев и ливиио-гуанчей? Такой условной временной границей следует считать период от распада прасеверокавказской общности и время когда празападнокавказская общность успела просуществовать в еще нерасчлененной форме полторы две тысячи лет спустя после ее отделения от прасеверокавказской общности. А также время распада праафразийской и выделения ливиио-гуанчской группы. Но и в этом случае отдельные звенья афразийской уже оказываются географически далеко отошедшими друг от друга. Единственный выход из ситуации это очевидно морские миграции, когда древние общества Средиземноморья становятся на путь кораблестроения и каботажного (вдоль берега) плавания, что отчасти совпадает с их активными контактами с представителями различных этноязыковых миров. Вероятно, этот процесс охватил и празападнокавказскую общность, ознаменовав начало контактов народов абхазо-адыгской общности с областями Восточного Средиземноморья, Эгей-

ды, Североафриканского побережья и Западного Средиземноморья. Именно здесь уже в эпоху ранней и средней бронзы могли осуществляться контакты с ливиио-гуанчами, допустим представителей «Майкопской» и «Сухумской» плит, в том числе через ранние финикийские порты Библа, Тира и Сидона. Такое же допустимо и для носителей раннеминойского линейного письма «А» на острове Крит, в надписях которого видят следы ливиио-гуанчских языков, либо иногда каких-то северокавказских. Не исключён факт, что минойцы как то могли контактировать и непосредственно с абхазо-адыгами в Восточном Причерноморье, либо наоборот абхазо-адыги контактировали с ними в Эгеиде (Магидович И., Магидович В., 1970; Ардзинба, 1980). В какой-то мере подтверждением таких контактов, вероятно, следует считать очевидный факт реальности морских плаваний собственно абхазо-адыгских народов, который косвенно может быть подтвержден и данными аргонавтики. Очевидно греки, плывшие за Золотым руном в Колхиду, несомненно, не были ее первооткрывателями, так как они уже имели о ней непосредственное представление и, по сути, знали примерные маршруты плавания. Они скорее повторили торговый путь своих предшественников с целью возобновления старых существовавших до них маршрутов в Восточное Причерноморье. Несомненно, очевидно то, что информация об этих северных маршрутах и северных странах, была унаследована ими уже в самой Элладе от носителей еще неиндоевропейского крито-минойского реликта, и позже через посредство ахейцев крито-микенцев, включая очевидно первых представителей раннедревнегреческих пеласгов, или непосредственно через самих жителей Восточного Причерноморья, плававших в Элладу.

Ещё одна группа контактов, которая осуществлялась и на которую следует обратить внимание, это так называемые пражпадно-кавказско-картвельские контакты. Как ни странно эти контакты относятся к значительно более позднему этапу, несмотря на то, что сегодня эти группы, несомненно, географически соприкаса-

ются. Отсутствие контактов на более ранних этапах скорее свидетельствует о том, что между этими двумя частями были инородные включения, которые, увы, сейчас сложно идентифицировать. Отметим, что сегодня картвельская семья является представителем ностратической общности, и так как автор данной работы не принимает иберийско-кавказской теории, он считает, что скорее картвельская семья должна была формироваться в момент своего отделения где-то в областях, именно примыкающих к центру ареала ностратической макросемьи. Автор считает, что таким ареалом для ностратической семьи должен быть регион, который близок к современному ареалу уральской семьи. Но то, что ареал картвелов был достаточно широк, и располагался к северу от Кавказа говорят, между прочим, по мнению автора и активные их контакты с древнеевропейской общностью индоевропейской семьи.

Таким образом, в областях к северу от Кавказа сначала произошло выделение из ностратической индо-картвельской общности,

а затем отделение картвельской. Здесь к северу от Кавказа они начинают примерно до IV т. до н. э. формировать облик пракартвельской общности и вступают, очевидно, в контакт с правосточнокавказской частью северокавказской семьи и задевают праязочнокавказскую общность периферийно. Пракартвелы, очевидно, вступают на путь неолитизации в соседстве с правосточнокавказцами, что доказывается культурными взаимными контактами между ними.

Очевидно, спустя некоторое время происходит распад пракартвельской общности, переход через Большой Кавказ и спуск её отдельных звеньев на равнины одновременно Западного и Восточного Закавказья. Любопытно, что пракартвелы предстают преимущественно скотоводами, а после распада-занская и картская ветви продолжают осваивать земледельческую экономику самостоятельно от сванской. Это доказывается тем, что сохранившиеся реликты пракартвельской общности доживают до пресванского состояния. Она разделяет с остальными звеньями общие скотоводческие термины, а земледельческие перенимает, от своих соседей родственных им картов и занов. Позднее пракартвельский, начинает взаимодействовать с абхазо-адыгскими компонентами в Западном Закавказье (центральная часть Колхидской низменности), приспособляя топонимику и гидронимику абхазо-адыгов под свой строй картвельского языка. Начало этих контактов мы относим скорее ко времени рубежа раннего железного века. В этот период картвелы спускаются на равнины и постепенно ассимилируют абхазо-адыгов, передавая им свой язык, а сами перенимают антропологический облик понтийской расы в этом регионе.

Очевидно в VII в. до н. э. происходит разрыв сплошного ареала абхазо-адыгов и, каскейцы, абэшлийцы уже не контактировали с абхазо-адыгами. Несколько позже отдельные реликты бывшего обширного расселения абхазо-адыгов в Восточном Причерноморье, в области известной как Колхида, успевают зафиксироваться раннеантичными греческими источниками. Позже отдельные аб-

хазо-адыгские реликты доживают здесь вероятно и до поздней античности и даже раннего средневековья (Бганба, 2000. С. 46-79; Чкадуа, 2005. С. 58; Ньюшков, 2012. С. 138-148).

Литература

- Алексеев В. П.** Происхождение народов Кавказа (Краниологическое исследование). М., 1974а.
- Алексеев В. П.** География человеческих рас. М., 1974б.
- Анчабадзе З. В.** Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.
- Ардзинба В. Г.** Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков. Переднеазиатский сборник. III. История и филология стран Древнего Востока. М., 1979.
- Ардзинба В. Г.** Падение хеттской державы и Эгейский мир. В кн.: Зарождение раннеклассовых обществ. М., 1980.
- Ардзинба В. Г.** Хеттское царство и Эгейский мир. В кн.: История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
- Ардзинба В. Г., Чирикба В. А.** Введение. Происхождение абхазского народа. История Абхазии. Учебное пособие. Гудаута, 1993.
- Баюн Л. С.** Древняя Европа и индоевропейская проблема. В кн.: История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988.
- Бунак В. В.** Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XIV. М.-Л., 1953.
- Бгажба О. Х., Лакоба С. З.** История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.
- Бганба В. М.** К вопросу о происхождении и этноязыковой принадлежности некоторых этнонимов древнего Восточного Причерноморья. Абхазоведение: язык, фольклор, литература. Сухум, 2000, вып. I.

Бызов И. В. О Майкопской культуре, минойской цивилизации и этногенезе вайнахов. Вестник Российской ДНК-генеалогии. 2011, том 4, №3.

Гаджиев А. Г. Древнее население Дагестана по данным краниологии. Махачкала, 1975.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений. Вопросы языкового родства. 2013, №9.

Герасимова М. М. О генеалогических взаимоотношениях кавкасионской и понтийской рас (на краниологическом материале). Единство и многообразие человеческого рода. Часть 2, М., 1997.

Дьяконов И. М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке. Кавказ и цивилизации Древнего Востока (Материалы всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе, 1989.

Квициния П. К. Вопросы антропологии абхазов. Сухум, 2000 (на абх. яз. с русск. резюме).

Дыбо В. А. Членение праиндоевропейского по акцентологическим данным. Вопросы языкового родства. 2013., 9.

Дунаевская И. М. О характере и связях языков древней Малой Азии. ВЯ., 1954, №6.

Дыбо В. А. Язык-этнос-археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы). Глобализация-этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. В двух книгах. Книга I. М., 2006.

Дыбо В. А. Диалектное членение праиндоевропейского по акцентологическим данным. Вопросы языкового родства. 2013. 9.

Иванов В.В. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским. Древняя Анатолия. М., 1981.

Иванов В. В. Современное состояние индоевропейской проблемы. Вестн. РАН. 2011, том 81, №1.

Инал-ипа Ш.Д. Об этногенезе древнеабхазских племен. VII конгресс антропологических и этнографических наук (МКАЭН) (Москва, август, 1964 год). М., 1964.

Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов (материалы и исследования). Сухуми, 1971.

Инал-ипа Ш. Д. Труды. Том III. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 2011.

Левин В. И. Этногеографическое распределение расовых признаков у населения Северного Кавказа. Антропологический журнал, 1932, № 2.

Магидович И. П., Магидович В. И. История открытия и исследования Европы. М., 1970.

Милитарев А. Ю., Шнирельман В. А. К проблеме локализации древнейших афразийцев (опыт лингво-археологической реконструкции). Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984.

Милитарев А. Ю., Старостин С. А. Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984.

Николаев С. Л., Старостин С. А. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984.

Нюшков В.А. К локализации Юго-Восточной границы Аписилии. Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2012.

Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1963.

Сергеев В. М. К вопросу о фонетической структуре языка линейного А. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984.

Сергеев В. М., Цымбурский В. Л. Памятники критской письменности: структура текста как ключ к распознаванию языка. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984.

Старостин С. А. Труды по языкознанию.: Языки славянской культуры. М., 2007.

Старостин С. А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы. Древний Восток – этнокультурные связи. М., 1988.

Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.

Хрисанфова Е. Н., Перевозчиков И. В. Антропология. Учебник. М., 2002.

Шакрыл К. С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов. Труды. Статьи и очерки по вопросам абхазского языка и фольклора. Сухуми, 1985.

Чкадуа Л. П. Некоторые вопросы истории Абхазии в контексте лингвистических данных. Актуальные вопросы абхазо-адыгской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. Карачаевск: изд-во КЧГПУ, 1997.

Кизилов А.С.,

Сочи

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПОРТАЛЬНЫХ ПЛИТ ДОЛЬМЕНОВ КАВКАЗА И ИХ ДЕКОРАТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

Завершающим экспериментом в серии мероприятий по программе исследований технологий строительства дольменов Кавказа стал технологический процесс по обработке плит песчаника, предполагаемых для порталного использования, с помощью каменных орудий труда.

Портальная плита дольмена является его основным отличительным признаком от иных мегалитических конструкций. Её важными частями являются лаз дольмена и дополнительные объёмные элементы – орнаментация и сама втулка, закрывающая лаз. Геометрически, лазы обычно бывают округлой не идеальной формы, редко встречаются в форме прямоугольника и в форме сегмента окружности. Орнамент на портальной плите крайне редок и дольмены Кавказа с орнаментацией портальной плиты можно пересчитать по пальцам, почти все они расположены на южном склоне Главного Кавказского хребта.

Крайне редки археологические находки, которые демонстрируют фазы изготовления упомянутых элементов дольмена. На задней плите дольмена, обнаруженного Михаилом Кудиным (Кудин, 2011. С. 114-119) в урочище «Волчьи ворота», лаз был сделан лишь наполовину (Рис. 1). Также была обнаружена фасадная плита недостроенного составного дольмена группы «Мизегух» с такой же фазой недостроенного лаза (Рис. 2). Очевидно, какие-то

важные причины помешали закончить древним строителям сооружение этих дольменов, вероятней всего это была межплеменная война. Оставшиеся таким образом недостроенные дольмены позволили предположить нам технологию изготовления лаза в порталльной плите, отличную от технологии пикетажа (Семенов, 1968. С. 81-83), которая традиционно предполагалась для подобного рода работ.

Изготовленное на глубине около десяти сантиметров окно уже имело гладкие стены по периметру окружности, и при этом дно образовавшегося цилиндра было сколотым в хаотическом порядке. Судя по всему, окно лаза не высверливалось, а вырезалось по периметру, при этом внутренняя часть массы камня разбивалась на куски и изымалась, предоставляя возможность углубляться далее в породу.

Для экспериментального подтверждения этой техники обработки порталльной плиты мы решили использовать в качестве резака кремневое орудие. Также для апробации технологий были задействованы инструменты из диабаз, меди и бронзы. При проведении работ по резьбе округлого периметра будущего лаза выяснилось, что кремнь оказался наиболее эффективным инструментом (Рис. 3). Абразивные свойства песчаника приводили к тому, что металлический инструмент быстро затуплялся и терял свою эффективность. Кремнь и диабаз служили значительно дольше. Следует отметить, что для ударных работ диабаз, как менее хрупкий камень, является более приемлемым, тогда как при резьбе кремнь его явно превосходит. Эксперимент проводился неподалёку от села Волконка Лазаревского района на склоне с выходами природного песчаника. Место это известно под названием «Сортучасток», и по его склону расположена группа дольменов различного типажа (полумонолиты, плиточные и составные). За два часа рабочего времени, с использованием кремневого резца, каменного рубила и медного тесла мы получили фрагмент лаза, прорезанный на глубину 30мм (Рис. 4). Подобная техника работы

с камнем оказалась эффективна и для создания выпуклых барельефных рисунков на порталльной плите.

Технология создания порталльного лаза подтолкнула меня на мысль о тождественности методов обработки и их вероятной идентичности, как для лаза, так и для орнаментации портала. За три часа с небольшим на скальном фрагменте, расположенном неподалёку от известного дольмена-полумонолита (с крестом на фасаде) в районе той же дольменной группы «Сортучасток», были высечены и доработаны техникой пикетажа «гребенчатый» орнамент (Рис. 5) и солярный символ (Рис. 6). Эти символы аналогичны расположенным на известном дольмене из Свирского ущелья (Марковин, 1978. С. 214). Долгое время считалось, что этот дольмен разрушен при строительстве газопровода, но сочинские краеведы не так давно обнаружили его в полной сохранности (Рис. 7). Также на экспериментальной глыбе песчаника был высечен распространённый элемент декора порталльных плит, выступающая полусфера (Рис. 8). Расположенные на заметном месте барельефы (Рис. 9) со временем покроются наростами, и эрозия скроет следы свежей обработки. Во избежание возможных недоразумений в работе будущих поколений археологов и краеведов материалы по проведению экспериментов переданы в музей истории города Сочи. На основании проведённого эксперимента можно сделать следующие выводы – строительство дольмена каменными орудиями труда есть реальный и полноценный процесс. Отдавать безоговорочно лавры строительства дольменов людям с бронзовыми инструментами было бы несправедливо.

На предыдущих этапах исследования были проведены также успешные эксперименты по полигональному совмещению блоков дольмена и клиновому расколу плиты песчаника с целью получения прямоугольной части плиточного дольмена. Таким образом, все основные технологические процессы, необходимые для заключительного этапа строительства и орнаментации кавказских дольменов получили своё финальное логическое завершение.

Эксперименты подтвердили реальность предположенных методов и показали их фактические трудозатраты и временную ёмкость работ. Результаты полученные в ходе дальнейших исследований, могут позволить более подробно восстановить историческую картину строительства мегалитов Кавказа.

Литература

- Марковин В.И.** Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Ленинград, 1968.
Кудин М.И. Недостроенные памятники и строительная эволюция дольменов Кавказа // Третья абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2013.

Кудин М.И.,

Сочи

КАЛЕНДАРНЫЕ МОТИВЫ В ОРНАМЕНТЕ ДОЛЬМЕНОВ

Наибольший эффект современным исследованиям дает комплексный, междисциплинарный подход. Одним из новейших направлений научных исследований междисциплинарного характера, бурно развивающихся в последние годы, является археоастрономия, изучающая астрономический контекст археологических памятников. Сегодня совершенно очевидно, что археоастрономия присутствует практически на всех видах археологических памятников, хотя и в разной степени (Потемкина, Юревич, 1998. С.5).

Начало археоастрономии было положено изучением мегалитических памятников Западной Европы, часть которых ныне интерпретируется учеными как ритуальные памятники с астрономическими ориентирами (Ruggles, 1996. Р. 15-27). Этот факт заставил исследователей обратить внимание на астрономический контекст мегалитов в других регионах мира, в том числе и дольменов Кавказа. А. Бельмонте, проанализировав литературные данные, пришел к выводу, что астрономические намеренья в ориентации кавказских дольменов очевидны для обширной группы памятников (Belmonte, 2002. Р.18).

Связь направлений дольменов с солнцем отмечал В.И. Марковин (Марковин, 1978. С. 210). О археоастрономическом значении кургана Псынако 1 писал М.К.Тешев (Тешев, 1988. С.21). Астрономическим аспектом изучения дольменов занимались В.М. и Н.В. Кондряковы (Кондряков В.М., 1993. С.4; Кондряков Н.В., 2010. С. 32-48) и М.И. Кудин (Кудин, 2000. С. 3-11). Их исследования показа-

ли, что направления отдельных дольменов совпадают с важными астрономическими направлениями.

И массовый анализ ориентации показал, что направления фасадов практически всех дольменов (96, 99%) находятся в пределах дуги движения Солнца/Луны для широты этих памятников. Это является веским доказательством возможных астрономических причин ориентации дольменных памятников.

На некоторых дольменах и валунах рядом с ними исследователи отмечают наличие солярных знаков, что является несомненным признаком поклонения солнцу (Марковин, 1978. С. 217). Звезда и полумесяц изображены на обнаруженном В. А. Трифоновым в дольмене Колихо каменном диске. К сожалению, этот важный археоастрономический памятник, имеющий не меньшее значение, чем знаменитый диск из Небры, до сих пор не опубликован.

Данные ориентации фасадов дольменов показывают значительные различия направлений памятников в разных областях ареала дольменной культуры. Так, в Прикубанье все дольменные памятники направлены в восточную дугу горизонта – СВ-Ю (исключение составляют 4 дольмена). Совсем иная картина наблюдается по другую сторону Главного Кавказского хребта. Для дольменов Причерноморья и Абхазии характерны смешанные как восточные, так и западные ориентировки – СВ-Ю-ЮЗ. Существование восточного диапазона ориентаций у дольменов Прикубанья бесспорный факт, показывающий, что обычаи ориентировки в Прикубанской области дольменной культуры существенно отличались от Причерноморских.

Привязка направлений дольменных памятников к циклическому движению Солнца, Луны явно отражает символическую связь между небесными светилами и предками (Рагглес, 2002. С. 52). Возможно, погребенные в дольменах, таким образом, приобщались к календарному циклу возрождения. Это позволяет предположить, что в орнаментах и археологических находках из дольменов мо-

гут содержаться числовые и символические знаки, отмечающие периоды древнего календаря.

Чаще всего на дольменах встречается узор в виде различных зигзагов. Ученые интерпретируют этот узор по-разному. Например, А.Ф. Лещенко и А.А. Формозов считали его имитацией декорировки дольменов тканью (Лещенко, 1931. С.242; Формозов, 1966. С. 84). Большинство исследователей трактуют зигзагообразный узор как символическое изображение воды – символа плодородия и возрождения, или змей, как олицетворения хтонической плодотворной силы (Рысин, 1990. С. 23).

Кроме зигзагов, покрывающих стены сплошным узором, на дольменах встречаются интересные изображения из разнонаправленных, отдельных линий и групп зигзагов, имеющих определенное числовое значение. Причем число зигзагов часто повторяется на разных памятниках. Все это говорит, что количество зубцов в зигзагообразных узорах не случайно и имеет определенную смысловую нагрузку. Учитывая, что одной из функций дольменных памятников, как рассмотрено выше, являлось фиксирование определенных астрономических направлений можно предположить, что числа элементов орнамента имеют календарное значение.

Наиболее интересной в этом отношении является орнаментация центрального плиточного дольмена комплекса на реке Жане реконструированного Западно-Кавказской археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН под руководством В. А. Трифонова (Трифонов, 2009. С. 119). На передних торцах боковых плит высечены по четыре ряда вертикальных зигзагов с 11-ю зубцами (Рис. 1). Внутри камеры узор нанесен по периметру всех стен. На передней и боковых стенах зигзаги образуют ряды треугольников с повернутой вниз вершиной – свисающих углов. На передней стене ряд из 12-ти треугольников, на левой – из 13-ти, на правой из 12-ти плюс один (что очень важно) – незавершенный треугольник, можно сказать половина треугольника. На задней стене характер изображения иной. Это зигзаг, выбитый

широкой линией, которую можно трактовать так же как двойной зигзаг, состоящий из 22, либо 44 (22x2) зубцов (Рис. 2).

Возможное календарное значение этих чисел отмечают В.В.Косолапов (Косолапов, 2007. С. 15-18, 2008. С. 160-164), Д. Дмитриев и С. Фиалковская (Дмитриев, Фиалковская, 2012), правда, почему-то искажая значение чисел орнамента. В.В. Косолапов указывает 11 треугольников вместо 12 на передней стене, а Д. Дмитриев и С. Фиалковская 13 вместо 12 на западной стене и 21 зигзаг вместо 22 на задней стене.

Числовые ряды одинакового орнамента на передней и боковых стенах: 12,12,13 сразу заставляют вспомнить интересные астрономические цифры – количество лунных месяцев в трехлетнем цикле лунно-солнечного календаря.

Сложение всех элементов орнамента по периметру:

$$22+13+12+12(13)=59(60)$$

дает важный календарный период – 2 синодических лунных месяца, 1/6 часть лунного года. Это число, при шестикратном счислении по периметру, позволяет точно фиксирует окончание лунного года: $59 \times 6 = 354$ суток. Взятые три раза фиксируют половину лунного года: $59 \times 3 = 177$, когда ожидался повтор лунного затмения, наблюдаемого полгода назад. Если к расчетам подключить незавершенный треугольник, имеющий, очевидно, факультативное значение, то получим:

$$22+13+12+13(12)=60 \text{ (59) суток}$$

– два месяца так называемого усредненного лунно-солнечного года, известного у жрецов Древнего Египта, шумеров, кельтов и многих других народов Евразии.

$$\begin{aligned} 60 \times 6 &= 360 \text{ суток} \\ (365,242 \text{ сут.} + 354,367 \text{ сут.}) : 2 &= 359,804 \approx 360 \text{ суток} \end{aligned}$$

Усредненный «майский» год использовался потому, что его можно рационально разбить на 8 месяцев по 1,5 синодических лунных месяца. Что позволяло точно фиксировать при окончании такого месяца дни близкие солнцестояниям, равноденствиям и промежуточные, равноотстоящие от солнцестояний и равноденствий даты (рубежи сезонов) (Ларичев, 1989. С. 102-105)

$$\begin{aligned} 1,5 \text{ синодических месяца приблизительно равны } 44 \text{ суткам:} \\ 44 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} &= 1,4899 \end{aligned}$$

Если посчитать зигзаг на задней стене как двойной: $22 \times 2 = 44$, получаем те самые 1,5 синодических месяца.

Изображения на стенах дольмена читаются многопланово, зигзагообразный орнамент можно назвать ритмичным. Он отражает природный ритм – ритм дня и ночи, времен года, растущей и убывающей Луны, ритм самого Космоса. И треугольники на передней и боковых стенах, кроме отдельных дней синодического лунного месяца, изображают месяцы года и периоды роста и убывания Луны. Растущие и ниспадающие линии подобны фазам Луны, а вершины треугольников указывают на полнолуние. Направление треугольников вершиной вниз может отражать древний символ женского пола, символ богини Луны.

Как мы выяснили «незаконченный» треугольник являлся факультативным знаком, для сочетания в счете лунного и солнечного года и не учитывался при счете лунного года. Получаем цикл из 2-х лунных лет по 12 месяцев и третьего года из 13 месяцев. При счете лунными трехлетиями по окончании цикла для сравнения лунного счета с солнечным необходимо вводить дополнительный 13-й месяц – интеркалярный, равный 34 суткам. На 34 дня по окончании лунного трехлетия время лунное (фазовое) отставало от времени солнечного (сезонного). Получить интеркалярный мы можем из тех же наших немногочисленных чисел. Пройдя в соответствии с орбитальным движением Луны против часовой стрел-

ки трехлетний цикл (см. Рис.2) доходим до тринадцатого треугольника-месяца, длительность которого равна следующим за ним знакам: 22 зигзага на задней стене + 12 треугольников на боковой стене = 34 суток! Таким образом, изображения на внутренних стенах дольмена оригинально соединяют удобные для отсчета лунного года 2 синодических месяца – 59 суток, счет трехлетиями с добавлением интеркалярия и усредненный «майский» год. Календарь дольменостроителей имеет иерархическое устройство, различные циклы подчинены и подобны друг другу.

Интересно, что и сам дольмен с орнаментом является центральной частью единого комплекса из трех памятников. По бокам от него расположены два круглых в плане составных дольмена, сложенных в три яруса по четыре блока: $3 \times 4 = 12$. Возможно, это дополнительно подчеркивает наличие трехлетнего счисления у строителей дольменов, противопоставление двух обычных лет из 12 месяцев (одинаковые составные дольмены), третьему (плиточный дольмен), увеличенному интеркалярием.

Вернемся к факультативному знаку – «недоделанному», ущербному треугольнику. Возможно, что он использовался и при счете лунного года, увеличивая его продолжительность до

$$(59 \times 6) + 1 \text{ сут.} = 355 \text{ сут.}$$

Дело в том, что тогда финал лунного года придется на сутки возможного повтора лунного затмения. По расчетам астрономов, затмения повторяются на 355-356 сутки после затмения предыдущего. Таким образом, незавершенный знак мог отмечать самое страшное из небесных явлений – затмение Луны, когда ночное светило вдруг неожиданно погибало. И не случайна ущербность рассматриваемого знака. Такая незаконченность подобна хромоте, кривизне представителей хтонического мира и связана с неурочной гибелью полной Луны. Факультативный знак нарушает симметрию и придает циклу календаря динамику движения.

Перейдем к изображениям на торцах боковых стен. Как уже упоминалось, на них изображены по 4 ряда вертикальных зигзагов с 11 зубцами. Вновь получаем:

$$11 \times 4 = 44 \text{ сут.} = 1,5 \text{ синодических лунных месяца.}$$

Если изображения на торцах сложить, то получим 88 – чрезвычайно высоко календарно и астрономически значимое число.

$$88: 29,5306 = 2,97999$$

приблизительно 3 синодических лунных месяца – близкого соответствия длительности осеннего астрономического сезона от осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния. Это единственный в году сезон кратный трем лунным циклам. Что позволяло отслеживать начало и конец сезонного цикла одновременно по Солнцу и Луне. Середина этого цикла – кварталный день Саммайн у кельтов. Время, когда открываются двери в иной, загробный мир. Безусловно, дольмены Кавказа построили не кельты, но этот рубеж сезонов известен многим народам древности. Он существует объективно, знаменуя начало холодной части года и может быть традиционно связан с культом мертвых. Образ двери в иной мир ярко отражает входное отверстие дольмена, находящееся посередине между группами зигзагов, т.е. как раз на рубеже сезонов. Значимость этого прохода дополнительно подчеркнута рельефным изображением портала на фасаде памятника (Рис. 1).

Следующим, очень интересно орнаментированным памятником является составной дольмен на горе Нексис (Геленджик). По периметру задней и боковых стен внутри этого памятника нанесена единая линия орнамента в виде зигзага. К сожалению, на боковых стенах орнамент сохранился лишь частично. Над ними выбито 11 рядов двойного зигзага, т.е. опять мы видим уже знакомую цифру 22. Если мы будем считать каждую точку изломов зигзага, то

получим цифру 44! Календарно значимые числа лунно-солнечного календаря, встречающиеся на дольмене группы Жана.

Но наиболее интересным является орнамент на левой боковой стене дольмена, высеченный выше зигзага, идущего по периметру стен. Мы видим 6 рядов очень интересно расположенных зигзагообразных знаков (Рис. 3). Четвертая линия зигзагов, не заканчиваясь, пересекается с пятой, а в последней линии очередной зигзаг не завершен. Такое соединение и окончание линий показывает, что определенное числовое значение имела каждая точка зигзага. Каждый зигзаг равен по продолжительности недели.

Таким образом, получаем без учета незаконченной линии 44, или с ее учетом 45 точек – знакомый нам период в 1,5 синодических месяца восьмичастного года. Незаконченная черта позволяет с идеальной точностью определять продолжительность осеннего астрономического сезона, учитывать разницу количества дней периода, который мог состоять как из 44, так и из 45 суток, поскольку 1,5 синодических месяца не дают целое число суток:

44=1,4889 син. месяца – чуть меньше

45=1,5238 син. месяца – чуть больше

Сложив их вместе: $44+45=89$ суток вновь получаем длительность именно того астрономического сезона, который как уже говорилось, может точно отслеживаться по канонам как солнечного, так и лунного счисления времени, что еще раз подтверждает гипотезу об использовании строителями дольменов лунно-солнечного календаря.

Рассмотрим более подробно рисунок орнамента, отмечающего не только календарную, но и астрономическую картину – смену фаз Луны. Поскольку одна сторона орнамента оканчивается незавершенным знаком, логично начать отсчет с противоположной, левой стороны. Отсчет можно вести как снизу, так и сверху. Как показывают цифры в скобках на рисунке, при ключевом момен-

те пересечения зигзагов орнамента, это не имеет значения. Очевидно, что, как и в других древнейших лунных календарях отсчет начинался с первого появления молодого месяца на небе. После точки пересечения зигзагов – 27 суток, Луна исчезала с неба и следующий, последний знак в этом четвертом ряду мог учитываться, или не учитываться, т.к. Луна видна на небе 27 или 28 ночей, и он, одновременно, может принадлежать как этому, так и следующему, пятому ряду – новому месяцу. Примечательно, что такое соединение линий дает нам и другой астрономически значимый период – 34 суток интеркалярия. После завершения месяца из 27(28) суток (без дней невидимой Луны) в орнаменте остается еще 17, либо 18 с учетом незаконченной линии точек – период до завершения полнолуния следующего месяца.

Полнолуние наступает на 15-й день. После этого Луна начинает убывать, однако на 16-й день невооруженным глазом признаки убывания не видны. Но на 17-й день диск Луны заметно уменьшается, полная Луна умирает. Учитывая, что дольмены это погребение, отметка именно этого момента на его стене вполне логична.

Итак, при нашем счислении с осеннего равноденствия и с первого серпа народившейся Луны, примерно через 45 дней в межсезонье, т.е. в сутки равно удаленные от осеннего равноденствия и зимнего солнцестояния, что соответствует примерно 8 ноября современного календаря, наступает конец полнолуния. Примечательно, что первоначально Саммайн также отмечался в соответствии с фазами Луны и приходился на 17-й день второго лунного месяца после осеннего равноденствия. Для завершения всего астрономического сезона до зимнего солнцестояния необходимо прибавить 44 дня. Вот почему так важна незавершенность последнего зигзага орнамента, который являлся факультативным и подключался к счету лишь при первом подходе, увеличивая продолжительность осеннего астрономического сезона до точного числа – 89 суток. При нашем счислении начала сезона с новолуния, на его окончание – зимнее солнцестояние вновь приходится фаза

новолуния. Таким образом, совпадало рождение нового молодого Солнца и молодой Луны. В другие годы межсезонье фиксировала фаза Луны всегда противоположная фазе начала счисления.

Расшифровка знаковой записи сложного зигзага подтверждает гипотезу о его календарном характере и помогает реконструкции астральной мифологии строителей дольменов. Назначение календарных знаков, нанесенных на стены дольменов, очевидно, не имело сугубо практического значения. С их помощью не подсчитывали количество дней. Орнамент являлся самим Временем, динамично включенным в каменные стены. Он упорядочивал структуру мира и предназначался не для бытовых нужд – счета, а для создания и поддержания циклического порядка космоса, Вселенной, моделью которой являлся дольмен.

Орнамент, встречающийся на других дольменах Кавказа, не имеет столь ярко выраженного календарно-счетного значения. Тем не менее, и там повторяются уже знакомые нам числа.

Дольмен в урочище «Черноморка» близ поселка Лазаревское ориентирован фасадом на точку захода высокой луны. Передняя стена памятника покрыта сложным орнаментом, выполненным как рельефно, так и резьбой (Рис.4). Шестилучевая гребневидная фигура трактуется Н.В. Кондряковым как 6 месяцев благоприятного полугодия. Крест с лучами разной длины заключенный в эллипс, объясняется как разделение цикла года на четыре сезона (Кондряков, 2010. С. 56-58).

В изображенном на плите шестилучевом знаке динамика движения обратима как вверх, так и вниз. Прибавив к шести лучам, направленным вниз, пять направленных вверх получаем 11. Это число можно трактовать как 11 суток отставания лунного года от солнечного. Если предположить, что горизонтальная черта между гребневидным знаком и вертикальным зигзагом из 4-х зубцов является своеобразным множителем, то это выведет нас на другое знакомое календарно значимое число:

$$4 \times 11 = 44 \text{ суток}$$

– половина сезона от осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния.

Можно предположить, что зигзаги резного орнамента означают запись лунного месяца. На рисунке заметно, что резко выступает из ряда 16-я точка, и именно под ней находится ниспадающий вертикальный ряд. Точки 15 и 16, как и выступающий зубец указывают на кульминацию месяца – полнолуние. Нижняя точка 17 – смерть полной Луны в семнадцатую ночь. Далее ряд продолжается до 21 точки, обозначающей царицу зари, последнюю четверть Луны. Ниспадающие девять точек вертикального зигзага отмечают последние дни гибнущего ночного светила и две-три ночи невидимой Луны.

Конечно, все эти сопоставления носят ориентировочный характер и основаны на ряде допущений. Но факт остается фактом: числа орнамента совпадают с ключевыми циклами лунно-солнечного календаря. И на этом орнаменте мы видим выделение календарно и ритуально значимых чисел – 11; 17; 44.

На торце боковой плиты дольмена, на хребте Нихетх (Лазаревский район, г. Сочи) выбито два вертикальных зигзага из 5 и 10 + один незаконченный зубец (Рис. 5). Незаконченность зигзага показывает, что нужно считать каждую точку орнамента. Вновь получаем цифры: 11; 22.

На одной из плит дольмена №36 у ст. Даховской нанесен рубчатый узор в виде овалов (Марковин, 1997. С. 195). (Рис.92). Он изображает дугу из 22-х насечек и 4 обособленных знаков. Если использовать 4 насечки в разомкнутом секторе как множитель, получаем: $22 \times 4 = 88$ суток, что приблизительно равно астрономическому сезону от осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния и трем синодическим лунным месяцам. Круги из 22-х лунок нанесены на перекрытие рассмотренного нами составного дольмена с горы Нексис (Рис. 6). Примечательно, что у адыгов-шапсугов и натахайцев, связываемых многими исследователями с потомками строителей дольменов (Марковин, 1997. С. 33), особо выделяются числа 11 и 22 (Дмитриев, 2007. С. 158).

Таковы немногочисленные дольменные памятники с сохранившейся календарно-числовой символикой. К ним, пожалуй, следует добавить недавно обнаруженный А.М. Бианки орнаментированный дольмен из долины р. Цусквadge. Фасад этого корытообразного памятника украшен «елочным» орнаментом, покрывающим все пространство передней стены. По ее оси проведена вертикальная линия, с каждой стороны которой находится по 22 луча «елочного» орнамента.

Возможно, календарное значение имел зигзагообразный орнамент, встречающийся на керамических сосудах дольменной культуры. Календарный счет прослеживается в орнаменте сосудов поздняяковской, катакомбной культур, существующих одновременно с дольменной (Пасынков, 2002). Астрономические направления фасадов дольменов, включение в их конструкции календарных циклов, ни в коей мере не следует сводить к примитивным однозначным выводам, что дольмены это обсерватории или календари. Назначение этих древнейших ритуально-погребальных сооружений объемно и многопланово. Отражение в дольменах небесных явлений по-видимому показывает стремление древних людей приобщиться к священному непреложному закону смерти и возрождения, разыгрываемому над их головами. Глядя на небо – бескрайнее, далекое и чуждое их ничтожной жизни, – люди переживали религиозный опыт (Mircea Eliade, 1958. С.156-185). Именно небо стало символом всего священного еще в эпоху палеолита и осталось таковым на много тысячелетий.

Литература

Дмитриев В.А. Пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа: региональный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007, т.X, №4.

Дмитриев Д., Фиалковская С. Тайна дольменов Кавказа. М., 2012.
Кондряков Н.В. Тайны сочинских дольменов. Майкоп, 2010.
Кондряков В.М. О дольменах еще раз // Газ. «Шапсугия» от 19 мая 1993.
Косолапов В.В. Дольмен – адитум матриархата. Краснодар, 2007.
Косолапов В.В. Маленькая невеста. Древняя геленджикская цивилизация. Геленджик, 2008.
Кудин М.И. Археoaстрономия и дольмены // Сочинский краевед. Вып.7. Сочи, 2000.
Ларичев В. Е. Мудрость змеи: первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск, 1989.
Лещенко А.Ф. Матеріали до орнаментики дольменів на північно-західньому Кавказі // Антропологія. Київ, 1931, т.4.
Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
Марковин В.И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997.
Пасынков С.В. Календарный счет в орнаменте посуды поздняяковской культуры // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции. Новосибирск, 2002, т.1.
Потемкина Т.М., Юревич В.А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998.
Рысин М.Б. Датировка комплексов из Эшери // СА, №2, 1990.
Тешев М.К. Мегалитический архитектурный комплекс Псынако 1 в Туапсинском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.
Трифонов В. А. Дольмены в долине реки Жане // Археологические открытия 1991- 2004 гг. Европейская Россия. М., 2009.
Рагглес К. Место археоастрономии в современной археологии // Астрономия древних обществ. М., 2002.
Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966.

Belmonte A. On the Megalithic Monuments of the Eastern Mediterranean: New Perspectives // Cultural context from the arheoastronomical data and the echoes of cosmic catastrophic events. Tartu, 2002.

Eliade M. Patterns in Comparative Religion, trans. Rosemary Sheed, London, 1958.

Ruggles C. Archaeoastronomy in Europe // Astronomy before the telescope/ London: British Museum Press, 1996.

Рис. 1. Фасад плиточного орнаментированного дольмена на р. Жане.

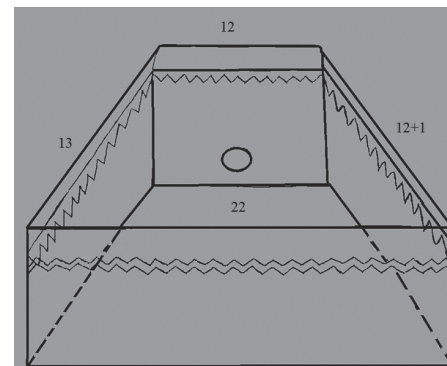

Рис. 2. Схематичная прорисовка орнамента на внутренней поверхности стен плиточного дольмена на р. Жане.

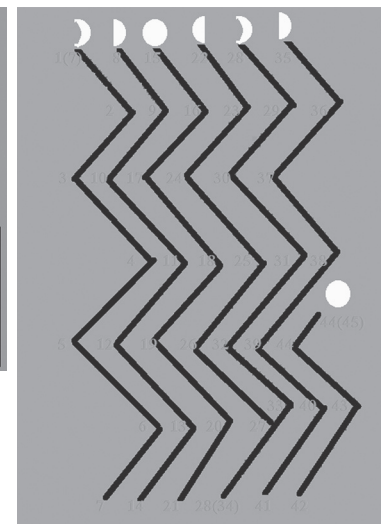

Рис. 3. Прорисовка календарного орнамента из составного дольмена на горе Некис.

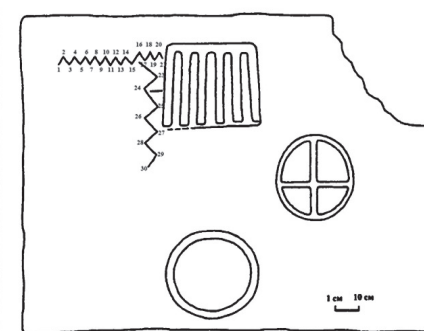

Рис. 4. Прорисовка орнамента на передней стене дольмена из урочища «Черноморка» (по Н.В. Кондрякову).

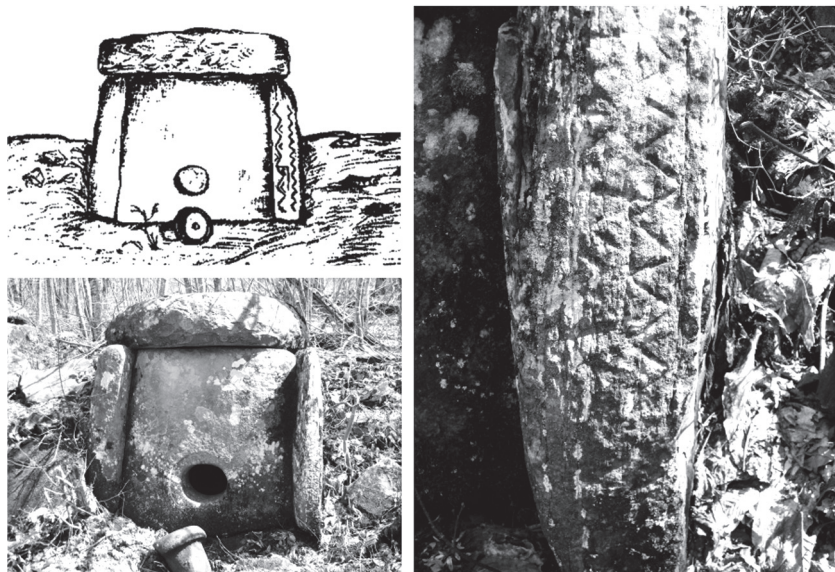

Рис.5. Дольмен с орнаментом на хребте Нихетх (по Н.В. Кондрякову).

Рис.6. Круги из лунок на перекрытии составного дольмена на горе Нексис.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК, АНТИЧНОСТЬ И ЭПОХА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Скаков А.Ю., Джоуа А.И.,

Москва,

Сухум

КЕРАМИКА ДЖАНТУХСКОГО МОГИЛЬНИКА

Начиная с 2006 г, совместная российско-абхазская археологическая экспедиция ИА РАН, АБИГИ и АГМ ведет раскопки могильника эпохи поздней бронзы – раннего железа на горе Джантух (г. Ткуарчал, пос. Акармара). Могильник обнаруживает несомненную близость, по инвентарю и погребальному обряду, как к памятникам Центральной Колхиды, так и к некрополям Кабардино-Пятигорья. На наш взгляд, это свидетельствует об этнокультурной близости населения Западного Закавказья и Центрального Предкавказья в рассматриваемый период.

При этом керамический материал могильника в целом совпадает с основным массивом колхидской керамики, хотя и обнаруживает явные особенности (Скаков, Джоуа, 2014; Они же, 2014а). Разница заметна даже при визуальном осмотре: для более южных районов Колхиды характерна керамика черного, серого и коричневого цветов (в Ванском городище доминирует керамика с серым или коричневым цветом глины), а красноглиняная керамика встречается заметно реже; в Джантухском могильнике однозначно преобладает керамика красного, красно-коричневого, оранжевого цветов. В ранних комплексах Джантухского могильника (XIII-XII – VIII-VII вв. до н.э.) керамики сравнительно немного, потому построить для нее типологическую схему пока затруднительно. В связи с этим мы можем оценивать только керамический материал, преимущественно датирующийся V-III вв. до н.э.

Очевидны отличия керамических форм Джантухского могильника и других регионов Колхиды: у нас только единичными экземплярами представлены стакановидные сосуды с конусовидно расширяющейся нижней частью, или с выступом на донной части, кубки на высокой ножке, крышки, котловидные сосуды с суживающимся горлом, кувшины с вертикальной трубчатой ручкой, зооморфные ручки с роговидными выступами.

Отметим здесь, что для создания объективной картины необходима не констатация факта наличия единичных и в принципе чужеродных для памятника форм, а статистическое рассмотрение всего керамического материала. К примеру, те же стакановидные сосуды с выступом на донной части, характерные для центральных районов Колхиды, представлены в центрально-кобанских памятниках (Алексеева, 1949. С. 201. Табл. VII, 1) и в погребении 3 кургана 1 на правом берегу Баксана близ с. Заюково (Козенкова, 1998. С. 100. Табл. XXXVII, 20). Сомнительно, что эти сосуды являются колхидским импортом, но, не имея местных прототипов, они, вероятно, свидетельствуют о межкультурном взаимодействии. Отметим, в этой связи, что именно в Баксанском ущелье (могильник «на западном скате» на правом берегу Баксана, раскопки 1888 г.) найдена и вторая разновидность колхидских стакановидных сосудов – с конусовидной нижней частью тулова (Козенкова, 1998, С. 103. Табл. XXXVIII, 8). Эти находки еще раз свидетельствуют о том, что именно через Баксанское ущелье шел один из перевальных маршрутов, соединяющих Западное Закавказье и Центральный Кавказ.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Джантухском могильнике относительно немногочисленны миски. Доминируют корчаги, горшки, кружки, кувшины с высоким горлом, крупные пифосы, стаканы с прямолинейным профилем тулова. Особенно сильно памятника являются толстостенные котловидные сосуды со скошенным внутрь венчиком.

Необходимо подчеркнуть, что раскопки погребальных комплексов могильника давали, преимущественно, столовую тонко-

стенную керамику, что вполне закономерно. Фрагменты тарно-хозяйственной посуды, крупных пифосов и корчаг, были единичны. Ситуация изменилась при исследовании погребально-поминальной вымостки в северо-восточной части раскопа 2, выложенной не только камнями различного размера, но и крупными керамическими фрагментами. В 2015 г. на горе Джантух, к юго-востоку от изучаемого участка могильника, было обнаружено поселение, предварительно датированное тогда эпохой античности. Тогда же, на отроге горы над поселением, к северу от него, были обнаружены археологические объекты, оказавшиеся, как это выяснилось в 2017 г., остатками производственных комплексов – железоделательных и керамических печей эпохи раннего железа. Начавшееся исследование этого участка позволило нам получить обширную коллекцию керамики, преимущественно, тарно-хозяйственной. Керамический комплекс производственного участка практически полностью идентичен керамическому комплексу могильника, хотя соотношение различных форм и типов сосудов в нем, конечно, совсем иное. Обнаружены, в частности, крупные фрагменты пифосов и корчаг (Рис. 1, 1, 2) и еще одна, вторая на Джантухе, зооморфная ручка с роговидными выступами. Таким образом, мы имеем достаточно редкий случай, когда исследуется комплекс памятников – могильник и синхронное ему поселение.

Выделим ряд уникальных форм, обнаруженных на могильнике: это фигурный налест на плечевой части сосуда в виде стилизованного изображения птицы на подставке, встречающий отдаленный аналог в кургане 7 могильника Новозаведенное II. Кроме того, для Колхиды уникален находящийся опять же отдаленные аналогии на Северном Кавказе и в памятниках Кавказской Албании птероморфный сосуд.

Единична на могильнике ручка со скульптурным изображением головы животного (медведя?) в верхней части и спускающимся вниз рельефным кольцевым орнаментом (Рис. 1,6). Ручка достаточно высокая, изготовлена из глины оранжевого цвета. Типоло-

гически сходное изображение головы животного (но без кольцевого орнамента) известно на ручке кубкообразного сосуда (пятый тип стаканов) из Ванского городища (Лордкипанидзе и др., 1981. С. 102. Рис. 61, 172; 63, 172).

Орнамент на джантухской керамике представлен достаточно хорошо, хотя геометрические мотивы в целом немногочисленны и не разнообразны. В единичных экземплярах встречены граффити, процарапанные изображения, керамика, напоминающая по декору текстильную. И здесь мы, по сути, сталкиваемся с той же ситуацией, что и с формами сосудов: при несомненной близости и прямом совпадении ряда орнаментальных мотивов декор джантухской керамики и декор керамики центральных районов Колхиды обнаруживает явные отличия. К примеру, для всех районов Колхиды характерны сетчатый орнамент, в том числе по венчикам пифосов (Рис.1,3), орнамент в виде волны, концентрические круги, заштрихованные треугольники, вертикальные, горизонтальные и косые наклонные ребра (Рис.1,1), ряды елочного орнамента на плечиках сосудов (Рис.1,2), налепы с вдавлениями, напоминающие веревку (Рис.1,5) и т.д. Более необычно выглядят ряды косых крестов по шейке пифоса (Рис.1,1) и, наконец, столь типичный для Джантуха орнамент в виде достаточно хаотичных и небрежных расчесов, полностью покрывающих стенки корчаг (Рис.1,4), пифосов и котловидных сосудов. Впрочем, для такого декора также можно найти аналогии, но его можно считать характерным, скорее, для памятников Северо-Западной Колхиды, т.е. территории современной Абхазии (Куфтин, 1949. Рис. 4. Табл. II, 7, 9, 11, 12; Шамба, 1980. Табл. XV, 13-15; Габелия, 2014. Табл. XV, 2, 4, 5 и др.).

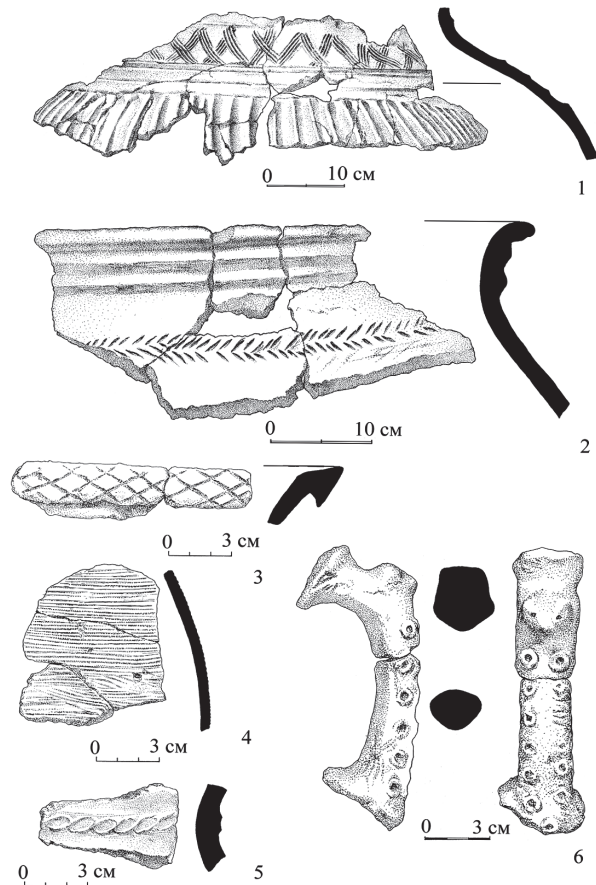
Предварительные результаты наших работ коррелируют с выводом, сделанным в свое время А.Н. Габелия в его диссертации (1985 г.), о локальном «своеобразии памятников колхидской культуры на территории Абхазии». Очевидно, в качестве еще одной такой локальной группы выступают не только памятники примор-

ской Абхазии, но также и поселения и могильники горной юго-восточной части республики. Именно для этого региона одним из авторов данной работы в свое время был выделен локальный Джантухско-Лариларский вариант Ингури-Рионской колхидской культуры.

Литература

- Алексеева Е.П.** Поздне-кобанская культура Центрального Кавказа // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 13. Археология. Отв. ред. М.И. Артамонов. Л. 1949. С. 191-257.
- Габелия А.Н.** Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014.
- Козенкова В.И.** Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. 2-5. М. 1998.
- Куфтин Б.А.** Материалы к археологии Колхиды. Том I. Тбилиси, 1949.
- Лордкипанидзе О.Д., Гиголашвили Е.Г., Качарава Д.Д., Личели В.Т., Пирцхалава М.С., Чкониа А.М.** Колхидская керамика VI-IV вв. до н.э. из городища Вани // Вани. V Археологические раскопки. Тбилиси, 1981. Русск. резюме.
- Скаков А.Ю., Джоуа А.И.** Керамический комплекс могильника Джантух // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва. 21-25 апреля 2014 г. М. С.197-200.
- Скаков А.Ю., Джоуа А.И.** 2014а. Керамика могильника Джантух эпохи раннего железа (Восточная Абхазия) // КСИА. Вып. 236. М.: Языки славянской культуры. С. 99-108.
- Шамба Г.К.** Эшерское городище (Основные результаты археологических раскопок 1968, 1970-1977 гг.). Тбилиси, 1980.

Некоторые керамические образцы из комплекса памятников на горе
Джантух.

1-2. Фрагменты пифосов с производственного участка.

3-4. Фрагменты сосудов из северной части погребально-поминальной
вымостки.

5. Фрагмент сосуда из погребальной ямы 10.

6. Ручка сосуда из северо-восточной части раскопа 2.

Жан-Поль Лё Биан,
Франция, Финистер

ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В МЕЗ-НОТАРИУ НА О. УЭССАНЕ (ФРАНЦИЯ). НАЧАЛЬНАЯ ФОРМА УРБАНИЗМА

1. Археологический памятник острова Уэссан

Остров находится во Франции, на западе Бретани и на западной оконечности Европы (ил. 1). Несмотря на свои скромные размеры (ок. 25 км²), он выгодно отличается географическим расположением на одном из самых древних и оживлённых морских путей мира, что объясняет присутствие здесь археологического памятника с очень разнообразными функциями (жилищной, культовой, ремесленной, скотоводческой, рыболовной, торговой...) и очень продолжительного по функционированию. Таким образом, остров только кажется географически изолированным, и его изучение всегда опирается на изменения и общие для истории Европы модели развития.

Памятник функционирует с эпохи среднего и позднего неолита, но его изучение, начатое в 1988 г., относится к раскопкам городища, датируемого концом ранней бронзы – поздней бронзой I (1600 – 1200 гг. до н.э.). За этим городищем последовало другое, очень крупное, функционировавшее с конца поздней бронзы III (ок. 800 г. до н.э.) по начало второго железного века (ранний латен, ок. 400 г. до н.э.). Кроме того, мы не знаем, был ли памятник собственно городищем. Зато точно известно, что с поздней бронзы до конца античного времени (ок. 500 г.) здесь имела место культовая деятельность. В ней принимали участие как местное население, так и

мореплаватели, шедшие вдоль атлантического побережья из южных регионов и Средиземноморья в северную Европу и на Британские острова (Лё Биан, 2011).

2. Поселение городского типа раннего железного века

Настоящая статья посвящена главным образом поселению, долгое время определяемому, согласно общепринятой в этом регионе древнего мира классификации, как «деревня» (ил. 2 и 3). Это поселение, датируемое ранним железным веком (800-400 гг. до н.э.), обладает уникальными для северо-западного атлантического побережья чертами. Оно напоминает поселения эпох неолита и бронзы континентальной Европы, но ни одно объяснение не подходит для объяснения такого сходства.

Раскопки последовательно проводились на городище (1988-1991 г.), в культовой зоне (1995-1999 гг.), ремесленной (2009 г.). С 2010 г. в программу, выполняемую совместно с археологами из Южного Федерального университета, было вновь включено изучение центральной части городища. Целью новой программы является более глубокое понимание всего поселения, основанное на более тщательном анализе структур и находок: устройства поселения, пространственного и архитектурного развития в русле общественно-экономического развития Западной Европы.

Речь идёт о зоне с остатками очень сложного характера, что с самого начала раскопок вызвало необходимость разработать соответствующие методы работы: систематическое вертикальное и стереоскопическое фотографирование, применение пылесоса и компрессора. Благодаря этим методам сегодня можно с уверенностью сказать, что остатки, расположенные в довольно тонких культурных слоях, соответствуют фундаментам многочисленных домов. Вместе с тем, раскопки, которые ведутся в настоящее время, показывают, что на площади в 40 м² друг на друга накладываются девять строений различного типа.

2.1. Архитектурные типы домов

Благодаря аккуратным и тщательным раскопкам удалось выделить несколько типов фундаментов жилых домов (ил. 4). Это глубокие фундаменты из траншей или внушительных столбовых ям, либо более лёгкие основания. Вот несколько подтипов:

– Глубокие основания (типа 1), состоящие из трёх параллельных траншей, выкопанных в суглинистом субстрате памятника. Их длина составляет от 3,5 до 4 м, ширина – 0,7 м и глубина – от 0,5 до 0,8. Уложенные на дно траншеи брёвна служили основанием трём параллельным рядам из четырёх вертикальных столбов, несущих крышу;

– фундамент второго типа состоял из трёх параллельных рядов столбов, выполнявших ту же функцию, что в типе 1. Каждый столб помещался в отдельную глубокую яму диаметром до 1 м и глубиной ок. 1 м. Здесь наблюдаются две сменявшие друг друга модели. Ранняя, тип 2а, состоит из рядов в 4 столба (12 несущих столбов), в поздней, тип 2б, только три столба в ряду (9 несущих столбов);

– Постройки с лёгким фундаментом (тип 3) более разнообразны. Некоторые несущие столбы могут располагаться во внешних стенах, даже если постройки состоят из нескольких секций. Столбовые ямы не превышают 50-60 см в диаметре и 40-50 см в глубину.

Во всех случаях внешние стены представляли собой каркас из веточек ивы, либо орешника, обмазанных глиной (плетень). Различные типы крыш никак не влияли на среднюю площадь в 35-40 м², что соответствует площади построек этой эпохи в регионе. Тут могла разместиться семья из десятка человек по приблизительным, но весьма вероятным подсчётам.

2.2. Последовательные планы застроек

Одной из задач при таких тщательных раскопках на памятнике было показать, что различные техники укладки фундамента органично сменяют друг друга во времени (ил. 4): изначально поселение состояло только из построек типа 1, потом 2а и 2б, затем

наступила очередь исключительно типа 3. На месте каждого из типов фундамента могли стоять множество построек. Так, в зоне Us. 03 по меньшей мере 9 зданий сменили друг друга (два типа 1, по два типов 2а и 2б и три типа 3). Задача раскопок состояла в выявлении последовательного развития плана поселения.

Совершенно ясно видно, что в первое время городище застраивалось зданиями типа 1 по правильному прямоугольному плану. Здания стояли небольшими группами по три, между которыми пролегали улочки, ориентированные с севера на юг и с востока на запад. Дома и крыши тесно прилегали друг к другу, обеспечивая защиту от господствующих сильных и частых северо-западных, юго-западных и северо-восточных ветров. Эта планировка строго соблюдалась. После разрушения старых домов новые возводились на прежнем месте, с прежней ориентацией, повторяя таким образом то же общественно-экономическое устройство. Эта часть городища не была целиком раскопана, но можно с уверенностью предположить существование 30 домов. В 20 м от северной границы застройки были найдены два каменных основания могил: курганы, датируемые поздним Бронзовым веком – началом раннего железного века, могли принадлежать основателям поселения. Последующие разрушения и застройка затрудняют точную оценку остатков культовой зоны, которая относится к этому периоду истории поселения. Среди них есть остатки органического происхождения, отобранные человеком и сложенные к западу от городища, а также лёгкие небольшие конструкции, окружённые маленьким частоколом.

К тому времени, когда на смену глубоким фундаментам приходят облегчённые, планировка деревни преобразуется. Археологическое прочтение затрудняется ввиду того, что отныне последующие здания не будут так же неукоснительно настраиваться на предыдущие и линия улиц, даже если они сохраняют прежнюю ориентацию, будет менее чёткой. Кроме того, оказалось, что площадь поселения расширится, а его население увеличится. Север

посёлка занимает ремесленная зона. Там были найдены следы производства железа и бронзы, прядения и ткачества, изготовления браслетов из лигнита. На западе продолжает функционировать культовая зона. Общая площадь достигает 2 га, а численность населения составляет около 500 человек.

История и характеристика поселения

Текущая программа раскопок не завершена, главным образом – систематическое изучение находок, позволяющих уточнить датировки. Тем не менее, новейшие исследования остатков раннего железного века из Мез-Нотариу позволяют понять историю и проследить развитие поселения.

Сначала, в переходный период между концом позднего Бронзового века и началом раннего железного, т. е. на рубеже 800-750 гг. до н.э., появляется первый посёлок. Группы домов строятся по заранее установленному прямоугольному плану. Все дома похожи друг на друга и занимают равную площадь выделенного под них участка. На западе уже функционирует культовая зона, предназначенная главным образом для местного населения. На севере под курганами уже, вероятно, захоронены вожди. Планировка целостна и четка. В подобном виде ансамбль просуществует около двух веков, хотя постепенно, в среднем раз в 50 лет, дома будут перестраиваться с изменением техники закладки фундамента.

Примерно между концом VII в. и началом VI в. (точную дату нужно ещё уточнить) резко меняются план, принцип застройки и архитектура. Создаётся впечатление, что прежнее поселение было оставлено, а его общественно-экономическое устройство забыто. К этому же времени относятся: найденная ремесленная зона, большее присутствие импорта (например, балтийский янтарь, лигнит из Великобритании). Именно тогда население Мез-Нотариу достигнет наибольшей численности (ок. 500 человек). Нужно отметить, что период коренных изменений на городище в VI в. совпадает с крупными преобразованиями в Западной Европе

в целом, с приходом греков в Марсель, с развитием таких крупных княжеских поселений, как Гейнебург и Виск (ил. 1, 9 и 11).

Дата оставления городища тоже является предметом обсуждения. Не обнаружено ни одного признака насильственного вмешательства, но если остатки жилищ исчезают к к. V в. до н. э., то культовая деятельность активно ведётся ещё на протяжении около девяти веков. Сейчас можно говорить о полном изменении форм застройки городища острова в позднем Железном веке.

Помимо возможных протоурбанистических процессов, о которых речь пойдёт ниже, подобное изменение вызывает следующие вопросы:

– Каким общественным преобразованиям соответствует изменение посёлка? Прошлая система была аристократического типа или, скорее, коллективного и уравнительного? Равенство домов и кварталов, так же как и присутствие курганов дают основания для предположений, но не дают однозначного ответа. В любом случае, археологические остатки начального периода в достаточной мере свидетельствуют об обществе, где преобладает политическая твёрдость, в отличие от общества, обращённого к экономике и открытию новых миров. Это ещё явнее просматривается во второй период существования поселения. Впрочем, впечатления нельзя назвать научными доказательствами.

– Преобразование поселения ок. 600 г. до н. э. на рубеже гальштата C и D, рассматриваемых в Западной Европе как две фазы раннего железного века, создаёт впечатление, что на нашем памятнике первый период (800-600 гг. до н.э.) является скорее продолжением поздней бронзы III, чем началом железного века. Нужно сказать, что этот вывод основывается больше на архитектурных структурах и общественном устройстве поселения, чем на традиционных типохронологиях артефактов. Вопрос, следовательно, заключается в следующем: какой критерий является ведущим и важнейшим при написании истории в археологии: используемые предметы или устройство городищ? Эта тема для размышления о том, как археологи пишут историю.

3. Начальная форма урбанизма?

3.1. Классическая точка зрения

Развитие урбанизма в Северной Галлии долго рассматривалось в противопоставлении изолированного северного варварского мира и Южной Галлии, близкой к Средиземноморскому побережью (Прованс и Лангедок), и быстрее и глубже оказывающейся под влиянием великих средиземноморских цивилизаций. Первый представлялся краем лесов, где народы находились под властью местной знати и вождей, живущих главным образом в княжеских резиденциях, являющихся часто крепостями, вплоть до прихода римлян между 58 и 52 до н.э. Культурный субстрат, который организовывал общества подобного типа, составляют таким образом сила, война, владение землёй и людьми. Благодаря близости и контактам с этрусками, расселению греков после VI в. Средиземноморское побережье смогло воспользоваться благами их цивилизаций, и было принято считать, что урбанизация была частью культурного вклада новоприбывших. Портовые города Марсель (ил. 1,1), находящийся под греческим влиянием, или Латтара (ил. 1, 2), близ Монпелье и его контакты с этрусским миром служат тому иллюстрацией.

Археология позволила исправить такой упрощённый взгляд. В 1980 г. выходит первый том коллективного труда «Истории городской Франции» под редакцией крупнейшего историка-медиевиста Жоржа Дюби, посвящённый античному городу. Он посвящён Полю Альберту Феврие, профессору университета г. Экс-ан-Прованс, что весьма символично с точки зрения классической историографии. Все книги следуют вышеоговоренному принципу. Однако в том же коллективном труде Кристиан Гудино, специалист по римскому миру и Галлии, снова анализируя этот принцип, вынужден задать вопрос: «Существует ли вообще протоисторический город?» (Гудино // Феврие, 1980). Не высказываясь определённо, с оговорками, он по-прежнему противопоставляет средиземноморскую и северную Галлии. Понятие протоурбанизма тогда относили к эпохе не

раньше среднего латена и конца IV в. до н. э.; его символом станут оппидумы – укрепленные города с высокими стенами. Ещё не раскопаны были крупные равнинные поселения без укреплений, такие как Вильнёв Сен-Жермен в Парижском бассейне, Аси-Романс на северо-востоке Франции (ил. 1, 4) или Керголвез в г. Кемпере (ил. 1, 5). Если за более ранними оппидумами Прованса и Лангедока (Амбруссум, Ансерюн ил. 1, 6, 7) и благодаря их контактам с портами и греческим и итальянским миром вообще и признавался прогородской характер, то чуть ли не с удивлением позже обнаружится, что галльское городище эдуэнов Бибрак у Мон-Бёвре в Бургундии (ил. 1, 8) имело частные дома, аналогичные помпейским, причём задолго до римского завоевания.

Главным городищем-загадкой VI в. до н.э. был Гейнебург в Германии (ил. 1, 9, 5, 6), чьи каменные укрепления долгое время считались имитацией стен греческих городов. Современные исследования позволяют предполагать, что эти стены, выполненные частично из камня, но по большей части из глины, не просто подражают средиземноморским образцам, но несут самостоятельный и более сложный замысел. Место в верховьях Дуная, казавшееся лишь княжеской усадьбой, в свете последних исследований оказывается также экономическим центром, городом у подножия крепости, тесно связанным с рекой и контактами по осям: запад-восток и север-юг. Добыча металла, в частности золота, оказывается главной деятельностью и залогом процветания (Фернандес-Гётц, в печати).

3.2. Протоисторические поселения континентальной Европы

Публикуя в 1990 г. отчёт о раскопках поселения Кортайо-восточный и обобщая данные о группах селений на берегах озера Невшатель в Швейцарии, Беа Арнольд иначе ставит проблему (Арнольд, 1990). При изучении этих поселений численностью в несколько сотен человек, датируемых от эпохи неолита (Овернье) до поздней бронзы (Кортайо) (ил. 1, 10, 7), с продуманной и стро-

го соблюдаемой топографической организацией он настаивает на обязательном существовании заранее установленного плана, связывая таким образом понятие протоурбанизма со способом обустройства пространства. В какой-то мере именно топографическое освоение пространства для жизни и порождает, по мнению этого археолога, понятие урбанизма независимо от характера власти – коллективного, или личного – в общине. Археология не позволяет определить и охарактеризовать эту власть.

Так, рассматривая неолитические телли в Болгарии (Тодорова, 1982), на которых прослеживаются последовательные фазы многочисленных застроек, исследовательница полагает, что первое состояние, которое характеризует подлинное начало урбанизма, – раздел пространства (ил. 8). Это мнение весьма интересно с двух точек зрения, потому что оно касается:

- группы домов-палафитов, строго организованных в кварталы, на швейцарских городищах, которым он посвящает своё исследование, и которые обычно называют деревней, нежели городом. Было показано, что эти «кварталы», расположенные по берегам горных озёр, являются центрами территорий, каждая из которых включает участок озера (для рыбалки и как путь сообщения), прибрежной долины (для ремёсел, сельского хозяйства и как путь сообщения), нижних склонов (для земледелия и скотоводства) и, наконец, высокую гору (для скотоводства, лесного хозяйства и пастбищ летом);

- одного из основных ритуалов при закладке города: землемер, разграничивающий пространство, действует подобно геометру: прокладывает кардо и декуманус, отмеряет и делает заметки на земле. Это как тот первый символический жест Ромула и Рема – вспахивание борозды, которая отделит город от внешнего мира, поскольку поселения были обычно окружены лёгкими палисадами.

3.3. Определение современных географов

В настоящее время французские географы и демографы определяют как город поселение свыше 2000 человек (в стране, насчи-

тывающей 65 млн жителей). Кроме того, поселение должно выполнять административные функции (управление самим городом, а также окружающей территорией), культурные (религиозные, просветительские, досуговые) и экономические (третичный сектор с администрированием и торговлей и вторичный сектор с производством).

Это определение, одновременно объективное и субъективное, и которое мы можем принять, упускает из виду также другую точку зрения – окружающего сельского населения. Какими бы ни были явление, форма, они всегда определяются через своё бытие, но также через то, чем они не являются для самих себя, или окружающего мира. Что верно для формы предметов, верно и для их структуры, физической или мысленной. Деревенский житель выходит из дому и отправляется в городской центр – средоточение власти, – будь то деревня или город, маленький или большой. Таким образом, город также определяют взгляд и отношение деревенского жителя, его ожидания от поселения, в которое он направляется. Если там он найдёт вышеперечисленные услуги в области экономики, управления и культуры, то он может считать, что пришёл в город. Такой подход помогает выделять и определять город. Город находится в центре физической и мысленной территории.

3.4. А на Уэссане?

Можно ли, следовательно, относить городище раннего Железного века на Уэссане, основанное в VIII в. до н. э., к древнейшим формам городского устройства в северной части Европы, формам, которые появились до средиземноморского влияния? При учёте всех вышеизложенных фактов ответ будет положительным, поскольку городище отвечает многим показателям.

При основании поселения между концом IX и началом VIII вв. пространство, отведённое под дома, было организовано по прямоугольному плану. Эта планировка неукоснительно соблюдалась несколькими поколениями на протяжении двух веков. Отметим,

что никаких границ, будь то канава, лесополоса или палисад, разделявших внутреннее и внешнее пространство, обнаружено не было, в частности для этапа основания.

Население этого поселения насчитывало от 300 до 500 жителей. Это меньше 2000, обозначенных современными демографами, но если учесть общее количество населения того времени, то вполне можно принять аналогию между цифрами.

Контролирующая функция деревни по отношению ко всей территории острова неоспорима. Мез-Нотариу находится в центре острова и именно это поселение, несомненно единственное, было важнейшим в то время.

В деревне развиваются ремёсла (металлургические, текстильные, изготовление предметов из лигнита). Культовая зона, непосредственно примыкающая к городищу, весьма обширна и важна, ею пользуются как жители острова, так и мореплаватели, следующие вдоль атлантического побережья. И наконец, остров играет очень важную роль в международной морской торговле, развивающейся на атлантическом побережье Европы (Лё Биан, 2010, материалы Сухумской конференции 2011 г.), не как торговая точка, но как необходимая техническая стоянка.

Даже если сложно говорить о настоящем городе, тем не менее можно утверждать, что здесь протекает, по меньшей мере с качественной точки зрения, процесс городского устройства. Уэссан и в самом деле соответствует культурным и топографическим традициям поселений континентальной Европы эпохи бронзы, прото-урбанистический статус которых нужно, по-видимому, признать.

Современная археология естественно склонна объяснять то или иное культурное или материальное явление посредством влияний или моделей. Такой подход, конечно, необходим и плодотворен. Однако случай Уэссана даёт пищу для размышления, потому что городской уклад сложился на острове рано и вдали от средиземноморских влияний, которыми обычно объясняют урбанизацию. Это верно и для вышеназванных поселений на континенте.

В публикации (Лё Биан, Виллар, 2001) мы рискнули выдвинуть гипотезу о некотором географическом детерминизме, отчасти проводя аналогию с работами Беа Арнольда (см. выше) о берегах швейцарских озёр. Он обращал внимание на то, что собранные в группы поселения развивались только в особых топо- и географических условиях, что довольно общо для континентальной Европы эпохи бронзы (Бискупин в Польше, terra-amata terra-mares в долине р. По), особенно во влажных районах. Обустройство микротерриторий у горы, равнины и озера могло обуславливать собрание людей и особое структурирование их поселений. На Уэссане же совместные усилия людей, уплотнение поселения могли были быть вызваны не только экономическими функциями острова, но и его малыми размерами, постоянными сильными ветрами. Случайное прохождение иностранного корабля раз в сезон было, конечно, недостаточным, чтобы навязать новый тип инородной организации предгородского типа.

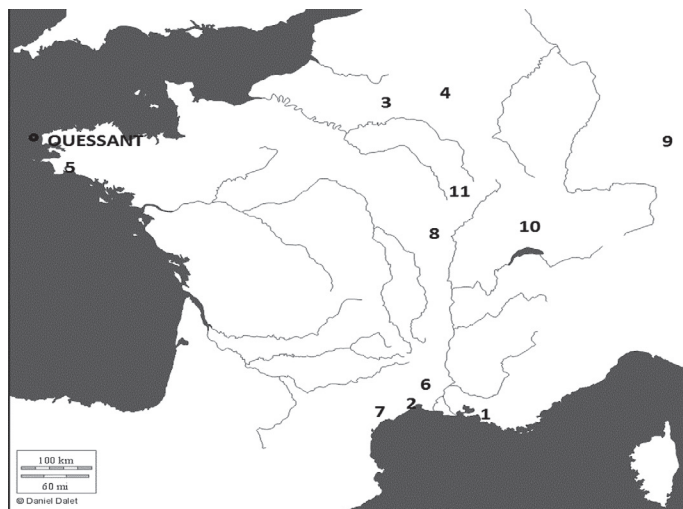
Возникновение и природа уэссанского городища сближают его таким образом больше с поселениями городского характера, появившимися благодаря как географическим условиям, так и экономическим преимуществам, которые ему давало исключительное местоположение на древнейшем и важнейшем морском пути. Ввиду отсутствия схожих памятников в данном морском регионе и учитывая относительную незначительность прямых контактов со средиземноморским миром, можно задаться вопросом, не островной ли характер привёл главным образом население острова к естественному и самопроизвольному развитию городской модели.

С этих позиций городище стимулирует общее размышление о явлении урбанизации в несредиземноморской Европе. Оно даёт новый импульс к осмыслению понятий модели и влияния в археологии.

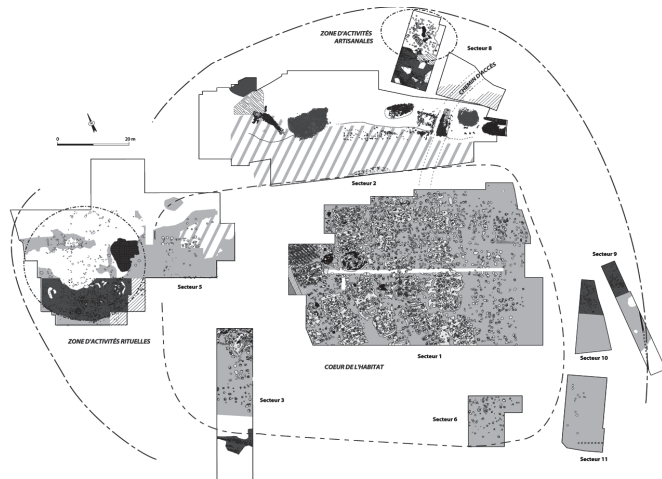
Перевела с фр. Мария Каранец

Литература

- ARNOLD, 1990** : Cortaillod- Est et les villages du lac de Neuchâtel. Structure d'habitat et proto-urbanisme, collection Archéologie neuchâteloise 6, Saint-Blaise, éditions du Ruau, 197 p.
- FEVRIER, P.-A. 1980** : La ville antique des origines au IXe siècle ; tome 1 le Histoire de la France urbaine (direction de G. DUBY), Paris, éditions du Seuil, 606 p.
- FERNANDES-GÖTZ M.**, (à paraître) : Le Danube et la Heunebourg, dans Les Gaulois au fil de l'eau, actes du 37e colloque international de l'AFEAF(direction F. IOLMER et R. ROURE), Montpellier, 2013.
- GUICHARD V., SIEVERS S., URBAN O., 2000** : Les processus d'urbanisation à l'âge du Fer, Bibracte 4, Glux-en-Glenne, Centre archéologique du Mont Beuvray, 237 p.
- LE BIHAN J.-P., VILLARD J.-F., 2001** : Le site archéologique de Mez-Notariou et le village du Premier âge du Fer, tome 1 de Archéologie d'une île à la pointe de l'Europe, tome 1 (direction J.-P. LE BIHAN), Quimper, Centre de recherche archéologique du Finistère, 351 p.
- LE BIHAN J.-P., VILLARD J.-F., 2010** : L'habitat de Mez-Notariou des origines à l'âge du Bronze, tome 2 de Archéologie d'une île à la pointe de l'Europe (direction J.-P. LE BIHAN, Quimper, Centre de recherche archéologique du Finistère, 2010, 595 p.
- TODOROVA H., 1982**: Kupferzeitliche Siedlungen in Nordostbulgarien, Munich, Beck (Materialen zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie 13).

Ил. 1: Местоположение Уэссана и других упоминаемых в статье мест:
1. Марсель, 2. Латтара, 3. Вильнёв Сен-Жермен, 4. Аси-Романс, 5. Кемпер – Керголвез, 6. Амбросен, 7. Ансерюн, 8. Бибракт, 9. Гейнебург, 10. Невшательское озеро, Овернь и Кортайо, 11. Викс.

Ил. 2: План деревни Мез-Нотариу (1-й железный век, о. Уэссан)

Ил. 3: Центр деревни и основания домов 1-ого железного века в Мез-Нотариу на о. Уэссане.

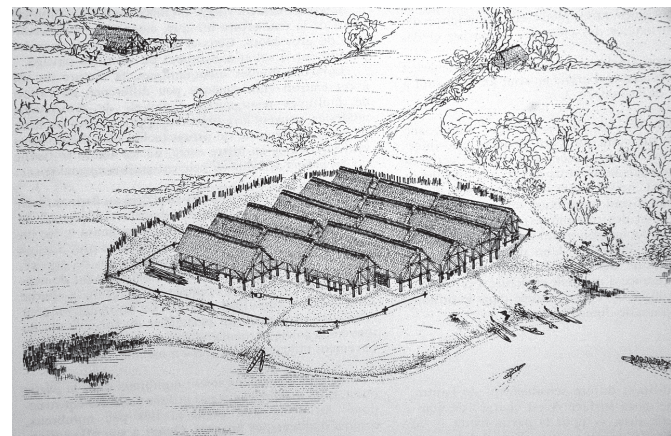
Ил. 4: Изменение плана застройки и домов в центре Мез-Нотариу (1-ый железный век, о. Уэссан).

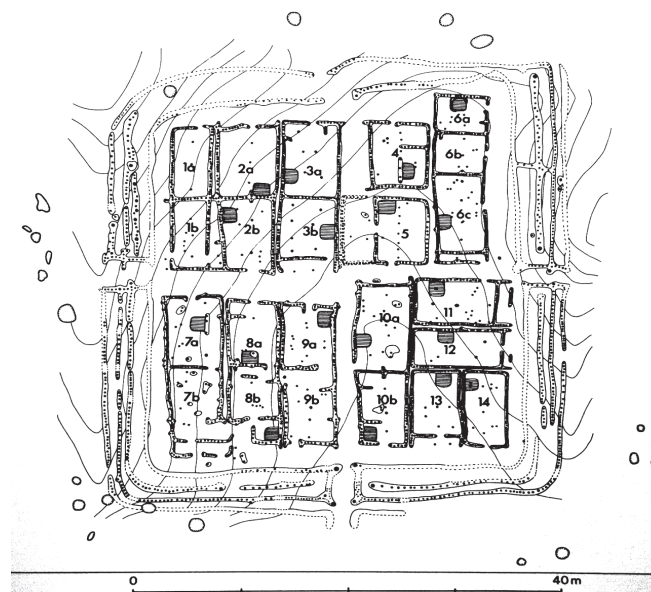
Ил. 5: Укреплённое протоурбанистическое поселение Гейнебург (Германия), Brainpets.com.

Ил. 6: Укреплённое поселение Гейнебург (Германия), вал, источник Google.

Ил. 7: Деревня Кортайо (поздняя Бронза) на берегу Невшательского озера в Швейцарии, по Б. Арнольду.

Ил. 8: Первая фаза телля в Полянице (Болгария), по Г. Тодоровой.

Puisque nous sommes réunis sur les rives de la Mer Noire, je voudrais terminer par une question à mes chers collègues. Est-ce que, à une époque plus ou moins ancienne, la géographie physique de votre région, la barrière de montagnes descendant directement vers la mer, les petites plaines littorales structurées avec les très nombreux et courts fleuves côtiers, n'ont pas induit la création micro-territoires dotés chacun d'un habitat aggloméré annonçant la formation d'une ville. La question n'est pas innocente car je dois avouer qu'elle a contribué à décider de mon choix de communication aujourd'hui devant vous.

Поскольку мы собрались на берегу Чёрного моря, я хотел бы завершить выступление вопросом к уважаемым коллегам. Не обусловила ли в более или менее отдалённом прошлом физическая география вашего региона – горные цепи, спускающиеся к морю, маленькие прибрежные долины с многочисленными короткими реками – создание микротерриторий, на каждой из которых было поселение с праобразом городского устройства? Мой вопрос отнюдь не празден, поскольку, должен вам признаться, именно он определил выбор темы моего сегодняшнего выступления.

***Бгажба О.Х., Агумаа А.С., Сангулия Г.А., Джопуа А.И.,
Цвинария И.И., Бжания В.В., Габелия А.Н., Барцыц Р.М.,
Сакания С.М., Хондзия З.Г., Гунба Б.М., Трапш Г.Е.,***

Сухум

ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ У СТЕН СУХУМСКОЙ КРЕПОСТИ В 2011 ГОДУ

В связи с выделением земли под застройку капитальных строений у стен Сухумской крепости в прибрежной части столичного города Абхазии Акуа-Сухум (Диоскурия, Севастополис), в экстренном порядке была организована совместная Охранно-спасательная археологическая экспедиция Гос. Управления ОИКН, с приглашением специалистов АБИГИ, АГМ, АГУ, с целью проведения неотложных полевых исследований на отведенной территории. Полевые работы выполнили сотрудники групп: Кутолская (А(Г).Цвинария), Гулрыпшская (И.Гуарамия), Сухумская (Е.Лазария). Основные работы были сосредоточены на трех участках, где соответствующие отряды провели исследования до материкового слоя. Полевыми работами в раскопе №1 (южный сектор) руководили: к.и.н. А.И. Джопуа, к.и.н. Р.М. Барцыц, н/с С.М. Сакания, в западном секторе №2: А.С. Агумаа (нач. экспедиции), к.и.н. В.В. Бжания, Г.А. Сангулия (зам. нач. экспедиции), н/с З.Г. Хондзия, в северном секторе №3: к.и.н. И.И.Цвинария, н/с Б.М.Гунба. Активное участие на протяжении всей работы такого большого объекта принимали акад. О.Х.Бгажба, к.и.н., зав кафедрой, доц. АГУ А.Н. Габелия, н/с отдела археологии АБИГИ Г.Е. Трапш, студент III курса АГУ И.А. Джопуа.

Впоследствии, отдельно специалисты Гос. Управления ОИКН заложили еще один (четвертый) раскоп из последних средств, и,

несмотря на тяжелые погодные условия, ее успешно завершили. По завершению полевых работ, в отделе камеральных исследований Гос. Управления находки были обработаны до конца, и был исследован весь полевой материал, классифицирован и зашифрован (нач. отд. Л.П.Головина, Зам. нач. ГУ Г.А. Сангулия). Срочным образом для освещения в СМИ исследуемые находки были предварительно анализированы, дана типологическая характеристика, написан и прочтен доклад в конференц-зале АБИГИ, а также отправлена статья об открытиях (АО России), и исправлены предварительные высказывания о раннеантичном характере исследуемых участков, которые оказались позднеантичными (зам. нач. Г.А.Сангулия).

В каждом из отмеченных раскопов с помощью техники был снят слой современного асфальта и бетонной заливки вместе с поздними строительными остатками, не представляющие научный интерес. Затем были заложены к намеченным раскопам перпендикулярные шурфы для постепенной фиксации вертикального стратиграфического положения древних культурно-бытовых остатков до глубины 8-9 м, оставленных затем в качестве приямка для откачивания воды в дождливую погоду.

Еще до завершения исследования отведенного участка результаты проведенных планомерных исследований уже показали наличие активной и бурной жизнедеятельности местных поселений усадебного, комплексного типа, со всеми категориями археологических находок. Концентрация всевозможных артефактов от редкой северной периферии (красной черты) к восточной и западной части площади, ближе к центру древнего Акуа- Себастополиса, установлена убедительно, как на основе редчайших, так и массовых находок. Горизонт культурного слоя на всех раскопах начинается примерно на глубине 120 см от дневной поверхности, а ее мощность равняется 40 см. Под него были подведены все раскопочные горизонты, освобождая их с помощью техники от поздних наслоений, лишенных древних артефактов. Промежуточные сред-

невековые стратиграфические слои и слои турецкого времени здесь не были представлены. Исключение составляют отдельные, единичные находки (закраина тонкостенной миски зеленого глазурированного полива 11 в. н.э. с линейным орнаментом). На глубине 120 см от дневной поверхности находки стали появляться сразу же и как показала послойная зачистка, они имели характер сплошного распространения. Было установлено, что массовые находки как показали репрезентативные вещественные остатки оказались не раннеантичными, как сперва показалось, а позднеантичными по времени своего бытования. Выделяются коллекции инвентаря жилищ в виде толстых кирпичей и плинф, иногда устланных на пол, кровельной черепицы соленов и калиптеров, разнообразных остатков в обугленных, углистых прослойках в сочетании с бытовыми, кухонными отходами и остеологическими находками. Массовая керамическая продукция как местного, так импортного происхождения состоит из бытовой, парадной и тарной посуды, иногда включает также изящные, тонко сработанные миниатюрные формы. Привлекает внимание находка почти целого светильника, в некоторых случаях отдельных монет (раскоп №1,2) а также разнообразного позднеантичного стекла найденного во фрагментах. Обращает на себя внимание то, что во время камеральной обработки, было зафиксировано преимущественное распространение завернутых в трубочку закраин венчиков и оснований сосудов. Ровные и прозрачные стенки, заметно отсутствующие в коллекциях, возможно, шли для вторичного использования, чем объясняется их низкая частота встречаемости. Ранний характер стекла и некоторая избирательность к отдельным типам, возможно, объясняет отсутствие рельефно орнаментированных конических, полусферических форм посуды с мотивами сотовых узоров из восьмиугольников, концентрических кругов и с рельефными напайками цветного стекла. Они хорошо известны в памятниках цебельдинской культуры нагорной Абхазии, и их слабое отражение в нашем полевом материале возможно имеет еще ряд причин. Обстоятель-

ное исследование полевого материала показывают, что во всех участках были представлены все основные находки для категорий поселений, жилищ и погребений. Их частота встречаемости, разнообразие типов и одновременных форм, а также стратиграфическая мощность накоплений варьирует от раскопа к раскопу, но в целом вещественные комплексы находок демонстрируют устойчивые типы и технологические особенности. Эта ситуация, как показывает массовые факты, является иллюстрацией активного взаимодействия двух начал, местного и позднеантичного греко-римского, представляющий яркий синтез и богатую палитру во все вскрытом археологическом наследии позднеантичного периода. Интересны некоторые своеобразия находок и их сочетаний в раскопе №2, где с кухонной и парадной посуде позднеантичного типа заметно шла тарная посуда, представленная типами с гофрированными стенками и двуствольными ручками 2-3 вв. до н.э. Керамические формы представлены мисками и чашами на кольцевом поддоне, которые менялись тарелками, в том числе глубокими блюдцами, имеющие характерный абрис с выступающим клиновидным и манжетовидным валиком, за которым профилированная стенка резко обращается к донцу. На фоне изящной посуды позднеантичного типа на тонкоотмученной глине, иногда с единичными фрагментами чернолаковой и краснолаковой тонкостенной посуды (всего 2 фрагмента) широко распространена местная керамика. Она сформована с большим количеством наполнителей, песка, в основном красного обжига, хотя и встречаются и фр. чернолощеных иногда подкрашенных сосудов. В разных местах встречались фр. небольших местных корчаг, и что особенно интересно фр. пифосов, с массивными стенками и венчиками, внешне отделанная штриховкой с помощью гребенчатой лопаточки. Здесь в квадратах встречается строительная черепица, представленная толстостенными формами, плоские и круглые типы, а также плинфы и толстые кирпичи, в своей массе так же красноглиняные, идентичные по своей фактуре толсто-

стенным местным пифосам. Технологический анализ замеса и пропорции глины, а также ее обжиг доказывает местное изготовление, в принятых производственных традициях. Не менее интересна миниатюрная изящная посуда во фрагментах, тонко сработанная на быстровращающихся гончарных кругах. Особый интерес представляет комплекс находок стекла, битые фрагменты которые найдены на всей площади и имеет интересные подражания в керамике и наоборот. Они идентичны вышеописанным экземплярам.

В квадратах встречались иногда каменные грузила из дисковидного галечника, такой же формы изготовления, как во все периоды местной истории.

Слой активно насыщенный бытовыми отходами мощностью 30-40 см представлен и другими находками, в том числе остеологическими фактами, костями домашних и диких животных (кости и клыки кабана), различных птиц, иллюстрирующие пищевой рацион жителей. Все эти находки лежали на темно-гумусированной утрамбованной площади, имеющей галечную подсыпку, а в северо-западной части – высокую горизонтальную каменную выкладку, очевидно сооружение для пола жилища. При разборе вокруг лежащих квадратов, опускаясь в нижний материковый слой, было обнаружено первое погребение, вытянутое и ингумационное. Оно сопровождалось богатым ожерелием, скомпонованной из различных бус, более крупных из шлифованного черного гагата, пастовых, круглых и трубчатых, синего цвета, стеклянных, прозрачных и золоченых типов. На руку был надет браслет. Во рту лежала монета. Рядом было найдено и второе скорченное погребение, а затем и третье, с такими и дополнительными украшениями в виде колец, а также стеклянными бальзамариями для благовоний и коротким кинжалом с двуствольной рукоятью. Все они лежали на одном уровне и имели порядовую структуру расположения. Четвертое погребение было расположено чуть дальше, поодаль и несколько выше от них, и выходил за пределы раскопа, почему

нам пришлось расширяться и заложить следующий раскоп №4, где уже зафиксированы костные остатки и другие находки. Это погребение также сопровождал составное ожерелье из различных бус (черный гагат, паста, стекло, а в центре 1 крупная бусина с цветными прожилками). На руку надет гладкий круглопроволочный браслет с заходящими концами, а на груди лежала лучковая, составная, очень крупная фибула, с пластинчатым приемником, отломанным концом еще в древности.

Все погребения по углам сопровождались крупными и сильно ржавыми гвоздями с грибовидной шляпкой, что соответствует положению деревянной гробницы, составленной из колотых бревен-досок. В некоторых случаях вдоль прямой линии прямоугольника, друг против друга, посередине сгнившей конструкции лежали такие же гвозди. Возможно, гвоздями забивались и верхние доски перекрытия гробов. Все погребения сохраняли древнюю традицию галечной подсыпки и ритуальную насыпь угольков. Они совершены по обряду полного (4) и частичного (6) погребения (с неполным составом костей), что представляет большой интерес для истории местного общества с такими традициями.

Весьма интересен также найденный в раскопе №4 на той же глубине древний колодец, изготовленный в греко-римском стиле. Верхняя часть данного сооружения выполнен из составных вертикальных полуколец, завершаемый выступающим, профилированным резным венцом, в виде декоративного обрамления. Полукольца составного шатра некогда скреплялись потайными пиронами (скобами) от которых остались пазы и ржавчина. Соответственно, каменный шатер кольца, единственный в своем роде в регионе, в настоящее время описан и изучен. На уровне древней дневной поверхности, завершение последнего кольца дополняет массивная панцирная кирпичная обкладка с дополнительным рядом рустованных каменных блоков, схваченная на грубом песчано-известковом растворе. Отметим, что в погребениях зафиксирована известняковая подсыпка.

Продолжение наших работ на этом участке открыли остатки еще одного колодца, полностью составленный из керамических колец. Они сильно сдавлены позднейшими строениями. Цилиндрические кольца по своему обжигу и глине весьма похожи местным толстостенным пифосам. Верхние образцы находок были отобраны, как и элементы каменного шатра, которые хранятся в археологическом хранилище, для реставрации и будущей экспозиции.

Во время зачистки и разбора каменной выкладки пола древнего строения в раскопе №2, была также найдена целая известняковая плита, с рельефным обрамлением (рельефным выступом) лицевой части, на обработанном с трех сторон плоском постаменте из гранита-дикаря, лежавшей рядом. Палеографический, стилистический анализ и техническое исполнение посвяtitельной лапидарной надписи выполненной с помощью угловатого ресмусного резца, датирует памятник 2-3 вв. н. э., ближе к концу. Это по своей сути каллиграфическая вершина римского эпиграфического письма, без видимых трансформаций бытовавшая в 1-3 вв. н. э., к которому относятся и вся часть ранней группы находок римского происхождения. Перевод надписи сделанной преподавателями АГУ Э. Маклаковой, М. Шлегельмильх гласит: «Памяти благословенного судьбой Валерьяна погребальная песнь царственному дражайшему супругу». Без дополнительных данных трудно судить относиться ли данное имя местному царю-басилевсу с римским именем Валерьян, что уже имело место быть (Юлиан басилевс апсиров) или речь идет прямо о римском императоре Публии Лицинии Валерьяне (что очень маловероятно ввиду далеко не императорского характера поселения, за стеной крепости, с более простыми находками). Но ценность находки, ее технический и эпиграфический анализ подчеркивает важное пополнение к уже известным памятникам письма, найденных возле территории известного памятника Абхазии. В целом, исследования, начатые абхазскими археологами впервые в таком масштабе за стеной Сухумской крепости, обозначены успешными и яркими результа-

тами, и описывают археологическую ситуацию тесного сотрудничества абхазских базиликов (Фл. Арриан) с римскими силами, в важном причерноморском регионе Кавказа. Достаточно сказать, что активизация сил аланов и германцев, атаковавшие причерноморские укрепления в Питуинте, Фасисе и Трапезунте в результате принятых мер обошла укрепленный город Севастополис. Как известно его инспектировал легат каппадокийского Понта Флавий Арриан, оставивший также ценную строительную надпись и описание абхазских царств апсиров, абасгов и саныгов. Важные направления скоординированных действий как видно по материалу, сопровождались и торгово-экономическими отношениями. Отсюда и глубокое проникновение, и богатый синтез двух культур в 1-5 вв. н.э., так тщательно и убедительно продемонстрированные всеми участниками полевого сезона. Историческое значение памятника в результате таких ярких открытий еще более повышается, особенно в разработках местной и региональной пограничной истории и международных контактов.

Габелия А.Н.,

Сухум

К ВОПРОСУ О ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СУХУМСКОЙ БУХТЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Древнегреческая колонизация Абхазии, ее хронология, характер развития античных городов, их влияние на социально-экономическое положение местного населения пока еще остаются предметом споров историков-антиковедов. Это объясняется скудностью письменных источников и недостаточными археологическими исследованиями на основных памятниках этого периода, хотя проблема является предметом обсуждения многих поколений исследователей. Наличие различных точек зрения о характере греческой колонизации объясняется не только скудностью источников, значительными техногенными изменениями территории древних городов, но и различным пониманием греческой колонизации в целом, как в археологическом, так и в типологическом плане.

Для исследования процесса греческой колонизации (особенно на ее раннем этапе) в отдельно взятом регионе большое значение имеют вопросы палеогеографии, реконструкции ландшафтно-геоморфологического облика территории. Попытки привлечения палеогеографических и топографических данных в решении историко-археологических вопросов относятся еще к началу XIX века, однако из-за недостаточной археологической и палеогеографической изученности побережья и дна Сухумской бухты большая часть из них продолжает оставаться открытой. И одна из первоочередных задач античной археологии должна быть свя-

зана с составлением полной карты затопленных объектов, и это позволит проследить последовательность освоения греческими колонистами побережья, а также решить ряд конкретных историко-археологических вопросов.

Первые исследователи Причерноморских греческих городов И.А. Стемпковский, А.Л. Скальковский, П.В. Беккер и другие отмечали важность изучения динамики изменения береговой линии, вызванной увеличением уровня Черного моря. Постепенно накопились материалы геолого-географических исследований, которые стали привлекаться археологами, а дальнейшие работы показали, что комплексный подход дает существенные результаты в решении многих историко-археологических вопросов и предопределили широкое привлечение палеогеографических данных в античной археологии.

По мнению разных исследователей, в античное время уровень Черного моря был ниже современного, от 4-5 до 10 м. П.В. Федоров – основоположник учения об изменении уровня моря – останавливается на отметке 5-7 м. Если исходить из этого, в античное время береговая линия моря в деталях выглядела иначе, ни один метр побережья не сохранил своего древнего облика. Эти изменения, как правило, заключается в наступлении моря на сушу. А в некоторых местах, например, в дельтах рек наблюдается обратное явление – суша вытесняет море. Особенно серьезные изменения произошли в древних дельтах, здесь еще в древнегреческий период перемещались устья рек, мелели одни рукава, появлялись другие, и эти изменения берегов повлекли за собой значительные последствия.

Географические изменения во многих случаях стали причиной целого ряда противоречий, несоответствий между сведениями древних авторов и современными данными. Эти расхождения долгое время объясняли, как правило, ошибками античных писателей. В результате значительно осложнилась работа по локализации указанных античными авторами городов. И в этом заключа-

ется важность комплексного изучения письменных, археологических и палеогеографических источников.

В литературе утвердилось мнение, что «остатки основной части древнего города Диоскуриады находятся на дне Сухумской бухты, а на территории современного Сухума располагались лишь его окраины». Такое мнение сложилось в последнее столетие на основании визуальных наблюдений над режимом Сухумской бухты.

Самое первое сообщение о наступлении моря в Сухумской бухте скорее всего относится к XVII столетию, когда итальянский миссионер Арканджело Ламберти сделал в своих записях пометку: «пятое аббатство было Севастопольское, которое теперь поглощено морем».

Интересные сообщения о наступлении моря в районе Сухумской крепости в середине и во второй половине XIX в. содержатся в работах В.И. Чернявского, Р. Пренделя, А.А. Миллера и других исследователей. В 1877 году В.И. Чернявский писал: «Все развалины, находящиеся теперь на дне бухты, еще недавно были под наносами... Движение моря на берега происходит теперь очень быстро... От широкого бульвара в 1867 году на моих глазах ушла половина...».

А.А. Миллер в связи с этой темой сообщает следующее: «Постепенное опускание берега в Сухуме действительно наблюдается, и этот факт можно считать установленным».

Таким образом, и Чернявский, и Миллер указывают на существование перед Сухумской крепостью довольно широкой береговой полосы.

Существует несколько гипотез, с помощью которых исследователи стремятся так или иначе обосновать локализацию руин Диоскуриады глубоко на дне Сухумской бухты. В основе гибели древнего города лежат следующие явления

- 1) глубинооползневые и гидроэвстатические (повышение уровня моря) явления (В.И. Чернявский, В.А. Иваницкий);
- 2) гигантский сброс (Л.А. Шервашидзе, Л.Н. Соловьев);

3) перемещение устья реки Гумисты и образование на этой основе Сухумской бухты (В.И. Чернявский, Л.И. Соловьев, Л.А. Шервашидзе, М.М. Трапш и др.);

4) сейсмогенная природа разрушения (А.А. Никонов).

По мнению некоторых исследователей, гипотеза об оползне, рассмотренная в ряде специальных работ, не находит подтверждения.

Сторонники второй гипотезы обычно ссылаются на наклон в глубь берега северных стен первой и третьей крепости Себастополса. Однако, по мнению профессора Ю.Н. Воронова, тот факт, что западное укрепление не имеет наклона, должен свидетельствовать не об общем сбросе почвы, а лишь о сугубо локальных процессах, вызванных неустойчивостью фундаментов.

Третья гипотеза основана на высказанной еще В.И. Чернявским мысли, поддержанной Л.Н. Соловьевым, о том, что река Восточная Гумиста в античный период впадала в море на месте нынешней Сухумской бухты, которая якобы появилась лишь на рубеже новой эры, но согласно имеющимся в распоряжении геологов материалам Сухумская бухта сформировалась в доисторические времена, а также нужно отметить, что углубленность русла реки Гумиста в приустьевой зоне указывает на ее функционирование в современном ложе многие сотни тысяч лет.

Затопление древних памятников в Сухумской бухте и ее окрестностях связывается и с новейшими тектоническими процессами – опусканием прибрежной зоны, а также ставшим особенно в последние годы заметным поднятием уровня Черного моря. Однако, как показывают археологические раскопки, древние остатки в Сухумской бухте обычно обнаруживаются не глубже 5-10 м. А остатки времени Диоскуриады залегают поверх синих глин, уровень которых нигде не спускается ниже уровня моря больше, чем на 0,5 м.

В отношении предположения о сейсмогенной природе разрушения Диоскуриады, а также влияния сейсмотектонических

процессов на аномальные глубины залегания остатков античных сооружений на дне моря надо заметить, что специальных сейсмологических исследований в интересующем нас районе не проводилось. В основе этого предположения лежит так называемый «сейсмологический» метод, выдвинутый А.А. Никоновым. Надо отметить, что этот автор не использует анализ археологических памятников.

Хотелось бы более подробно остановиться на положениях, выдвинутых Л.Н. Соловьевым, по интересующей нас проблеме.

По предположению Л.Н. Соловьева, в результате действия тектонических сил устье реки Гумисты переместилось на 6 км к северо-западу. «Теперь речные наносы, – констатировал ученый, – в своем движении с северо-запада на юго-восток (что объясняется господствующим направлением ветра и зависящим от него течением) откладывались на северо-западной стороне Гумистинского мыса и, достигая его конца, сгружались в открытое море, не попадая в бухту... К этому прибавилось отмеченное для I в. до н.э. повышение уровня Черного моря. Море прервало линию древних береговых валов и двинулось на сушу, забирая постепенно постройки и виноградники города».

Как видим, в объяснении Л.Н. Соловьева фигурируют почти все процессы, которые могли привести к гибели древнего города. Здесь и тектонические силы, и твердый сток реки, и подъем уровня моря, и морские течения. Вряд ли такое роковое стечение тяжелых обстоятельств могло одновременно иметь место на одном относительно небольшом участке берега Черного моря.

И еще одно соображение. Если согласиться с мнением Л.Н. Соловьева и признать, что нынешняя Сухумская бухта образовалась в результате перемещения устья р. Гумисты к северо-западу, то должны быть геологические свидетельства – наличие погребенного старого русла, направленного вдоль морского берега. Однако таких сведений нет. И вообще на Черноморском побережье Кавказа нет рек, которые текли бы на протяжении нескольких

километров вдоль берега параллельно морю. Горные водотоки, у которых быстрое течение и мощные паводковые разливы, всегда ищут наикратчайший путь к морю, и отклоняться в сторону им ни к чему. Следует также учитывать, что, спускаясь с гор, причерноморские реки выносят большое количество гравия и песка, именно им обязаны своим существованием пляжи, образующиеся в результате отложения рыхлых горных материалов. А две реки, Басла и Гумиста, с общим устьем выполняли бы двойную работу, и берег должен был повышаться, а не опускаться. Поэтому выполненная Л.Н. Соловьевым реконструкция обстановки, существовавшей во II в. до н.э., не очень правдоподобна. Тем более что процесс затопления древних строений, как выяснено, был не одноразовый, а длительный, повторявшийся на протяжении многих веков несколько раз.

Следовательно, в районе древней Диоскурии и Севастополиса развивались какие-то иные, не кратковременные, а постоянно действующие факторы. Вполне может быть, что это были геодинамические процессы, например, абразио-оползневые.

Исходя из этих соображений, профессор Ю.Н. Воронов пришел к выводу, что в основе разрушения Севастополиса и Диоскуриады нужно видеть в первую очередь не опускание берега или поднятие уровня моря, а действие прибоа –абразию.

Все сказанное позволяет согласиться с проф. Ю.Н. Вороновым, что со времени Диоскуриады сколько-нибудь значительных изменений в конфигурации Сухумской бухты не произошло. Ширина полосы, отнятой за последние тысячелетия морским прибоем у суши, не превышает 100 м. Эта полоса и занимавшая ее часть древней Диоскуриады гинили полностью и безвозвратно. В то же время очень интересные материалы ждут ученых в той части Диоскуриады, которую еще не размыли волны.

Литература

- Агбунов М. В.** Античная археология и палеография. КСИА, Москва, 1967.
- Анчабадзе З. В.** История и культура древней Абхазии. Москва, 1964.
- Воронов Ю.Н.** Диоскуриада–Севастополис–Цхум. М., 1980.
- Воронов Ю.Н.** О динамике берегов Сухумской бухты в исторические времена (в связи с проблемой локализации Диоскуриады. В кн.: Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии.). Сухум, 1974.
- Иващенко М. М.** К вопросу о местонахождении Диоскурии древних. ИАБНО, 4. Сухум, 1926.
- Соловьев Л. Н.** Диоскурия-Севастополис-Цхум. Труды АГМ, Сухуми, 1947.
- Трапш М. М.** Древний Сухум. Труды. Т. II, Сухуми, 1969.
- Чернявский В. И.** Из исследования в юго-западном Закавказье. Доказательства колебания западного побережья Кавказа в течение исторических времен. Следы городов, погребенных в наносах. ИКОИРГО, XIII, 1877 (по Воронову Ю. Н.).

Белинский А.Б., Канторович А.Р., Маслов В.Е., Райнхольд С.,

Ставрополь,

Москва,

Берлин

РАСКОПКИ ГОРНОГО МОГИЛЬНИКА УЛЛУ

В 2012 году археологическим отрядом ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края был исследован горный могильник Уллу в Зольском районе Республики Кабардино-Балкария¹.

Памятник расположен на мысу крутой террасы левого берега р. Уллукол на высоте +15578 – +1582 м в системе Балтийских высот, примерно в 6,6 км к ЮЮЗ от с. Кичи-Балык Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия. Расстояние до вершины горы Уллукол составляет около 1,4 км.

Здесь в 2009 г. в ходе разведок, проведенных ГУП «Наследие», было открыто три комплекса построек. Могильник Уллу относится к поселению Уллукол-2Б и расположен к югу от него.

На основании данных магниторазведки² был размечен прямоугольный раскоп размерами 20 х 20 м, ориентированный по сторонам света. Раскоп был расположен на склоне мыса, перепад высот которого составлял с юга на север около 3 м.

Погребальные конструкции могильника необычны: это каменные ящики-склепы, построенные с использованием скального рельефа. До раскопок конструкция не просматривалась

¹ Работы проводились под руководством А.Б. Белинского, при участии сотрудников ИА РАН – В.Е. Маслов, Германского археологического института – С.Райнхольд и студенческой археологической практики исторического факультета МГУ под руководством А.Р. Канторовича.

² Магнитная разведка была проведена Й. Фассбиндером – Баварское государственное управление памятников и монументов, г.Мюнхен.

чётко среди задернованного завала рваных камней, и выходов скальной породы. Выделялись лишь отдельные крупные каменные плиты, выступавшие над уровнем современной дневной поверхности.

Всего были исследованы девять условных погребений, но число достоверных могильных конструкций меньше. Некоторые из них использовались многократно, а в завале камней вокруг ящиков были обнаружены многочисленные разнообразные находки и отдельные человеческие кости, вероятно, выбросы из потревоженных захоронений.

Все погребения были нарушены в древности, но хотя наиболее ценные предметы были похищены, создается впечатление, что собственно ограбление не было главной целью. Не исключено, что эти действия носили символический характер, связанный с осквернением гробниц.

Близ погребений были расчищены пять ритуальных комплексов, представляющих собой скопления керамики.

Наиболее важный комплекс находок был обнаружен в ходе исследования погребения 2/3 – каменного ящика, дополненного конской гробницей.

Каменный ящик погребения 2 был слегка заглублен в скальный материк и был окружен наружной оградой, с юга и запада сложенной из плит, а с севера и СВ состоявшей из выступов скальной породы. С востока выкладка из каменных блоков отделяла его от сопутствующего конского захоронения. Пространство между плитами и внешней и внутренней ограды было заполнено каменным боем. Между этих камней встречались находки и кости животных. В верхней части кладки южной стены была найдена каменная зернотерка.

Размеры каменного ящика по дну 1,8 х 1,1 м. Длинной осью он был ориентирован по оси СЗ – ЮВ. На дне каменного ящика было расчищено несколько скоплений человеческих костей и отдельные зубы м.р.с.

В заполнении ящика среди камней встречались многочисленные разнообразные находки. Кроме того, часть находок и костей было выброшено из ящика к югу по склону и было обнаружено в расщелинах между камней.

Конское погребение 3 примыкало к каменному ящику с СВ. С каменным ящиком оно имело общую восточную наружную стену, сложенную из рваного камня и блоков известняка протяженностью 4,2 м. С запада – ЮЗ оно было ограничено скальным выступом. Не исключено, что данное захоронение было возведено не сразу, а построено к уже существовавшему склепу в ходе его использования.

После удаления верхнего слоя камней между выходами скальной породы и крупными блоками было открыто пространство площадью 1,6 x 1,1 м, полностью заполненное костями лошадей. Захоронение было потревожено: среди конских костей встречались отдельные предметы, выброшенные из каменного ящика погребения 2. Тем не менее, удалось установить, что туши взнузданных лошадей были установлены вплотную друг к другу поперек узкого могильного ящика. При этом их головы, очевидно, были повернуты вбок и назад. Вероятно, данное захоронение символически воспроизводило конскую упряжку.

В каменном ящике погребения 2 и близ него был обнаружен ряд предметов закавказского происхождения: электровые (?) серьги, перстень с ромбовидным щитком, декорированным свастикой, две золотые фигурные подвески, составленные из двух тисненых пластин в форме головы барана.

Серьги в виде разомкнутого кольца с отверстием в расплюснутых окончаниях, со столбиком, составленных из четырех шариков зерни (псевдозерни ?), завершающимся пирамидкой из таких же шариков зерни. Подобные серьги, как правило, изготовленные из серебра или золота, известны в могильниках Дигории, но наиболее характерны для памятников V – IV вв. до н. э. Грузии. Самая большая серия находок происходит из Брильского могильника в Раче (Мошинский, 2006. С. 44, 45. Рис. 27, 7).

Миниатюрные золотые подвески в форме головки барана близки подвескам, формирующим ожерелье из погребения 11 Вани от которых они отличаются отсутствием пластинчатых петелек. Богатейшее погребение из Вани, насыщенное предметами античного импорта, датируется временем не позднее 2-й четверти – середины V в. до н. э. (Лордкипанидзе, 1972. С. 62-64. Рис.193). Весьма вероятно, что и наши находки входили в состав ожерелья, изготовленного колхидскими ювелирами, обслуживавшими царский двор. Это тем более вероятно, что в погребении 2 были также найдены миниатюрные золотые бусины.

Вещи такого уровня не могли быть простым предметом торговли. Это открытие указывает на вероятные политические связи племен, обитавших в горной части Северного Кавказа, достаточно далеко от перевалов Центрального Кавказа, с центром Колхидского царства.

Основой для датирования могильника Уллу в целом являются предметы конской упряжи, в т.ч. уздечные бляшки, оформленные в «зверином стиле», которые были найдены в комплексе погребений 2/3.

Из каменного ящика погребения 2 происходит бронзовая уздечка в виде головы грифоноподобного верблюда с характерными признаками – хохолком, нависающей верхней губой и овальным ухом.

Ближайшей аналогией ей являются бронзовые уздечные бляхи из комплекса близ Хошеутова в Нижнем Поволжье (Очир-Горяева, 2012. Илл. 235; 238) и могильника Гастон Уота в Дигории (Мошинский, 2006. Рис.15, 9, 10). В меньшей мере сходны с этой находкой бронзовые бляхи из курганов Среднего Поднепровья – кургана 12 у с. Аксютинцы (Стайкин верх) (Ильинская, 1968. Табл. X, 6) и кургана 505 у с. Броварки (Галанина, 1977. Табл. 30, 13).

Редуцированный образ верблюда с чертами грифона, вероятно, попал в ареал скифской культуры с территории Южного Приуралья через Нижнее Поволжье. Характерно, что в Среднем Поднепровье он почти утрачивает исходные черты.

Из конского погребения 3 происходят набор бронзовых уздечных блях в форме фигуры птицы с крылом, прижатым к туловищу и с поджатой ногой. Ближайшие аналогии данным бляхам также происходят с территории Нижнего Поволжья: из Хошеутова (Очир-Горяева, 2012. Илл. 234), из кургана 51 у с. Старица под Астраханью (Очир-Горяева, 2012. Илл. 202, 1, 2).

Сходство с хошеутовским комплексом еще выше, если учитывать находку ромбовидного бронзового налобника и уздечных обойм (Очир-Горяева, 2012. Илл. 223, 38; 262).

Здесь же были также найдены 4-е крупные уздечные бляхи-распределители архаичной формы с кубическим основанием, с отверстиями и широкой уплощенной округлой шляпкой. Аналогичный распределитель происходит из могильника Фаскау в Дигории (Мошинский, 2006. С.28. Рис.15, 2). Комплект из 4-х подобных распределителей, несколько меньших размеров, чем наша находка, был найден в составе Хошеутовского комплекса (Очир-Горяева, 2012. С. 208. Илл. 227). В кургане 1 у с.Покровка в Южном Приуралье также были найдены 4-е таких распределителя (Смирнов, 1964. Рис. 16, 1в).

Аналогии подобным распределителям в скифских древностях украинской лесостепи очень немногочисленны и, в целом, относятся к эпохе архаики (Могилов, 2008. С.68. Рис. 128, 18 – 20). В кургане 477 у с. Волковцы они, так же как и в нашем случае, были найдены вместе с набором округлых уздечных блях с выпуклым щитком и арочной петлей на обороте (Галанина, 1977. Табл. 22, 5-7).

Округлые бляхи представлены в скифских древностях в широком хронологическом диапазоне (Могилов, 2008. С.40). Одна из трех блях, найденных в комплексе в Уллу, имеет отверстие на щитке. Вероятно, это литейный брак. Вместе с ними были также найдены две округлые бляхи с коническим щитком. Большая из них, – самая крупная из блях диаметром 6 см, имеет пластинчатую петлю. Скорее всего, она являлась налобником.

Бляхи с коническим щитком не имеют аналогий в скифских и савроматских памятниках. Ближайшие параллели данным пред-

метам представлены в северокавказских материалах предскифского периода – комплексе гробницы I могильника Терезе (Козенкова, 2004. Табл. 22, 7, 9).

В состав уздечного набора погребения 3 входил также один из самых распространенных типов скифских уздечных бляшек – мелкие бляшки с полусферическим щитком и арочной петлей (Могилов, 2008. С. 41). В горных памятниках Северного Кавказа они известны в комплексах могильника Гастон Уота (Мошинский, 2006. С. 28. Рис. 15, 11). Комплекты сходных бляшек происходят и из Хошеутовского комплекса (Очир-Горяева, 2012. Илл. 240; 241). Известны они и в комплексах Южного Приуралья (Смирнов, 1964. Рис. 22, 9).

Кроме того, из других комплексов могильника происходят еще два типа уздечных бляшек – с ромбовидным щитком и прямоугольным щитком, с поперечными каннелюрами. Первый тип широко представлен среди находок в скифских памятниках конца VI – начала V вв. до н. э. (Могилов, 2008. С. 43), второй – очень редкий и имеет только 2-е аналогии: из кургана 5 у с. Бересняги в Поросье и кургана 52 могильника Клады в Закубанье (Могилов, 2008. С.43, 44. Рис. 91, 12; Эрлих, Габуев, 2001. Рис. 3, 11).

В числе 4-х железных уздечных комплектов, найденных среди останков лошадиных черепов в погребении 3, имеется набор из стержневидных двудырчатых псалиев с зооморфными окончаниями, которые оформлены в виде птичьих голов с загнутым и с закрученным клювом.

Ближайшие параллели псалиям из Уллу происходят из Ульских курганов: 2/1898 г., 1/1909 г., 10 /1982 г. (Erlikh, 2010. Fig. 4, 7, 8; 6, 2, 4, 6, 8; 7, 7). Удила с близким навершием найдены также в кургане 4 Нартанского могильника (Батчаев, 1985. Табл.16, 6).

Сходные птичьи головы с закрученным клювом оформляют окончания крупной железной подпружной (?) пряжки. Парные пряжки с зооморфными окончаниями, аналогичные нашей находке, найдены в кургане 15 у аула Уляп (Лесков и др., 2005. С. 64, 65).

Рис.222, 5 а, б). Отличие состоит в том, что на пряжке из Уллу не было выступающего шпенька, как на большей пряжке из Уляпа.

Исходные прототипы пряжкам с зооморфным декором следует также искать в культуре кочевников Южного Зауралья, где известны бронзовые подпружные С-видные пряжки с завершениями в виде геральдически расположенных головок хищных птиц (Очир-Горяева, 2012. Илл. 293, 15, 16).

В другом уздечном комплекте S-видные двудырчатые псалии, с ромбическими расширениями вокруг отверстий, были вставлены в удила, на звенья которых были одеты насадки в виде квадратных пластин с загнутыми вниз углами, превращенными в шипы. Крестообразные насадки с шипами имеются на удилах из Шалушкинских курганов близ Нальчика, найденных вместе с массивными стержневидными бронзовыми псалиями с зооморфными окончаниями (Крупнов, 1960. Табл. XIII, 7). Один их конец оформлен в виде грифона, близкого к упомянутому выше образу верблюда (Переводчикова, 2000. Рис. 1), второй – оскалившегося хищника с вытянутой мордой, близкого к образам «савроматского» искусства (Очир-Горяева, 2012. Илл. 269, 2). Судя по сопутствующим образам звериного стиля, использование крестовидных насадок на удила начинается уже в 1-й половине V в. до н. э.

Факт использования в горном могильнике лошадей вместе с уздечными аксессуарами, аналогичными нижеволжским парадным уздечным комплектам, требует объяснения. Не исключено, что это ценный дар.

Следует подчеркнуть, что это не первый случай находок бронзовых принадлежностей узды аналогичных или близких к хошеутовской серии в горных могильниках Северного Кавказа. Так, в Галайтинском 2-м могильнике были найдены парные уздечные бляшки в форме вихревой свастики, составленной из птичих головок (Багаев, 2008. С. 60 – 62. Рис. 126, 10, 11), а из Северной Осетии происходит псалий, оканчивающийся копытом, дополненным головкой хищной птицы (Крупнов, 1960. Табл. XIII, 8).

Стрелковый набор из могильника также гораздо ближе к колчанным наборам наконечников стрел из Волго-Донского междуречья и Нижней Волги, чем из собственно скифских памятников.

Поэтому трудно представить, что мы просто сталкиваемся с «ситуацией проникновения отдельных предметов в разные стороны» в результате незначительных, неупорядоченных связей «отдельных всадников за пределами своих территорий» (Переводчикова, 2000. С. 236). Гораздо более вероятно, что данные находки отражают некое новое культурно-историческое явление, связанное с возникновением в начале V в. до н. э. какого-то союза кочевых племен.

В конском погребении 3 могильника Уллу была также найдена железная овальная пряжка с вертикальным шпеньком. Сходная пряжка происходит из кургана 8 Нартанского могильника (Батчаев, 1985. Табл. 25, 6). И в Уляпе, и в Уллу, и в Нартане подпружные пряжки были найдены в сочетании с железными кольцами.

Ближайшие к Уллу комплексы – Нартанские курганы 4 и 8 по уцелевшему инвентарю могут достаточно надежно датироваться в пределах конца VI – начала V вв. до н. э.

Если учесть параллели с материалами из Вани и состав набора бронзовых и железных наконечников стрел из погребения 2/3, то его следует отнести к первой половине V в. до н. э., не позднее середины этого столетия, не исключая, однако, того, что сам склеп мог быть возведен несколько ранее.

Склепом, наиболее насыщенным погребениями, оказалось погребение 7, совершённое в каменном ящике, ориентированном по линии ССВ-ЮЮЗ. В качестве стенок ящика здесь также были использованы естественные скальные выступы. Размеры каменного ящика по верху 180 x 180 см, по дну 110 x 110 см. Здесь было обнаружено не менее пяти черепов, которые были, в основном, сгруппированы в СВ углу. Кроме того, в разных частях склепа были обнаружены тазовые кости и кости конечностей, в некоторых случаях находившиеся в сочленении. Последнее по-

зволяет допустить, что в данную могилу умерших помещали последовательно, с незначительным временным интервалом между захоронениями, вследствие чего мягкие ткани не успевали разрушиться. Следует отметить полное отсутствие в погребении костей грудной клетки – ребер, позвонков, а также костей плечей и кистей.

К югу от погребения в естественном углублении в скале было расчищено разрушенное ограблением конское захоронение.

К северо-западу от погребения 7 было открыто погребение 9, представлявшее собой прямоугольный каменный ящик, составленный из поставленных на ребро крупных плит, вытянутый по линии С-Ю и окруженный кромлехом. Для захоронения был использован естественный выступ скалы, имевший подпрямоугольную форму.

На расстоянии 50 см каменный ящик был окружен кромлехом (форма его была близка к прямоугольной), сложенным из каменных плит, установленных вертикально на естественную скальную основу. Три плиты кромлеха – северная, западная и восточная – были выше других. Очевидно, они маркировали стороны света.

Пространство между каменным ящиком и кромлехом было забутовано камнями мелкого, среднего и крупного размера.

Останки одного человека не сохранили анатомического порядка: положение черепа и костей руки позволяет допустить, что покойный был уложен головой на юг, с согнутыми к лицу руками. Кости ног беспорядочно размещались в южной, центральной и северной части погребальной камеры, кроме того, рядом с ними в северной части найдены два зуба.

Из погребения 10 могильника Уллу происходит бронзовое зеркало с литой приклепанной ручкой, оформленной в «зверином» стиле.

Изображение одностороннее, моделировка плоскостная, ажурная, строго профильная, с отображением деталей с помощью углубленных линий и прорезей. Изображение представляет собой сложную многофигурную композицию, в рамках которой выявля-

ются два основных персонажа и еще три, являющихся следствием зооморфного превращения.

Данная композиция уникальна и не имеет аналогий. Вместе с тем изображение синкретического существа композиционно сходно с фигурами пантер на навершиях рукоятей зеркал «ольвийского» типа, а головы хищника и дополнительные головки птиц сходны с рядом изображений в скифском зверином стиле. В целом зооморфная композиция на рукояти зеркала соединяет черты скифского звериного стиля и местного кобанского искусства и представляется результатом взаимопроникновения этих художественных систем.

Необычен керамический комплекс могильника, состав посуды в котором отличается от большинства синхронных памятников Кавминводской группы. Возможное исключение – поздние комплексы могильника Клинь-Яр 2. Только одну кружку можно сопоставить с керамикой из Нартанского могильника. Наиболее близкие параллели этой керамики обнаруживает серия сосудов из могильников скифского времени Карачаево-Черкесии – Уллубаганалы и Учкеекена (Козенкова, 1998. Табл. XXXVII, 17, 26).

Ряд бронзовых украшений – гривны, браслеты, булавки, фибула относятся к достаточно широко распространенным кобанским типам. Среди них выделяется браслет с гравировкой в виде оленя с ветвистым рогом. Данное изображение, несомненно, восходит к гравированным предметам из горных могильников Центрального Кавказа. Другие изделия имеют близкие параллели в комплексах Карасского могильника и памятниках Дигории VI в. до н. э. (Козенкова, 1998. Табл. XVII, 14; Мошинский, 2006. С. 35. Рис. 21, 1).

В могильнике найдено большое количество бус – янтарных, гагатовых, металлических, сердоликовых и стеклянных, подвески из раковин (преобладают каури).

Янтарные бусы, сделанные обычно из заполированных мелких кусочков янтаря неправильной формы, в изломе имеют темно-красный цвет. Принято считать, что к V в. до н. э. количество янтар-

ных бус на Северном Кавказе резко сокращается по сравнению с раннескифским периодом (Васильева, 2010. С. 29). Поэтому, возможно, янтарные бусы связаны со временем появления могильника в пределах VI в. до н. э. Об этом косвенно свидетельствуют гагатые ромбические бусины-пронизы из погребений 2 и 5. Пронизки такой формы, выполненные из янтаря, сердолика или гагата, хорошо известны на территории Центрального Предкавказья, как из курганных могильников, так и из грунтовых погребений VII–VI вв. до н. э. (Батчаев, 1985. Табл. 21, 15; 39, 23; Васильева, 2010. С. 109. Кат.54).

Нижнюю же дату существования могильника могут маркировать хорошо известные синие стеклянные бусы с синими глазками на белом фоне, которые, по материалам могильника Гастон Уота, появляются не ранее V в. до н. э. (Мошинский, 2006. С. 54; 120).

Таким образом, могильник Уллу можно суммарно датировать в пределах конца VI – середины V в. до н. э. Памятник обнаруживает широкий круг разнонаправленных связей, охватывающих Закавказье, Центральный Кавказ, Нижнее Поволжье и Закубанье. Для осмысления этих материалов потребуется время.

Необычно сочетание в горном могильнике изделий «звериного стиля», выполненных в нижневолжских традициях, и закавказских импортов круга Вани. В этой связи, уместно напомнить, о находках золотых украшений колхидского круга в курганных могильниках в Чечне (Бурков, Маслов, 2005. С. 376, 378) и находку в воинском погребении в могильнике Сазонкин Бугор в Нижнем Поволжье золотой серьги-подвески, имеющей прямую аналогию в некрополе Вани (Берхин-Засецкая, Маловицкая, 1965. С.151-153. Рис. 8, 1). Этот комплекс датируется, очевидно, второй половиной – концом V в. до н.э. и показывает, что контакты между закавказским царством и степным миром имели довольно продолжительный характер.

Литература

- Багаев М.Х.** Культура горной Чечни и Дагестана в древности и Средневековье. VI в. до н. э. – XII в. н.э. М.: Наука, 2008.
- Батчаев В.М.** Древности предскифского и скифского периодов // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.2. Нальчик, 1985. С.7 – 115.
- Бурков С.Б., Маслов В.Е.** Исследования могильника «Орджоникидзевский» в Чечне // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего Средневековья. Памяти В.С.Ольховского. М., 2005. С.356-381.
- Берхин-Засецкая И.П., Маловицкая Л.Я.** Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА, № 3. 1965. С.143 – 153.
- Васильева Е.Е.** Янтарь в скифское время на Кавказе // Янтарь в древних культурах: художественные произведения из собрания Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2010. С.25 – 29.
- Габуев Т.А., Эрлих В.Р.** Два погребения V в. до н. э. из Предкавказья (из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: Историко-археологические очерки и заметки. МИАР. № 3. М., 2001. С.112 – 125.
- Галанина Л.К.** Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е.Бранденбурга) // САИ. Вып.Д1-33. М., 1977.
- Ильинская В.А.** Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968.
- Лоркипанидзе О.Д.** Ванское городище (Раскопки. История. Проблемы.) // Вани I. Археологические раскопки 1947 – 1969 гг. Тбилиси, 1972.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтowa И.В., Эрлих В.Р.** Меоты Закубанья в середине VI – начале III вв. до н. э.: Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М, 2005.
- Козенкова В.И.** Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ. Вып. В2-5. М., 1998.

Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII – VIII вв. до н. э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. М., 2004.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Кив, 2008.

Мошинский А.П. Древности Горной Дигории. VII-IV вв. до н. э. // Труды ГИМ. Вып. 154. М., 2006.

Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. М., 2012.

Переводчикова Е.В. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Erlikh V. R. Recent Investigation of the Ulski kurgans // J. Nieling, E. Rehm (eds.), Achaemenid impact in the Black Sea Communication of Powers. Black Sea Studies 11. DK, Aarhus: Aarhus University Press, 2010. P.47–65

Сангулия Г.А., Гунба Б.М., Джикирба Г.Ш.,

Сухум,

Гудаута

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ГУДАУТСКОМ РАЙОНЕ

В Гудаутском районе постепенно восстанавливаются охранно-спасательные работы по выявлению, учету, первичном исследовании и паспортизации неизвестных памятников историко-культурного наследия Абхазии. Используя наличные ресурсы, экспедиционный отряд Управления наследия и музея ведет активные поиски по селам и местностям района, одновременно фиксируя состояние памятников и формы их использования.

Такой заметной находкой стал комплекс бронзовых предметов, обнаруженных в с. Отхаре гр. Р.К.Багателия (Рис.1), при закладке ямы под столбы для ограды. Нами был организован выезд на место, исследование и научная фиксация неизвестного памятника, где нас ожидала и дополнительная находка железного топора, недалеко с исследуемым объектом. Как установлено, прямо у старой ограды, в каменном ложе, на глубине 40 см, в диаметре 1 м, располагался погребальный инвентарь. Рядом лежали незначительные фрагменты костей (рук, ног, спины), отсутствовали фр. черепа. Характер расположения всех артефактов говорит о применении вторичного обряда погребения, с неполным составом костей и нарушением их анатомического порядка. Отдельные кости покойника здесь сопровождали сконцентрированные в одном месте гривна, два браслета, четыре спиралевидные привески для волос и шесть очковидных пряжек. Такая археологическая ситуация весьма убе-

дательным образом допускает применение обряда «воздушного» погребения, путем подвешивания завернутого в шкуре или уложенного в деревянном гробу умершего важного лица, за которым следовал впоследствии обряд похорон «обычным» способом (С.Т. Званба). Обращает на себя отсутствие предметов вооружения. Как известно, они вешались на том дереве, иногда по обычаю, с почетом они передавались близким друзьям, сверстникам, побратимам в знак особого уважения.

Гривна имеет круглое сечение, концы раскованы и завернуты в трубочку, гладкая, обычного типа. Браслеты пластинчатые, ребристые, острый внешний выступ, сведен на нет, концы разомкнуты, и в целом идентичны друг другу. Один из них разломан преднамеренно. Спиралевидные привески заужены с одного конца, экземпляры сходны и сохранились как все предметы удовлетворительно. Очковидные пряжки (иногда квалифицируемые как привески) сложновитые, широкие, крючковые завершения трех экземпляров обломаны, что иногда характерно погребальным предметам, подвергающимся преднамеренной порче. Морфологический анализ предметов показывает их однородность и стилистическую близость. Все они относятся к гудаутской группе колхидской культуры Абхазии и датируются этапом ее развития (10-8 вв. до н.э.). Виду отсутствия вообще графического орнамента, массивности и некоторой архаичности вещей, их громоздкого характера, возможно, дата их бытования в таком качестве ограничивается 1 фазой этого этапа, X-IX вв. до н.э. (по разработкам Г.А. Сангулия), после которого наступает пышный расцвет этой культуры, с графической и пластической орнаментацией. В целом перед нами, еще один интересный погребальный комплекс, в ряду таких же памятников нашего региона.

Интересен и поздний железный топор VII-VI вв. до н.э. с молотковидным обухом, имеющий ближайшие местные бронзовые прототипы. Он снабжен двумя выступами на втулке, возможно для крепкой фиксации ручки, и сохранился всецело.

Экспедиция историко-культурного наследия обследовала и близлежащую территорию. На одном из холмов была обнаружена древняя пастушеская тропа Акамлахара-мюа, ведущая в ближайшие горы. Здесь и располагаются каменные пастушеские ограды ацангуара. У начала тропы, на самом узком месте над опасным обрывом, нами обнаружен жертвенник. Он сложен из естественных плит и блоков известняка. Такие же выходы плит, весьма пригодные для мегалитических сооружений, нами зафиксированы у смежной террасы. Жертвенник представляет собой нишу, куда символически закладывали различные обрядовые предметы, в данном случае черепки битой керамической посуды, найденные под камнем в непо потревоженном состоянии.

Сходные же обряды применялись и в другом жертвеннике, расположенном на холмике в с. Ачандаре, позади усадьбы Дауровых. Как установлено, здесь проходит пастушья тропа, где участники группы «агуп», перед отправлением в горы совершали свои профессиональные обряды, а остатки обрядовых предметов прятали в ямки, прикрывая камнями. Так поступали и в наше время. В присутствии талантливого местного краеведа Сасрыкуа Саманба, были обнаружены жертвенные стрелы, ромбические и четырехгранные, а также медный нательный крест, с широкими рукавами. Материалы данных памятников датируются эпохой Абхазского царства (VIII-X вв. н.э.) и развитым Средневековьем. Таковы и керамические находки, обнаруженные здесь, среди которых преобладают фрагменты пифосов, часть которых орнаментирована и имеют гребенчатую отделку стенок.

Результаты работ ведут к пополнению фондов и экспозиционных залов прежнего Музея-заповедника, ныне нашего Государственного музея отечественной войны народа Абхазии им. С.П. Дбар. Все полученные факты подвергнуты камеральному исследованию (Л.П. Головина) Госуправления наследия, рассмотрены вопросы классификации, датировки, поиска внутренних и внешних аналогий, что указывает на местное производство и бытование в данной среде.

Представляют большой интерес и результаты охранно-спасательных исследований, срочно проведенные силами Управления (Г.А. Сангулия), на территории выявленной и разрушаемой производственно-промысловой стоянки эпохи бронзы и раннего железа, расположенной напротив Археологической Базы Госуправления в г. Гудауте. Доклад о комплексном исследовании «стоянки», определенной как «варница», состоящей из 5 линзовидных скоплений на периферии аборигенного поселения, был представлен в работе Интернационального Конгресса Евразийской Археологии.

В целом сегодня восстановлено направление деятельности региональных охранно-спасательных работ историко-культурного наследия, к которой наши соотечественники проявляют большой интерес, и оказывают всяческую поддержку. Нужно сказать о консолидации всех здоровых сил, работе абхазских археологов в регионе, и о поддержке районной Администрации в деле выявления и защиты памятников наследия.

Иванов А.В.,

Краснодар

МЕЧИ С АНТЕННЫМ НАВЕРШИЕМ (по материалам памятников меотов Кубани)

Мечи с антенным навершием, ввиду своей относительно редкой встречаемости на меотских памятниках, не часто фигурируют в работах исследователей кубанских древностей. Как правило, к ним обращаются в контексте либо синдо-меотского меча (Эрлих, 1991), либо общей типологии клинкового оружия Кубани (Марченко, 1996). Между тем, этот элемент меотского вооружения, требует отдельного изучения, и, безусловно, заслуживает более пристального к себе внимания. Эта работа призвана не только рассмотреть одну из категорий оружия, но и заполнить пробел в изучении меотского вооружения.

Для анализа были использованы материалы памятников как Правобережной, так и Левобережной Кубани, которые относятся к меотской археологической культуре: Елизаветинский могильник (Анфимов, 1955); Курганинский курган (Каминский, Каминская, Берлизов, 1986); могильник №3 х. Ленина (Лимберис, Марченко, 2005); курган №1 Новолабинского IV городища (Раев, Беспалый, 2006); могильник городища «Спорное» (раскопки В.В. Бочкового, 2003); Тенгинский могильник (Беглова, Эрлих, 1995, 1997, Беглова, 2002); могильник Старокорсунского городища №2 (Лимберис, Марченко, 2005); Серегинский могильник (Лесков, Габуев, Эрлих, 1986; Лесков, Днепровский, 1987).

Для меотских мечей с антенным навершием разработана отдельная классификация, в основу которой были положены обще-

признанные, и успешно зарекомендовавшие себя принципы, т.е. тип определяется присутствием/отсутствием перекрестия, по оформлению навершия внутри типа выделяются варианты.

Таким образом, в классификации были сформированы два типа, в первом типе были выделены три варианта, во втором – два (рис. 1).

Впервые деление на варианты по оформлению навершия, т.е. на «серп» и «рогатку» у мечей с перекрестием было применено И.И. Марченко (Марченко, 1996. С. 51). Это, безусловно, существенно облегчило классификацию. Принципы подобного деления в нашем случае мы распространили и на мечи без металлического перекрестия. Не оставили мы без внимания и классификацию В.Р. Эрлиха. В ней был намечен ряд типологических нюансов, которые мы учли в данной работе.

Тип 1. Мечи с антенным навершием и без перекрестия
(первая половина III в. до н.э. – конец II – начало I вв. до н.э.)

Вариант 1. Мечи с серповидным навершием

7 экземпляров. Сюда вошли мечи из следующих погребений: г. Курганинск, курган 1, погребение №108; могильник городища №3 хут. Ленина, погребение № 4; Новолабинское IV городище, курган 1 погребение №37; могильник городища «Спорное» погребения №67 и №97; Тенгинский могильник погребение №158, Елизаветинский могильник 1934 г. погребение №2.

памятник, № погребения	длина	длина клинка	ширина клинка	длина рукояти	ширина рукояти
Курганинск к.1 п.108	55 см				
х. Ленина №3 п.4	56 см	46 см	5 см	8 см	2,2 см
Новолабинское IV	85 см	48 см	3,9 см	8 см	1,8 см
к.1 п.37	63,2 см	74 см	9 см	9 см	4 см
«Спорное» п.67	64,4 см	52,6 см	4,8 см	10,6 см	3,2 см
«Спорное» п.97	73,3 см	56,2 см	6,2 см	8,2 см	3,4 см
Тенгинский п.158	73,3 см	66,3 см	7 см	7 см	2,6 см
Елизаветинский п. 2	63 см				

Все мечи линзовидные в сечении, имеют треугольную форму клинка, кроме меча из погребения №67 могильник городища «Спорное», лезвия которого параллельны. Последний, как и меч из комплекса №158 Тенгинского могильника, имеет тлен от деревянных ножен. Рукояти мечей имеют прямоугольную форму сечения. Все навершия в сечении круглые. Выделяются две техники их изготовления. Первая – навершие крепится к рукояти кузнечной сваркой. Вторая – конец рукояти расковывался и загибался в горизонтальную втулку, в которую вставлялся «серп» (г. Курганинск, курган 1 погребение №108; Тенгинский могильник погребение №158). У меча из комплекса №108 кургана 1 г. Курганинска концы навершия орнаментированы «шишечками». Верхняя часть клинка меча из погребения №159 Тенгинского могильника украшена орнаментом в виде треугольника, острый угол которого опущен в сторону острия.

Самый ранний меч данного варианта происходит из погребения №37 кургана 1 Новолабинского IV городища. Вместе с мечом в комплексе были встречены зеркало (Тип 1, вариант 1 по И.И. Марченко) и литой перстень с овальным плоским щитком с резным орнаментом (Отдел III, тип 1, вариант 2 по В.Ю. Кононову). Зеркала этого типа И.И. Марченко датировал IV – третьей четвертью III в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 15). Хронология перстней подобного облика ограничивается третьей четвертью V – IV вв. до н.э. (Кононов, 2006. С. 128). Поскольку мечи с серповидным навершием на меотских памятниках четко датированных IV в. до н.э. отсутствуют, следовательно, дату комплекса можно определить в пределах первой половины III в. до н.э.

Погребение №2 Елизаветинского могильника датируется пантикапейской монетой второй половины III в. до н.э. (Смирнов, 1980. С. 43).

Из-за отсутствия надежных хроноиндикаторов, широко, в пределах III – II вв. до н.э. датируются мечи из комплексов №67 и №97 могильника городища «Спорное».

В погребении №159 Тенгинского могильника была найдена ручка гераклейской амфоры, что дало основание Е.А. Бегловой датировать комплекс началом II в. до н.э. (Беглова, 2002. С. 160). Правда, по мнению С.Ю. Монахова, данных для данного периода, применительно к гераклейской таре, явно недостаточно (Монахов, 2003. С. 144). Однако датировка Е.А. Бегловой выглядит убедительно, если учесть наличие в погребении железных двусоставных удил с крестовидными строгими псалиями (тип II, 16 по И.И. Марченко), типичными для второй четверти III в. до н.э. – начала II в. до н.э.

Первой четвертью II в. до н.э. датируется меч из погребения №4 могильника городища №3 хут. Ленина, дату которого определяет амфора Родоса варианта вилланова поздней серии (Лимберис, Марченко, 2005. С. 226). Меч из комплекса №108 кургана 1 г. Курганинска датируется по набору сероглиняной керамики второй половины II в. до н.э., которая находит ряд аналогий на памятниках правобережья Кубани (Лимберис, Марченко, 2005, хронологическая таблица керамических комплексов).

Таким образом, хронологические рамки мечей этого варианта – первая половина III в. до н.э. – II в. до н.э.

При датировке подобных мечей исследователи зачастую ограничивались общими хронологическими рамками. Попытка определить нижнюю дату мечей этого варианта была предпринята И.И. Марченко. Его выводы строились не на прямой датировке комплексов, а на корреляции мечей с наконечниками стрел (Марченко, 1996. С. 51). Как это позволило исследователю на весьма стандартном материале до четверти века (вторая четверть III в. до н.э.) скорректировать начало бытования мечей с серповидным навершием, так и осталось загадкой. Однако практика показала, что выводы в целом, хоть и были в большей степени интуитивны, все же оказались верными, что и подтверждает меч первой половины III в. до н.э. из погребения № 37 кургана 1 Новолабинского IV городища.

К.Ф. Смирнов, как известно, считал, что мечи с серповидным навершием являются дериватами синдо-меотского меча, но на их

морфологический облик повлияли прохоровские мечи (Смирнов, 1980). С ним согласились В.Р. Эрлих (Эрлих, 1991. С. 84) и И.И. Марченко (Марченко, 1996. С. 51). Между тем, процесс формирования серповидного навершия проходил несколько сложнее. Его начало следует связывать с появлением в меотской среде мечей с цилиндрическим навершием (Иванов, 2010). Они, на наш взгляд, тесно увязаны с генезисом меотского меча с серповидным навершием, и являются переходной формой от брусковидного навершия на меотских мечах к серповидному.

Вариант 2. Мечи с навершием в виде рогатки.

3 экземпляра. В подтип вошли мечи из следующих погребений: №188в и №205з могильника Старокорсунского городища №2 и №68 Тенгинского могильника.

Памятник, № погребения	длина	длина клинка	ширина клинка	длина рукояти	ширина рукояти
Старокорсунское II п.188в	52 см	44,6 см	4,6 см	7 см	1,6 см
Старокорсунское II п.205з	73 см	64 см	6 см	7 см	2 см
Тенгинский п.68	-	-	7 см	9 см	3 см

Мечи данного варианта имеют треугольный, линзовидный в сечении клинок. Рукоять узкая, в сечении имеет прямоугольную форму, и лишь у меча из погребения №205з могильника Старокорсунского городища №2 оно круглое. Круглое сечение имеют и навершия. На мече комплекса №205з могильника Старокорсунского городища №2 сохранились фрагменты тлена деревянных ножен. Меч из погребения №68 Тенгинского могильника был согнут в древности.

Дату погребения №68 Тенгинского могильника – II в. до н.э., определяет набор столовой посуды, находящей широкие анало-

гии на памятниках правобережной Кубани (Лимберис, Марченко, 2005, хронологическая таблица керамических комплексов).

Даты погребений №188в и №205з могильника Старокорсунского городища №2 распределились следующим образом: №188в – на основании амфоры неустановленного средиземноморского центра и трехручного канфара на полом коническом поддоне с упорами на ручках – вторая четверть II в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 229). Комплекс №205з был датирован по амфоре неустановленного средиземноморского центра и канфару на низком кольцевом поддоне – четвертой четвертью II в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 229).

Следовательно, мечи варианта 2 бытуют во II в. до н.э.

Мечи без перекрестия с навершием в виде рогатки не получили особого распространения в меотской среде. Немного их и на соседних территориях. Навершия этих мечей, безусловно, являются модификацией простого серповидного навершия, и сложилось оно не без участия мечей прохоровского облика.

Вариант 3. Мечи с волютообразным навершием.

2 экземпляра из комплексов №31 Серегинского могильника и №59 кургана 1 г. Курганинска.

Памятник, № погребения	длина	длина клинка	ширина клинка	длина рукояти	ширина рукояти
Серегинский п.31 Курганинск к.1, п.59	62 см 54,6 см	54 см 45,6 см	6 см 6 см	7 см 8 см	2,4 см 2,2 см

Клинки мечей треугольные, в сечении линзовидные. Меч из Серегинского могильника имеет антенное навершие в виде простых волют. Навершие меча из комплекса №59 кургана 1 г. Курганинска выполнено из бронзы, и представляет собой антенну, усики кото-

рой согнуты пополам, опущены во внутрь, и к середине края закручены в волюты. Как сказано в отчете на рукояти меча сохранился тлен от обкладок. Интересно, что исследователям удалось проследить и отметить факт присутствия у меча из г. Курганинска деревянного перекрестия, края которого не выступали за пределы клинка (Каминский, Каминская, Берлизов, 1986).

Дату погребения №31 Серегинского могильника – II в. до н.э., определяют бронзовое зеркало с боковой ручкой (тип IV вариант 1 по И.И. Марченко) и трехручный канфар на низком кольцевом поддоне, который находит ряд аналогий в комплексах правобережья Кубани (Лимберис, Марченко, 2005, хронологическая таблица керамических комплексов).

В захоронении №59 кургана 1 г. Курганинска вместе с мечом встречены зеркало I в. до н.э. (тип IV вариант 2 по И.И. Марченко) и кружка, также характерная для I в. до н.э. Остальные предметы укладываются в рамки конца II в. до н.э. Поэтому дата комплекса может быть ограничена концом II – началом I вв. до н.э.

Таким образом, вариант 3 был распространен во II до н.э. и просуществовал до конца II – начала I вв. до н.э.

В.Р. Эрлих датировал Серегинский комплекс IV в. до н.э., а Курганинский в пределах IV – II вв. до н.э. (Эрлих, 1991. С. 83). Им, вероятно по ошибке, к данному варианту был отнесен и меч из комплекса №3 могильника Старокорсунского городища №3, который представляет собой обыкновенный акинак с очевидным, хотя и слабовыраженным перекрестием. Этот меч из совсем иного временного среза, и не может быть объединен в группу рассматриваемых мечей.

Мечи с волютообразным навершием – явный архаизм. И здесь мы полностью поддерживаем В.Р. Эрлиха, который считал наиболее вероятными их прототипами – мечи скифского облика с аналогичными навершиями (Эрлих, 1991. С. 83). Подобная архаизация меча, как нам видится, связана с религиозно-обрядовой системой, в которой клинковое оружие, и в частности меч, занимал не последнее место.

Тип 2. Мечи с антенновидным навершием и с перекрестием.

(III в до н.э. – I в. до н.э. (возможно его первая половина))

Вариант 1. Мечи с серповидным навершием.

2 экземпляра. Мечи происходят из погребения №54 Серегинского могильника и черепичной гробницы №18 Елизаветинского могильника.

Памятник, № погребения	длина	длина клинка	ширина клинка	длина рукояти	ширина рукояти
Серегинский п. 54 Елизаветинский гр. №18	36-40 см 116 см	24-28см	3 см 5 см	-	2 см

Меч из погребения №54 Серегинского могильника имеет клинок с параллельными лезвиями, в сечении линзовидный. Перекрестие меча сохранилось плохо, но, скорее всего оно прямое, рукоять слегка сужается к навершию, по всей сохранившейся длине рукояти вертикально в один ряд пущен кольцевой орнамент. Навершие серповидное, круглое в сечении.

Погребение №54 Серегинского могильника кроме меча содержало в себе наконечник копья и дротика. Подобные наконечники дротиков были широко распространены на меотских памятниках Кубани во II в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2006). В этой связи, нет основания датировать это погребение другим временем. Меч из черепичной гробницы №18 Елизаветинского могильника датируется III в. до н.э. (Анфимов, 1955. С. 48).

Хронологические рамки мечей данного варианта – III – II вв. до н.э.

Вариант 2. Мечи с навершием в виде рогатки.

3 экземпляра. В вариант вошли мечи из погребений № 32 кургана 1 г. Курганинска, № 19 Тенгинского могильника, и разрушенного погребения могильника Старокорсунского городища № 2.

Памятник, № погребения	длина	длина клинка	ширина клинка	длина рукояти	ширина рукояти
Курганинск к.1, п.32	39 см	31 см	5 см	8 см	1,7 см
Тенгинский п. 19	59 см	50 см	4 см	8 см	1,3 см

Меч из погребения №32 кургана 1 г. Курганинска имеет клинок треугольной формы, в верхней трети клинка хорошо выражено ребро жесткости. Рукоять небольшая, плавно расширяется к прямому перекрестию. Навершие в сечении круглое, рогатка имеет очень тупой угол. Меч из захоронения №19 Тенгинского могильника имеет параллельные лезвия, и отчетливо выраженное ребро жесткости, которое проходит по всей длине клинка. Еще одной характерной особенностью этого экземпляра служит плавное расширение в центре перекрестия.

Меч из разрушенного погребения могильника Старокорсунского городища №2 датируется Родосской амфорой первой половины II в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 53 – 54). Дату погребения №32 кургана 1 г. Курганинска, определяет зеркало с боковой треугольной ручкой и 12 фестонами (тип IV вариант 2 по И.И. Марченко) I в. до н.э. Однако присутствие в комплексе трехлопастных втульчатых наконечников стрел, может сузить предложенную дату до первой половины I в. до н.э. Погребение №19 Тенгинского могильника по наконечнику копья (отдел II тип 4 подтип IV вариант 1 по Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко) (Лимберис, Марченко, 2006) и канфару, с сильно профилированными ручками, может быть датировано широко – в пределах II – I вв. до н.э.

Следовательно, мечи варианта 2 не выходят за рамки II – I вв. до н.э. (возможно его первая половина).

Мечи типа 2 – прохоровская форма, широко представленная практически во всех областях сарматского мира (Смирнов, 1961, Марченко, 1996. С. 52). Однако на Кубани она не получила широкого распространения. Видимо, традиция изготовления мечей без

перекрестия превалировала над новыми тенденциями в оформлении перекрестия. Уместно предположить, что большинство мечей типа 2 вообще являются либо импортом, либо трофеями.

Таким образом, мечи с антенным навершием в меотской среде бытуют с первой половины III в. до н.э. до I в. до н.э. включительно (возможно до первой половины I в. до н.э.). В I в. до н.э. произойдет очередная смена моды на оформление мечей. «Антенна» изживает себя, уступая место новому. Грядет эпоха мечей с кольцевым навершием.

Литература

- Анфимов Н.В.**, 1955. Археологические разведки по среднему Прикубанью // КСИИМК. Вып. 60.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р.** 1995. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции в 1995 г. Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1, №19280, 19281.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р.**, 1997. Отчет о работах Кавказской археологической экспедиции ГИВ в 1997 г. Архив ИА РАН. Ф.1, Р.1, №19843, 19844.
- Беглова Е.А.**, 2002. Предметы конского убора из Тенгинского могильника // Материальная культура Востока. Вып. 3.
- Иванов. А.В.**, 2010. Синдо-меотские мечи с цилиндрическим навершием // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа (XXVI Крупновские чтения). Магас.
- Каминский В.Н., Каминская И.В., Берлизов Н.Е.**, 1986. Отчет о раскопках кургана-кладбища в г. Курганинске Курганинского района Краснодарского края в 1986 году. Архив ИА РАН, Р-1.
- Кононов В.Ю.**, 2006. Типология и хронология перстней и колец из меотских и сарматских памятников Кубани // МИАК. Краснодар. Вып. 6.
- Лесков А.М., Габуев Т.А., Эрлих В.Р.**, 1986. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Государственного музея

искусств народов Востока в Адыгейской автономной области в 1986 году. Архив ИА РАН, Р-1, №11292.

Лесков А.М., Днепровский К.А., 1987. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусств народов Востока в 1987 г. Архив ИА РАН, Р-1, №12383.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. Краснодар. Вып. 5.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2006. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани // МИАК. Краснодар. Вып. 6.

Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар.

Монахов С.Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М., Саратов.

Раев Б.А., Беспалый Г.Е., 2006. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.

Смирнов К.Ф., 1980. О мечах синдо-меотского типа // КСИА. № 163.

Эрлих В.Р., 1991. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

ТИП I			ТИП II	
вариант 1	вариант 2	вариант 3	вариант 1	вариант 2
				
первая половина III в. до н.э. - II в. до н.э.	II в. до н.э.	II в. до н.э. - конец II - начало III в. до н.э.	III в. до н.э. - II в. до н.э.	II в. до н.э. - I в. до н.э. (возможно первая половина I в. до н.э.)

Рис. 1. Типологическая таблица мечей с антенным навершием из меотских памятников Кубани

**ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ:
К ПРОБЛЕМЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
С ПЕРИФЕРИЙНЫМИ РАЙОНАМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(ВОЛГО-КАМЬЕ) ПО ДАННЫМ НАРРАТИВНЫХ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
(IV в. до н.э., I – III вв. н.э.).**

Самой распространенной и многочисленной категорией привозных изделий на всей территории Восточной Европы являлись, очевидно, бусы различных форм и типов, изготовленные из самых разных материалов. Рамки данной работы не позволяют более тщательно рассмотреть данный вопрос, это требует отдельного исследования, но мы укажем основные типы, материал, из которого они изготавливались, а также ареал распространения, пути и хронологию проникновения на примере наиболее характерных и типичных находок импортных украшений данной категории.

Количественно всегда преобладали стеклянные, прозрачные или из непрозрачной стекловидной пасты бусы. Гораздо в меньших количествах, но также часто и повсюду встречаются бусы и пронизки из агата или гешира, несколько реже – сердоликовые, самая многочисленная группа украшений изготавливалась из топаза, халцедона, хрусталя, янтаря и агата.

Бусы и подвески у многих народов древности, в том числе и у племен Приуралья, Поволжья и Прикамья, связаны с различными поверьями и приметами. Особые магические свойства приписы-

вались не только изображению и форме, но и материалу – камню, из которого изготавливались бусы и подвески.

Чрезвычайно трудно определить, откуда поступали бусы, и где они производились, так как они были необычайно широко распространены по всему античному миру, и центры их изготовления находились в Средиземноморье, Причерноморье, на Ближнем Востоке, в античных городах Передней и Центральной Азии и Закавказья. Одним из главных поставщиков был Египет, поэтому о месте производства конкретных типов и групп бус следует говорить только с известными оговорками.

Самыми ранними типами украшений, изготовленными из камней, являются, как это свидетельствуют археологические материалы, украшения, изготовленные из янтаря и различных, популярных в античное время, полудрагоценных камней: сердолика, хрусталя, агата, халцедона и других минералов.

В Нижнем Поволжье известно большое количество наборов, включавших в себя янтарные подвески, 14-гранные бусы из сердолика, агата и янтаря. На территории Саратовского Заволжья (село Усатово, Саратовская обл.) в кургане F 16 при раскопках П.Д. Рау в 1928 г. (Синицын, 1947. С. 51-54. Рис. 26) были обнаружены бусы из янтаря, перламутра и золота; само погребение в целом датируется первой половиной III в. н.э. (Яценко, 1986. С. 17).

В Южном Приуралье из погребений Темясовских курганов происходят крупные 14-гранные плоские сердоликовые (4 экз.) бусины (Пшеничнюк, Рязанов, 1976. С. 143). В женском погребении (курган 2) Лебедевского могильника были массивные янтарные бусины в количестве (49 экз.) и 14-гранные сердоликовые бусины (19 экз.), ближайшие аналогии которым обнаруживаются среди сарматских погребений Нижнего Поволжья (Багриков, Сенигова, 1968. С. 74). Наборы сердоликовых и янтарных бус, найденных в позднесарматских погребениях Илекской курганный группы, свидетельствуют о тесных культурных связях кочевников Южного Приуралья со скотоводами, обитав-

шими на территории Средней Азии и Казахстана (Яблонский, 1999. С. 326) .

Украшения из сердолика и янтаря пользовались необычайной популярностью не только у кочевых народов Поволжья и Приуралья, но и у народов Прикамья в эпоху раннего Средневековья. Сердоликовые и янтарные бусы были обнаружены на раскопанной части Верх-Саинского городища, датируемого VI в. н.э. (Голдина, Водалаго, Волков, 1994. С. 41). Бусы из хрусталя и сердолика (200 экз.) входили в комплекс предметов гляденовской культуры эпохи раннего Средневековья на Усть-Сылвенском городище на берегу р.Сылвы (Пермский р-н., Пермская обл.) (Голдобин, Лепихин, Мельничук, 1991. С. 39, 40) .

В древности среди многочисленных камней особая роль отводилась сердолику, занимавшему важное место в магических действиях. Считалось, что он может не только уберечь владельца от болезни, но и от бедности (Марковин, 1965. С. 269-272).

Таким образом, сердоликовые бусы, обнаруженные в погребениях Приуралья, Поволжья и Прикамья, входят в обширный круг ювелирных изделий, известных на Ближнем Востоке, Закавказье и Северном Причерноморье. Вполне вероятно, что поволжские украшения попали в сарматские погребения вместе с украшениями из гешира с территории Закавказья и Северного Причерноморья, в то время как большая часть украшений из сердолика, обнаруженных в погребальных комплексах Приуралья и Прикамья, среднеазиатского происхождения. В этом случае стоит принять во внимание традиционно тесные торговые связи Приуралья и Хорезма, игравшего важную роль в качестве торгового посредника.

Кроме того, сравнительно рано в археологических комплексах фиксируются находки дисковидных и цилиндрических гешировых бус, обнаруженных, к примеру, в ряде погребений Калиновского могильника прохоровского времени (Шилов, 1959. С. 439).

Наборы гешировых бус происходят из ряда раннесарматских погребений могильника Покровка 8 с юга Оренбургской области

(Яблонский, 1999. С. 327). В Южном Приуралье, при раскопках Темясовских курганов, расположенных на высоком правом берегу р.Сакмары (Баймакский р-н., Башкортостан) при археологических работах в 1970-1972 гг. в числе прочих предметов импортного происхождения были обнаружены гешировые и лигнитовые бусины в количестве 538 экз. (Пшеничнюк, Рязанов, 1976. С.132).

Бусы и подвески из гешира или гагата, минерала приятного черного в больших количествах встречены в могильниках Закавказья и Средней Азии (Обельченко, 1992. С. 200). Данный минерал А.В. Ферсман называл излюбленным камнем древности (Ферсман, 1954. С. 316).

Таким образом, значительная часть украшений из гагата, возможно, поступала с территории Закавказья через Прикубанье по древнему торговому пути в Танаис, шедшему вдоль восточных побережий Понта и Меотиды, а уже оттуда в Поволжье (Манадян, 1954. С. 13-15), хотя какая-то часть гешировых украшений могла изготавливаться непосредственно в Южном Приуралье из местного сырья.

В этом случае не последнюю роль в качестве торгового посредника, возможно играла Диоскуриада, что косвенно подтверждает Страбон: «Эта же Диоскуриада является началом перешейка между Каспийским морем и общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей. Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство их – это сарматы, но все они кавказцы» [Strabo, XI, II, 16]. XI, II, 16).¹ В пользу сказанного свидетельствует и тот факт, что с III в. до н.э. сарматы устанавливают тесные связи с Северным Кавказом и Азиатским Боспором, а изделия из гагата именно в это время получают широкое распространение у сарматов (Скрипкин, 1990. С. 115). В.П. Шилов связывал проникновение гешира именно с Закавказьем (Шилов, 1959. С. 440), где известны не только многочисленные находки гешира, но и места его добычи.

Возможно также, что какая-то часть украшений шла через Среднюю Азию, где в погребениях курганных могильников Согда

¹ Strabo, XI, II, 16.

найденно много бус и бисера из гешира или гагата (Обельченко, 1992. С. 202) .

В первые века нашей эры широкое распространение получили изделия из египетского фаянса в виде изображений скарабеев и плакеток с лежащими львами (Алексеева, 1982. С. 28-30; Скрипкин, 1990. С. 115). В сарматских погребениях Поволжья и Приуралья скарабеи и бусы из фаянса встречаются начиная с IV в. до н.э. и вплоть до III–IV вв. н.э.

В значительных количествах они были обнаружены в Танаисе, где украшения из египетской пасты встречаются целыми комплексами, подобная картина наблюдается в Поволжье и Прикамье. Скарабеи из египетского фаянса были обнаружены в сарматских погребениях Суловского могильника, дважды – в кургане 20 II Бережновского могильника, и в кургане 35 этого же времени Калиновского курганного могильника. На оборотной стороне скарабеев из Бережновки были изображены иероглифы, позволяющее предположить их происхождение из Александрии.

В Зуевском могильнике ананьинского времени в Прикамье при раскопках П.А. Пономарева в двух женских погребениях было обнаружено в общей сложности 354 (триста пятьдесят четыре) бусин из египетского фаянса (Смирнов, 1938. С. 143) .

В группе II Харьковского курганного могильника, расположенного по сырту р. Остроженки в междуречье рек Соленой и Большой Кубы – притоков р. Еруслан (Саратовская обл.), в погребении I в. н.э. среди бус ожерелья лежал скарабей из ярко голубой египетской пасты.

Набор из 6 (шесть) жуков-скарабеев синего египетского фаянса среди каменных стеклянных бус был обнаружен в женском погребении среднесарматского времени (кургана 6) I Сорочинского могильника (п.Сорочинский, Оренбургская обл.), расположенного на левом берегу р.Сакмары, курган 6 датируется, по мнению исследователей, I в. до н.э. – I в. н.э. (Железчиков, Пятых, 1981. С. 271-276). Данная находка скарабеев является пока единственной для района Южного Приуралья. Следует отметить одну из последних

находок египетских пастовых бус, сделанную при раскопках курганного могильника у села Привольное Илекского района, расположенного на берегу р. Илек в Оренбургской области. В погребении 6 (центральное) кургана 2 была обнаружена плоская бусина сердцевидной формы из египетского фаянса голубого цвета, совершенно аналогичная ей бусина была найдена в погребении 10 того же кургана. Оба погребения, согласно Д.В. Мещерякову, датируются III–II вв. до н.э. (Мещеряков, 1997. С. 45-47).

Бусы и скарабеи из египетского фаянса были обнаружены в самых различных районах древнего мира, зачастую находящихся друг от друга на значительном расстоянии. В Западной Сибири в погребениях Речкино II в кургане 3 (погребение 3) были обнаружены фигурки Гарпократы из египетского фаянса в комплексе с импортными бусами из шпинели и сердолика.

Одной из наиболее вероятных причин столь широкого распространения изделий из египетского фаянса, во многом обусловившей их появление в сарматскую эпоху в восточноевропейских степях, явилось включение Египта в состав Римской империи в I в. н.э.

Таким образом, сердоликовые бусы, обнаруженные в погребениях Приуралья, Поволжья и Прикамья, входят в обширный круг ювелирных изделий, известных на Ближнем Востоке, Закавказье и Северном Причерноморье. Вполне вероятно, что поволжские украшения попали в сарматские погребения вместе с украшениями из гешира с территории Закавказья и Северного Причерноморья, в то время как большая часть украшений из сердолика, обнаруженных в погребальных комплексах Приуралья и Прикамья, среднеазиатского происхождения. В этом случае стоит принять во внимание традиционно тесные торговые связи Приуралья и Хорезма, игравшего важную роль в качестве торгового посредника.

Проникновение подобных украшений к кочевым народам Поволжья и Приуралья в целом совпадают с путями проникновения импортных стеклянных и каменных бус, происходящих из античных центров Средиземноморья, Причерноморья и Закавказья.

Находки египетских скарабеев в курганах Волго-Донского междуречья, в частности, в погребениях кургана Жутово, очевидно, указывают на варварские городища Нижнего Подонья, через посредничество которых изделия из египетского фаянса попадают на территорию Нижнего и Среднего Поволжья, Прикамья и Южного Приуралья

Нельзя полностью исключить возможность того, что часть украшений подобного рода поступала к племенам Поволжья и Приуралья посредством Северной ветви Великого шелкового пути. Согласно Э.Б. Вадецкой, в могильниках Минусинской котловины находятся все типы бус, получивших особенно широкое распространение в Северном Причерноморье в I–II вв. н.э. Близость типов сибирских и черноморских бус свидетельствует, очевидно, об их северопричерноморском происхождении, а проникновение бус связывается с деятельностью китайских купцов на Северном пути, особенно активизировавшихся после разгрома хунну (Вадецкая, 1992. С. 80–81).

Возможно, именно по этому пути драгоценные и полудрагоценные камни из Индии и Цейлона поступали в херсонесские и ольвийские мастерские, так или иначе работавшие для аорсов, которые, быть может, выступали и в качестве заказчиков, и в качестве посредников.

Литература

- Алексеева Е.М.** Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1–12. – М., 1982.
- Багриков Г.И., Сенигова Т.М.** Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–IV и XIV вв.) // Известия АН Казахской ССР. 1968.
- Вадецкая Э.Б.** Античные бусы в Южной Сибири // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III археологического семинара. Ч. I. Новочеркасск, 1992.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., Волков С.Р.** Исследования в Березовском районе Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1994.

- Голдобин А.В., Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф.** Исследование святилищ железного века в Пермском Прикамье // Археологические Открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.
- Железчиков Б.Ф., Пятых Г.Г.** Среднесарматские погребения I Сорочинского могильника (Оренбургская обл.) // СА. 1981, № 2.
- Марковин В.И.** Сердолик – «камень счастья» // МИА. 1965, № 130.
- Манандян Я.А.** О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен V в. до н.э. – XV в. н.э. Ереван, 1954.
- Мещеряков Д.В.** Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1997.
- Обельченко О.В.** Культура античного Согда. М., 1992.
- Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш.** Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.
- Синицын И.В.** Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.
- Скрипкин А.С.** Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
- Страбон.** География / под общ. ред. С.Л. Утченко. М., 1994.
- Смирнов А.П.** Прикамье в первом тысячелетии нашей эры // ТР ГИМ. 1938. Вып. VII. М.
- Ферсман А.Е.** Очерки по истории камня. М., 1954.
- Шилов В.П.** Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. // ИРОМК. 1959, № 13.
- Яблонский Л.Т.** Некоторые итоги работ комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Евразийские древности. М., 1999.
- Яценко С.А.** Диадемы степных кочевников в Восточной Европе в сарматскую эпоху // КСИА. 1986. Вып. 186.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ РВЫ КРЕПОСТНОГО ГОРОДИЩА I-II ВВ. ДО Н.Э. (г. АЗОВ)

В первые века нашей эры в округе античного города Танаиса существовал ряд поселений по берегам реки Дон. Остатком одного из таких поселений является Крепостное городище, расположенное на левом берегу Дона, в центре современного города Азова.

Раскопки городища особенно интенсивно ведутся в последние 50 лет. Обнаружены жилищно-хозяйственные комплексы, насыщенные образцами типичной для I-II вв. н.э. керамики.

В 2006-2007 годах были вскрыты остатки двух оборонительных ровов. Ров №1 был частично уничтожен строителями, хозяйственными ямами XIII-XIV вв. (Азак), частично уходил за пределы раскопа, под современные здания. Нижняя часть рва впущена в слой очень плотного ярко-коричневого суглинка. Глубина от «0» – 1,94 – 2,21 м (уровень обнаружения) – 4,67 – 5,29 (дно). Открытая часть рва была ориентирована по оси СЗ-ЮВ, имела небольшой дугообразный изгиб к северу. В пределах раскопа ров описывал дугу, обращенную на север. Ров прослежен в длину на 50,5 м. Ширина рва целиком не прослежена. Учитывая, что от края рва до самой глубокой его точки расстояние 3,5-5,0 м, можно предположить, что ров был шириной 7-10 метров. Стенки прослеживались на высоту 2,5-3,5 м, очень сильно и неравномерно оплыли, особенно в верхней части, где ров прорезает слой лессовидного суглинка, имели уклон 45°. Южная стенка, вероятно, оплыла еще больше, насколько это возможно судить по участку на кв. 5-7Ж.

Дно имеет форму желоба, шириной 1,5-2,0 м, неровное с небольшими западинами и буграми.

Вдоль южного борта расположено несколько западин, вероятно, хозяйственных ям (ямы №182-184,188), функционировавших, когда ров еще не был засыпан.

Заполнение по всей длине носило одинаковый характер: в верхней части рва однородное – черно-серый сильно гумуссированный лессовидный суглинок с признаками затечности с мелкими комочками жженой глины. Наверху этого слоя встречались и фрагменты золотоордынской керамики, но этот горизонт, ни по структуре, ни по цвету не выделялся в отдельный слой. Нижняя часть заполнена на высоту 1,2-1,5 м, от дна имела слоистую структуру. Преобладают пласты светло-желтого, темно-бурого и бурого лессовидного суглинка с более тонкими гумусными и золотистыми прослойками. Местами фиксировались также тонкие илистые прослойки серо-желтого цвета, падающие по скату рва толщиной 0,5-3 см.

В заполнении встречено очень большое количество фрагментов керамики, костей животных, изделия из камня, а также комки обугленного мелкого зерна – проса (?). Среди керамики наиболее многочисленны светлоглиняные и красноглиняные амфоры, гончарные сероглиняные сосуды с примесью кварцевого песка.

Среди светлоглиняных амфор наиболее многочисленны типы А и В (по Шелову). Среди них выразительны фрагменты горл с ручками, широкие донья, часть горла с дипинти. Надпись двухстрочная, состоит из четырех знаков, выполнена тонкой кистью красной краской. Встречаются и обломки светлоглиняных амфор с двустовальными ручками. Красноглиняные амфоры также присутствуют в керамическом наборе из рва №1.

Красноглиняная керамика представлена обломками ручек, кувшинов, мисок и крышек. Особо интересна уплощенно-подовальная ручка с наlepным орнаментом в виде стилизованной головы барана (roga).

Среди краснолаковой керамики преобладают фрагменты чаш с загнутым внутрь бортиком. Встречены профилированные ручки краснолаковых кувшинов. Типы керамики, как правило, повторяют формы, обнаруженные в некрополе Крепостного городища. В засыпе рва №1 имелись также фрагменты сероглиняной и лепной керамики. Так как в некрополе лепной посуды встречается мало, то заполнение рва №1 значительно расширило наши представления об ассортименте лепных форм на поселении, лишний раз подтвердило мнение о наличии разных мастерских.

В мусорном заполнении рва найдены каменные грузила с отверстиями, части жерновов, оселков и точило.

Заполнение рва №1 свидетельствует, что его стали засыпать во второй половине I в. н.э. и заполнился он к середине II в. н.э. В последующее время на месте рва существовала ложбинка, которая была заполнена мусором XIV в. (Азак).

В некотором отдалении от рва №1 был исследован ров №2. Исследования начались в 2006-2007 гг. и были завершены в 2008 г. Комплекс сильно поврежден современными перекопами. Нижняя часть рва впущена в слой светло-желтого материкового лессовидного суглинка. Глубина от «0» – 1,65-1,94 м (уровень обнаружения) – 3,04 м (дно).

Ров ориентирован примерно по оси северо-запад – юго-восток, под острым углом к продольной оси рва №1. Ров прослежен в длину примерно на 22,5 м. Ширина рва около 4 метров. Стенки прослеживались на высоту 1,0-1,3 м, оплыли, имеют уклон более 45°. Дно слабовогнуто, выровнено, горизонтальное. Заполнение рва рыхлое, распадается на большое число прослоек, состоящих из золы, органического тлена, рыбьей чешуи и костей, темно-серого гумуссированного лессовидного суглинка. Вдоль стен в придонной части фиксировались завалы светло-бурого плотного суглинка, мощностью до 0,4 м бурого суглинка. Непосредственно на дне залегала прослойка толщиной до 0,1 м из плотного темно-бурого суглинка.

В заполнении встречено значительное количество находок фрагментов керамики и костей животных.

Среди амфорных фрагментов превалируют светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками. Присутствуют обломки красноглиняных амфор и других форм. Также представлена сероглиняная и лепная посуда.

Судя по стратиграфическому положению и наличию ранних видов амфор, заполнение рва №2 можно датировать I в. н.э., скорее всего, его первой половиной.

Исследование оборонительных рвов известно на меотских поселениях Кубани (Каменецкий, 2011. С. 221-222; Шевченко, 2013. С. 8, 27). Гораздо хуже изучены подобные сооружения на Дону.

Сведения о подобных оборонительных сооружениях в районе других поселений округа Танаиса очень скудны. Как правило, это визуальные наблюдения, которые были сделаны во время составления планов городищ в 20-е годы XX в., или еще раньше при топографических работах при строительстве крепости Дмитрия Ростовского (г. Ростов-на-Дону) в XVIII в. Очень часто наличие балок связывали с остатками оборонительных рвов.

Раскопки оборонительных рвов Крепостного городища являются первым свидетельством существования подобной системы защиты поселений округа Танаиса, полученным в результате археологических раскопок.

Литература

Каменецкий И.С. История изучения меотов. М., 2011.

Шевченко Н.Ф. Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. Ростов-на-Дону, 2013.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА В ЭПОХУ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА ЗАПАДНОМ МАНЫЧЕ

Много лет подряд в степных районах Предкавказья в зонах предстоящей мелиорации шли планомерные раскопки степных курганных могильников. Многие из сидящих в этом зале посвятили довольно большую часть своей жизни этим работам. Благодаря этому был получен большой массив информации по погребениям ранней и средней бронзы.

Практически в каждой диссертации по степным культурам ранней и средней бронзы авторы уделяют внимание вопросам организации курганного пространства, но как правило ограничиваются вопросами ориентировок и общими подсчетами основных и впускных погребений.

М. В. Андреева рассматривала особенности размещения погребений в курганах восточноманычской катакомбной культуры, уделяя особое внимание происхождению традиции разметки территории. Она считала, что «Погребение в кургане означало вхождение в «общину мертвых», структурно подобную «общине живых». При этом статус индивида, вероятно, определялся заново (в противном случае количество основных погребений должно было бы быть существенно **большим**) по отношению к погребенным предкам, реальным или мифическим».

Андреева отметила, что изучение расположения комплексов в кургане привлекало внимание исследователей существенно

реже – поскольку до настоящего времени объектом пристального внимания оставались именно погребения, а не курганы и, тем более, могильники.

Почти 30 лет назад С. Н. Братченко отметил в курганах Нижнего Подонья наличие круговой или дуговой планировки. Он предполагал, что существовали какие-то внешние обозначения, которые позволяли впускать новое погребальное сооружение, не нарушая старое. Основным аргументом в пользу этого предположения он считал случаи повторного использования погребального сооружения.

«Сопоставление планов курганов с разной плотностью погребений в образованной ими дуге показывает, что в каждом из них погребения располагаются более или менее равномерно. Отсутствуют такие курганы, у которых наблюдалась бы кучность на одном отрезке дуги, а в остальной части могилы вообще бы отсутствовали. Отсюда можно заключить, что сперва погребения в пределах дуги одного диаметра совершались на определенном расстоянии друг от друга, а ввод последующих производился в промежутки между ними. Когда дуга однородных погребений уплотнялась, следующие погребения приходилось устраивать несколько дальше. Так возникала вторая дуга большего диаметра».

С.Н. Братченко отмечал, что в курганах Левобережья большая часть погребений располагалась в центре кургана, а среди тех, что расположены по краю насыпи и ранние и поздние занимают одни и те же сектора.

Наличие «дугообразной» планировки «микромогильников» из катакомбных (восточноманычских) погребений в курганах Ставрополя констатировал В. Л. Державин. Для ямной и северокавказской культуры он обнаружил 3 вида размещения однокультурных комплексов в курганах: 1) линейная планировка, при которой ориентированные в широтном направлении 2-3 могильные ямы располагаются по меридиональной оси; 2) круговая или «дуговая» планировка (3 и более погребений (редко); 3) изредка фиксирует-

ся перпендикулярное расположение могил основного и впускного погребений. Для катакомбного периода он не обнаружил признаков планировки.

Александр Александрович Клещенко отметил, что «Кольцевая структура организации подкурганного кладбища свойственна многим степным культурам эпохи энеолита – бронзы Северного Причерноморья и Предкавказья, а также памятникам предгорной зоны Северного Кавказа, в частности курганы «кавказской группы» и могильники новотиторской культуры Прикубанья. В курганах северокавказской культуры Закубанья он разделил погребения по размещению в насыпи на три группы: 1 – основные (и впускные в центр насыпи), 2 – впускные – включенные в систему кольцевого кладбища и 3 – впускные, не входящие в кольцевую структуру («бессистемные») (24, 60 и 16% соответственно. Рис. 10).

В курганах Западного Маныча для погребений в эпоху ранней и средней бронзы можно выделить разные типы использования подкурганного пространства (планировки):

(На следующих слайдах представлены типичные погребения в эпоху ранней и средней бронзы Западного Маныча)

1. Одно погребение в центре кургана: ямное, раннекатакомбное или манычское.

2. Основное погребение и впускные однотипные одиночные: ямные, раннекатакомбные или манычские.

3. Основное погребение и впускные однотипные, расположенные по дуге: ямные, раннекатакомбные или манычские.

Для ямного кургана мне известен один случай на близлежащей территории. Это курган в могильнике Крепенский.

Такие раннекатакомбные курганы известны на Правобережье Дона, в Аксайском районе.

Западноманычские курганы довольно часто снабжены впускными погребениями, расположенными по дуге размерами один, два и реже три сектора.

С.Н. Братченко считал, что дуга начинает формироваться с восточного сектора к югу. На Западном Маныче дуга может занимать практически любой сектор, даже северный, чего практически не бывает на Северском Донце.

4. После основного ямного погребения впущено раннекатакомбное + впускные раннекатакомбные.

Раннекатакомбное погребение почти никогда не задевает ямное. На Маныче редко бывает больше одного впускного раннекатакомбного погребения.

5. После основного ямного погребения впущено манычское катакомбное + впускные манычские, расположенные по дуге.

Ямные основные погребения практически всегда нарушены манычскими. Манычцы не видят, или не понимают, или не хотят понимать опознавательных знаков, выставленных над ямным погребением.

6. После основного раннекатакомбного погребения впущено манычское катакомбное + впускные манычские, расположенные по дуге.

Первое манычское погребение в кургане практически всегда размещается в центре, почти всегда оно нарушает раннекатакомбное, если последнее расположено в центре.

7. Несколько погребений расположено в центральной части кургана, задевая друг друга.

Есть некоторые замечания к перечисленным вариантам.

Когда насыпь над раннекатакомбным погребением смещается в сторону от бывшего центра, последующие манычские не всегда воспринимают его как центр насыпи и, соответственно, планировки.

Когда манычское погребение впускается в центр, другие манычские воспринимают его как центральное.

Если в кургане есть богатое манычское погребение, то рядовые будут располагаться вокруг него, в случае отсутствия могут выстроиться и вокруг ямного.

Если на Правобережье Дона камеры выводились к центру, то на Западном Маныче эта традиция проявляется не всегда, бывает к центру, бывает в другую сторону.

В созданной дуге погребения расположены довольно далеко друг от друга, а если они оказываются рядом, то «наезжают» друг на друга.

В целом можно констатировать, что в курганных могильниках Западного Маныча существует, или продолжается традиция спланированного размещения погребений, как на Правобережье Дона.

При этом и на Правобережье Дона, и на Западном Маныче существуют курганы «образцовые», как было показано вначале, и курганы с довольно небрежной планировкой.

Основной вывод: если использовать терминологию Андреевой, можно сказать, что в курганах Западного Маныча существовало минимум две общины «мертвых». А если вернуться к общепринятой, то ямные и раннекатакомбные коллективы существовали в очень близкое время, знали о предшествующих погребениях и относились к ним с достаточной долей внимания. Представители западоманычской культуры, используя те же курганные насыпи, уже ничего не знали о своих предшественниках, или не хотели знать.

Круговая планировка встречается и на Правобережье Кубани, и в ставропольских степях. Но далеко не всегда бывает такое плотное и точное расположение погребений как на Правобережье Дона. Если погребальные сооружения впущены по дуге с большой плотностью, не задевая при этом друг друга, значит, действительно границы их были обозначены на поверхности кургана. Существование такого спланированного могильника возможно только для коллектива, который регулярно бывает в этой местности. С большой долей вероятности можно сделать вывод, что сооружения оставлены коллективом, который регулярно возвращался в эту местность, на этот курганный могильник, на этот курган, то

есть, что ареал его кочевания был ограничен. Возможно, картографирование позволило бы выявить ареалы кочевания таких коллективов. Это дело будущего.

Исследователи отмечают в курганах Восточного Маныча меньшее количество погребений по сравнению с Западным. На Западном же Маныче уменьшение числа погребений и, соответственно уменьшение насыщенности курганного пространства, происходит по мере удаления от речных пространств в открытые степи. Большое количество однотипных курганов с малым числом захоронений позволяет предполагать меньшую плотность населения и более обширные ареалы кочевания.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Джопуа А.И., Ньюшков В.А.

Сухум

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ХРАМОВО-КРЕПОСТНАЯ АРХИТЕКТУРА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА

В VII – VIII вв. Абасгия, Санигия, Апсилия и Мисиминия становятся основой формирования вначале Абхазского (Абасгского) княжества, а затем и Абхазского царства в конце VIII в. По сведениям Константина Багрянородного, граница Абасгии на севере, простиралась до реки Никопсис, на которой находился одноимённый город-крепость, дальше уже начиналась Зихия, т.е., по мнению большинства исследователей (Б.А. Куфтина, З.В. Анчабадзе, Л.И. Лаврова, Ш.Д. Инал-ипа и др.), в окрестностях современного города Туапсе (сегодня посёлок Ново-Михайловское Краснодарского края). Здесь же, возможно, и располагался раннесредневековый город Никопсия, который принято отождествлять с остатками крупной крепости в устье отмеченной реки (шапсугское название Нечепсухо), т.е., в 200 м от впадения её в Чёрное море. Не исключено, что в сферу влияния Никопской крепости входили ещё два укрепления, осуществлявшие оборону со стороны гор и со стороны моря. Между тем заметим, другие исследователи (например, Ю.Н. Воронов) выдвинули гипотезу о локализации Никопсии между современными курортами Гагра и Адлер, в районе пос. Цандрипш (Воронов, 2008. С.418).

Оставляя в стороне спорную тему, требующую специального исследования, мы всё же попытаемся исходить из более распространённой точки зрения о нахождении Никопсии в районе современного г. Туапсе. Соответственно и вся территория

Кавказского Причерноморья (также северо-западный регион) попадает сначала под юрисдикцию Абасгского княжества (ещё в VI в. Прокопий Кесарийский размещал санигов западнее современного г. Сочи), а затем, в конце VIII в., Абхазского царства. В связи с этим расширяется и значение терминов «Абасгия» и «абасги». Отныне «абасгами» признаётся всё население вплоть до Никопсии. Несомненно, данные археологических источников, архитектурные особенности в планировке крепостей и церквей, а также гидро-топонимический анализ могут указывать на то, что тут проживали древнеабхазские племена, известные больше как садзы, в позднеантичных и ранневизантийских письменных источниках – саниги. Данная этнокультурная ситуация сохранялась и до конца XVIII в. «Согласно русским и другим источникам ареал распространения абхазов, абхазского языка, а также влияние Абхазского княжества к концу XVIII века охватывали Черноморское побережье от Анапы, или р. Кубань до р. Ингур» (Кварчия, 2012. С. 187).

Что же касается раннесредневековых памятников на территории Большого Сочи, то тут невозможно не обратить внимание на памятники, ставшие эталонными, как Ачипсинская крепость, Пслухская крепость, Хостинская крепость, храмы в Лоо и в Хосте, находящими свою теснейшую связь с раннесредневековыми памятниками соседней Абхазии (Воронов, 1979. С. 101). Все они относятся к периоду активной христианизации в данном регионе Византией, которая «привносит на территорию Кавказского Причерноморья не только христианский храм как архитектурный объект, но и принципиально новый тип поселения – крепость, в которой главным, доминирующим сооружением должен стать храм» (Пищулина, 2006. С. 71). Да и как показывают материалы, христианство на данной территории довольно прочно привилось непосредственно в приморской зоне.

Как известно, в последнее время, после того как Сочи был объявлен столицей зимней олимпиады 2014 г., список интересных

нас раннесредневековых памятников пополнился в результате масштабной олимпийской стройки, особенно в районе Адлера. В то же время и в самом центре г. Сочи, на что хотелось бы особенно обратить внимание, была обнаружена интересная кладка. Так, в начале апреля этого года (2013) в траншее, вырытой для прокладки новой теплотрассы в районе храма Михаила Архангела, неподалёку от морского порта г. Сочи по ул. Орджоникидзе, была обнаружена древняя известковая кладка из дикого булыжника на глубине полутора метров. Несколькими днями позже ниже здания старой районной поликлиники, недалеко от места первой находки, на оползневом участке были найдены сочинским краеведом А. Кизиловым фрагменты древней панцирной кладки, состоящей из тесаных квадратных, облицованных известковых каменных блоков, близко подогнанных друг к другу. Сразу становится видно, что технология кладки идентична сохранившимся фрагментам древней стены развалин крепости на реке Годлик и на территории Абхазии. Данное предположение было подтверждено побывавшими на месте специалистами из Абхазии (А.И. Джопуа, Г.А. Сангулия, В.А. Нюшков, И.А. Джопуа). На первый взгляд можно сказать, что технология строительства характерна и для памятников Абхазии эпохи Средневековья (IX – XI вв.). По мнению А. Кизиловой, это ни что иное, как остатки оборонительной линии, построенной еще задолго до Кавказской войны 1811-1864 годов.

Вполне возможно, что укрепление возвели во время византийского периода, ориентировочно в период Абхазского царства. Придерживаясь данной версии, мы со своей стороны не исключаем и такой возможности, что осмотренная нами кладка могла бы быть сопоставима с конструкцией Бзыбского крепостного комплекса с храмом, поскольку сравнительно-типологический анализ в данном случае является пока для нас (в условиях отсутствия конкретного археологического материала) главным датированным элементом. Правда, недавно А. Кизиловым, бук-

вально в пяти-шести метрах от той стены с квадратной кладкой, что в центре Сочи, было найдено несколько фрагментов черепицы, а также обнаружены возле неё фрагменты керамики с орнаментом, которая приблизительно датируется этим же временем.

Так, в селе Бзыбь Гагрского района, на правом берегу р. Бзыбь, на небольшой скалистой возвышенности сохранились развалины Бзыбской крепости и храма – архитектурного памятника, датируемого в литературе IX – X вв. Руины Бзыбского крестовокупольного трехапсидного храма эпохи Абхазского царства сохранили свои стены до наших дней, но утратили свод и купол. Кое-где встречаются остатки орнамента работы местных мастеров. По особенностям строительной техники памятник близок к Цандрипшскому храму. Любопытны и впечатляющие детали этого храма: тёмные плиты облицовки, украшенные резьбой над окнами, три пятигранных снаружи полукружия апсид, базы мощных колонн, поддерживающих купол (Воронов, 1978. С. 76-77). Как предполагает В.В. Пищулина, «храм мог иметь оборонительное значение», находясь на самой высокой точке крепости (Пищулина, 2006. С. 73). Что же касается стен Бзыбской крепости, то они сложены из тщательно обработанных известняковых, облицованных квадратных блоков, скрепленных известковым раствором и укрепленных четырехугольными и полукруглыми башнями и контрфорсами. Крепость занимала значительное место в оборонительной системе Абхазского царства. В позднефеодальную эпоху Бзыбское ущелье являлось частью владений рода Инал-ипа. В конце XIX века исследователи обнаружили руины Бзыбской крепости площадью 7 тыс. кв. метров. В настоящее время сохранились остатки семи мощных четырехугольных и круглых башен и крепостной стены с двумя воротами с западной и восточной стороны.

Отмечая выше Цандрипшский храм, будет справедливо охарактеризовать данное архитектурное сооружение. Это храм VI в., выложенный из грубо отесанного камня, был основательно перестроен в IX – X вв. Расположен древний храм у самого моря в поселке Цандрипш. В старину Цандрипш был важным религиозным центром. Поэтому не является случайностью то, что при строительстве Цандрипшской базилики было использовано так много мрамора – гораздо больше, чем в других храмах, построенных на Кавказе. Мрамор в эпоху, когда было построено это культовое сооружение, использовался для украшения только самых важных церковных сооружений. Во всем Восточном Причерноморье украшение мрамором характерно только для Северной Абхазии и района Сочи. Так, в сочинском музее хранятся две большие мраморные плиты, украшенные орнаментами.

В то же время, не так давно, к юго-западу от с. Лесное в Адлерском районе г. Сочи, на правом берегу р. Псахо была исследована

Д.Э. Василенко и Л.Г. Хрушковой базилика, относящаяся предварительно по времени к VII – VIII вв. Некоторые особенности плана «Леснянской 1» базилики сближают её с Цандрипшской базиликой близ г. Гагра в Абхазии, раскопанной Л.Г. Хрушковой в 1980 г.: наличие трёх нефов, трёх выступающих апсид, нартекса и небольшого притвора перед ним, расположение крещальной купели в одной из боковых апсид. Цандрипшская базилика датирована Юстиниановской эпохой. Возможно, плановая схема Цандрипшской базилики послужила образцом плана «Леснянской 1». Её появление следует рассматривать «в контексте христианизации населения Северо-Восточного Причерноморья. Эта территория, скорее всего, входила в состав архиепископства Авагсия, которое представлено в Первой епископской нотиции (не позднее смерти византийского императора Ираклия в 641 г.)» (Василенко, Хрушкова, 2008. С. 83).

В продолжение темы следует отметить прекрасно демонстрирующую параллель с христианскими памятниками Абхазии в эпоху Абхазского царства, храм IX – X вв., недавно раскопанный и изученный Е.А. Армарчук, Р.А. Мимоходом, В.В. Седовым в пос. Весёлое, недалеко от р. Псоу, который, как показал историко-типологический анализ, был создан в традициях абхазской школы (Армарчук, Мимиход, Седов 2012. С. 78-89). В этих же традициях, был построен относимый к группе абхазских церквей храм в Лоо, расположенный на высоте около 200 м над уровнем моря, в 2 км. от него. Его стены сложены прекрасно обработанными известняковыми блоками и плитами песчаника и сланца. Особый интерес представляет раствор из смеси крупного песка и отборного мелкого гравия, который плохо поддаётся выветриванию даже в условиях Причерноморского климата. Данный раствор находит ближайшую аналогию в византийских стенах Анакопии VII в. (Воронов, 1979. С. 92; Ионова, 2010, С. 77).

Итак, «к храмам абхазской архитектурной школы, абхазского стиля относятся следующие культовые сооружения (с запада на

восток по берегу Черного моря и далее): храм в Лоо (Лазаревский р-н Б. Сочи), храм в с. Веселое (Адлерский р-н Б. Сочи), храм на р. Бзыбь (Гагрский р-н, Республика Абхазия), храм Ахаш-ныха (Гагрский р-н, РА), Пицундский патриарший кафедральный собор, храм Мсыгуха (в предместьи Н. Афона, РА), храм Симона Кананита (г. Н. Афон, РА) Моквский собор (с. Моква, Очамчирский район РА)» (Чачхалия, 2011. С. 14) и т.д.

Однако ещё большой интерес представляет ряд крепостей Сочинского Причерноморья в период их активного функционирования, т.е. в эпоху существования первого абхазского государства, значит с VIII века. В этом отношении определённый интерес может представлять Пслухская крепость, расположенная в среднем течении р. Мзымта, на отроге хребта Аибга, служившая, наряду с другими крепостями, важным сторожевым опорным пунктом в период Абхазского царства. «Между крепостями и постами обычно была хорошая видимость, что делало возможным устанавливать между ними связь с помощью дымовых или огненных (ночью) сигналов. Таковы в районе Красной Поляны крепости Бешенская, Монашка, Аибгинская, Ачипсинская, Куницинская, Котёл и др., в том числе и крепость Пслухская» (Диденко, 2006. С. 394). Для сравнения! Бзыбская крепость входила в систему оборонительных сооружений Бзыбского ущелья и занимала ключевую позицию на дороге вдоль морского побережья, охраняла одновременно один из перевальных путей, шедший на Северный Кавказ. Это свидетельствует о том, что много веков назад местность здесь была довольно густонаселенной.

Возвращаясь к храмово-крепостной архитектуре Большого Сочи, следует отметить, что здесь, на наш взгляд, была расположена цельная фортификационная система, состоявшая по большей части из сторожевых крепосцов (датируются эпохой Средневековья), сформировавшихся под влиянием архитектурных школ Абхазии. Не исключением является и предполагаемый крепостной комплекс, осмотренный нами в центре г. Сочи, входивший в

причерноморскую фортификационную систему. Учитывая его местоположение, а также масштаб занимаемой территории, можно предположить, что здесь находился крупный фортификационный объект, судя по всему с храмом внутри. Дальнейшие археологические раскопки, надеемся, подтвердят данное предположение.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что в эпоху Абхазского царства территория Северного Кавказа (причерноморский регион) являлась неотъемлемой частью Абхазского царства, просуществовавшего вплоть до XIII века.

Литература

- Армарчук Е.А., Мимиход Р.А. Седов В.В.** Христианский храм у пос. Весёлое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА, №3. М., 2012.
- Василиненко Д.Э., Хрушкова Л.Г.** Новый памятник раннесредневековой архитектуры Кавказского Причерноморья: Базилика близ Адлера // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 2008.
- Воронов Ю.Н.** В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978.
- Воронов Ю.Н.** Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
- Воронов Ю.Н.** К локализации Никопсии // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения 1971 – 2006. М., 2008.
- Диденко Н.** Пслухская крепость // Первая абхазская международная археологическая конференция: Материалы конференции. Сухум, 2006.
- Ионова З.Н.** Развитие религиозной ситуации на Черноморском побережье Кавказа в VII–XIII вв. // «Конфессиональное про-

странство Северного Кавказа (конец XVIII в. – начало XXI в.): Материалы круглого стола. Краснодар, 2010.

Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии. Сухум, 2006.

Пищулина В.В. Особенности территориально-пространственного расположения христианских храмов на территории Кавказского Причерноморья VI– XI вв. // Первая абхазская международная археологическая конференция: Материалы конференции. Сухум, 2006.

Чачхалия Д. Абхазская школа византийской архитектуры. Сухум, 2011.

Рис.1. Квадровая кладка (средневековой эпохи) в центре Сочи.

Рис. 2.Квадровая кладка (средневековой эпохи) в центре Сочи, крупным планом.

Рис.3. Бзыбский храм IX – X вв. (фото А. Кизилова).

Рис.4. Бзыбская крепость (фото А. Кизилова).

Рис.5-6. Черепица, найденная в районе расположения нового объекта (квадровой кладки) в центре г. Сочи.

Рис.7.Орнаментированный фрагмент пифоса (приблизительно средневековой эпохи) в районе расположения нового объекта в центре г. Сочи.

Рис.8. Керамика (приблизительно средневековой эпохи), найденная в районе расположения нового объекта в центре г. Сочи.

Кизилов А.С., Кондряков Н.В.,

Сочи-Майкоп

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОРТА СОЧИ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОМПАСНЫХ КАРТАХ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Долгое время считалось, что название «Соча» впервые упоминается Эвлия Челеби в середине XVII века и связано с одноименным названием племени абаза здесь проживавшим (Эвлия Челеби. Книга путешествия. 1641. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Между тем, Сочи в форме «**Сотчем**» встречено на карте османского (турецкого) адмирала и картографа Хаджи Мухиддин Пйри ибн Хаджи Мехмед (сокр. Пйри Рейс), датируемой 1525 годом. В подобной форме «**Сутчя**» название Сочи встречено на турецкой карте 1853 года. На португальской компасной карте Joao Freire 1546 года мы встречаем **pt. Sacho** (порт Сачо). На карте 1375 года, изданной под авторством Abraham and Jehuda (Каталанский атлас), существует porto **deSuSache**. У Пьетро Висконте на карте 1311 года этот порт назван р. **de3ur3uchi**. Локализация средневекового порта в устье современной р. Сочи вполне уместна, исходя из гидрографических условий самого устья реки и прилегающей морской акватории, а также наличия фактического порта и в настоящее время. Кроме того, соседний населенный пункт, обычно упоминаемый средневековыми картографами, существующий в более или менее стандартной форме **Alba Zechia** на карте Joan Oliva 1590 года обозначен в форме **Alba Sochia**. Мыс **Guba** Пьетро Висконте или **Cuba**, или **DeCuba** поздних авторов вполне может быть сопоставлен с названием мыса на морской ан-

глийской карте 1853 года современного мыса «Видный», расположенного в Хосте – **Mustakuba**.

В результате работы Никиты Кондрякова со средневековыми компасными картами, а также трофейными турецкими и английскими морскими картами времён кавказской войны, мы получили сводную таблицу фрагментов карт с локализацией на них топонимов, тождественных топониму современному Сочи (Рис. 1). В таблице карты по номерам:

1. Пьетро Весконтес, 1311 г. **P. de Zurzuchi**.
2. Абрахам Креск . Каталанский Атлас 1375 г. **Porto de Susache**.
3. Пири Рейс, 1525 **Сотжем (Sotjem)**.
4. Грациозо Бенинаказа, 1453 **P. de Sirsacho** (по Фоменко).
5. Жоао Фрейре, 1546 **pt. Sacho**.
6. Фернао Вас Дорадо, 1570.
7. Джоан Мартинес, 1578 **p. Saco**.
8. Бартоломео Оливес 1580 **p. Sach**.
9. Джоан Олива, 1590 **AlbaSochia**.
10. Меркатор Таврика, 1641 **Suzaco**.
11. Карта мира, 1606 **Suseco**.
12. Английская карта, 1853 **Socha, Mustakuba**.

Хотелось бы пояснить тот факт, что периодически на средневековых картах топоним, тождественный топониму Сочи, отмечен несколько со смещением, но последовательность расположения населённых пунктов в целом сохраняется. В более поздние исторические периоды даже российские картографы имперского генерального штаба допускали подобные неточности. Так, к примеру, на подобной карте, находящейся в экспозиции музея города Майкоп – Сочи расположен севернее Дагомыса.

Окрестности Сочи богаты археологическими памятниками. Но имеющиеся письменные источники часто сообщают об утраченных ныне сооружениях, определить и датировать которые сейчас, увы, невозможно по причине их полного разрушения. До недавнего времени такая ситуация наблюдалась с канувшими в лета древними сооружениями в центре города Сочи.

В литературных источниках первым упоминает в своих дневниках о древней крепости английский разведчик Джеймс Бэлл, накануне высадки русского десанта в долине реки Сочи. Описание живописной сочинской долины автор завершает фразой: «... широкая крепостная стена, оставшаяся от древней крепости, прикрывает вход в долину со стороны моря» (Дж. Бэлл, 2004. С. 8).

В книге В.И. Ворошилова «История убыхов» изложение высадки русского морского десанта в устье реки Сочи было сделано после глубокого анализа и изучения документов очевидцев тех исторических событий. В описании сказано: – «... низменной части устья реки Сочи вдоль моря проходила полуразрушенная стена старой крепости, дополнительно также укреплённая завалами» (Ворошилов, 2006. С. 194). Таким образом, получается, что в момент высадки русских войск крепость была в последний раз использована по своему непосредственному назначению.

Следует отметить также, что на плане Навагинского укрепления в 1838 году (ЦГИА Груз. ССР Ф-1686, оп. 1, д. 1761, л. 1, копия) также отмечены развалины круглого каменного здания на внутренней территории гарнизона. В.И. Ворошилов писал по этому поводу: «В самом центре его долго сохранялись развалины круглого, похожего на храм каменного здания, сложенного из дикого камня, который позже пошёл для сооружения фундамента церкви» (Ворошилов, 2006. С. 207).

Далее об этом упоминала газета «Кавказ», №89 от 1 (13) августа 1871 г.: «Вечером, наверху, близ дома, была иллюминация; эффектно были очень развалины церкви внутри бывшего укрепления, от которой остались только круглые стены без купола; наверху этого круга были расставлены плошки, придававшие своим светом грандиозный вид этим развалинам. При этом, на просьбу казаков, Его Высочество приказал начальнику округа возбудить вопрос о возобновлении этой церкви, которая, вместе с тем, служила бы и приходской для окрестных поселений, сгруппировавшихся по бассейну р. Сочи и ее окрестностей» (<http://sochived.info/drevneyshie-sooruzheniya-na-meste-navaginskogo-forta/>).

Об этих сооружениях также писал в статье «Сочи» (1911 г.) Прокопий Петрович Короленко: «Старожил Тар... рассказывал, что он еще в молодых летах, прибывши в Сочи около 1870 г. застал в развалившейся крепости круглое в середине стен каменное здание, с обвалившимся верхом, сажня в два в диаметре, похожего по стилю строения на храмы древних церквей, имеющих во многих местах Черноморского побережья. ...Эти древние здания, каких много на Кавказе, совсем уже не относятся к постройкам наших инженеров и строителей укреплений на Черноморском побережье... Время пощадило эти древние сооружения, но не пощадило их люди. Все каменные стены, храм и башня были разобраны, и из них выстроена церковь, красующаяся и теперь в Сочи, с золотым верхом ... А что это было древнее городище, тому нет сомнения еще и потому, что за стенами бывшего русского укрепления на востоке заметны еще и теперь во многих местах бывшие рвы и валы древних сооружений» (Короленко, 1911. С. 17-18).

Итак, факт былого наличия в центре города Сочи древних сооружений – крепости и останков храма описан у многих свидетелей XIX и начала XX в., но никаких материальных либо конструктивных привязок по датировкам они, увы, не дают. Более того, такая большая долина, как долина реки Сочи, должна была иметь серьёзные постройки и очевидно крупное городище, но бурная урбанизация самого большого курорта России слишком быстро поглотила останки былого древнего населённого пункта. Безусловно, что упоминание Эвлия Челеби о наличии у племени Соча пристани, говорило и о его торговом и стратегическом значении. Эвлия Челеби писал, что на территории обитания племени Соча есть пристань, но её название ему неизвестно.

В поисках останков древних сооружений сочинским краеведом Андреем Кизиловым были обследованы как левый, так и правый берег реки в приморской её части в местах предполагаемого возможного размещения останков древней архитектуры. Начавшийся несколько лет назад строительный бум в городе Сочи естественно

привёл к многочисленным раскопам улиц и придомовых территорий. В период с 2010 г. по 2013 г. А. Кизиловым были зафиксированы глубины расположения булыжных мостовых по основным старым улицам города, что является показателем общего геодезического уровня культурного слоя по прилегающим к ним районам в начале XIX века. Таким образом, сложилась следующая картина: разницы глубин булыжной мостовой и современного асфальтового покрытия – ул. Виноградная – 20-25 см, ул. Воровского – 40-45 см, ул. Войкова – 40-45 см, ул. Москвина – 40 см, ул. Орджоникидзе 50-60 см. Поэтому, когда при очередном осмотре траншеи по улице Орджоникидзе, где шла реконструкция тепломагистрали, краевед зафиксировал на глубине около полутора метров стену толщиной около девяноста сантиметров, вопрос о её древности сразу же стал объективным и актуальным (Рис. 2). Следует отметить, что на указанной глубине находилась верхняя часть стены, остальная часть уходит в глубину грунта на неизвестное расстояние. Стена была сложена из булыжника и колотого камня, связанного раствором на известковой основе, и пересекала улицу под углом в сорок пять градусов (Рис. 3).

Находка вызвала широкий общественный диссонанс и в скором времени, по причине многочисленных писем от общественных организаций и составленного нами (Кизилов А.С., Кондряков Н.В., Кудин М.И., научные сотрудники АРИГИ им. Керашева) акта руководителю Управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края Волкодав Н.В., по факту находки из Краснодарского отдела охраны памятников для освидетельствования сооружения прибыл в служебную командировку археолог Дмитрий Эдуардович Василенко. Несмотря на противодействие руководства строительства тепло-трассы, на третий день нам удалось осмотреть и зафиксировать основные параметры стены – габариты, направление, координаты и взять пробу раствора известковой кладки для последующего анализа. К сожалению, располагаемая нами скудная информация

не могла дать точных привязок и атрибутировать находку. Приехавший из Краснодара археолог Дмитрий Василенко сделал следующее заключение – останки стены это либо восточная часть форта Александрия, строительство которой не описано в архивных документах, либо это останки более древнего сооружения. Первично это можно было проверить, сделав накладку масштабных контуров форта на карту местности. Независимо друг от друга эту работу выполнили краеведы Константин Глазов, Андрей Кизилов и археолог Дмитрий Василенко. Выводы были одинаковы у всех – контуры форта не достают до места находки древней стены.

Спустя десять дней, при дальнейшем исследовании территорий, на которых располагался старый Сочи, краеведу Андрею Кизилову снова повезло обнаружить останки древней стены, её углового фрагмента (Рис. 4). В процессе предварительного визуального осмотра места вспомогательных работ по реконструкции теплотрассы по ул. Москвина в г. Сочи (Рис. 5), выполняемых ООО «Ленстроймонтаж», около траншеи теплотрассы на террасе для складирования труб, где земляные работы вызвали подвижку склона, были выявлены остатки обнажённого строителями неизвестного архитектурного сооружения (предположительно эпохи средневековья), представляющие собой фрагменты стены из квадратных тёсаных каменных (материал – мелкозернистый песчаник) блоков, скрепленных известковым раствором с внутренней забутовкой булыжником (аналогичная кладка и цемент присутствует на множестве археологических Средневековых памятников г. Сочи). Обнаруженный фрагмент стены расположен в 15 метрах ниже по склону от сохранившегося фрагмента форта «Александрия». Морфологический состав камня, из которого сложены стены форта Александрия и фрагмент неизвестного сооружения абсолютно различны между собой. Стены форта строились из привозного ракушечника из окрестностей Керчи (этот факт отражён во многих документах времён Кавказской войны, которые связаны со строительством форта Александрия – «Раз-

меры форта, способного выдержать осаду не только горцев, но и любой регулярной европейской армии, составляли: по длине – 120 саженей (около 256 м), по ширине – 75 саженей (около 160 м). Строил форт Кавказский сапёрный батальон. Камень-ракушечник для возведения крепостных стен доставлялся морем из Керчи. Каждый кирпич, размером около 70х25х20 см, обходился казне в 50 копеек серебром, тогда как гусь в то время стоил не более 3 копеек» (Подробнее <http://arch-sochi.ru/2013/05/175-let-nazad-byil-zalozhen-fort-aleksandriya/#ixzz2n0oaovpr>), а квадратная же кладка, найденная ниже по склону, была построена из местного сочинского песчаника.

Ещё одним фактом, мало кому известным по причине недавней его находки, является тот аргумент, что в стене здания постройки 1911 года оказалась оштукатуренная на драночную основу ещё одна часть стены Навагинского форта. В этом фрагменте стены великолепно сохранилась амбразура артиллерийского кофра, также построенная из керченского ракушечника. Совмещая на местности направление стрельбы тяжёлого орудия береговой артиллерии и останков каменной стены квадратной кладки из местного песчаника складывается следующая картина. Гипотетически, предполагаемая постройка находилась бы в пятнадцати метрах напротив амбразуры, на осевой линии огня, что противоречит здравому смыслу и фортификационным правилам построения крепостей и фортов.

Если рассмотреть версию постройки какого-либо здания на этом месте в период дореволюционного строительства курорта Сочи или посада Даховского, то, увы, этому аспекту нет никаких ни документальных, ни технологических строительных подтверждений. Более того, фундамент соседствующего с останками стены дома купцов Полиды (1911 г.) и его цокольный этаж сделаны из бетона на цементной основе, в постройке же найденного фрагмента использовалась кладка на известковом растворе.

С первого взгляда очевидно, что технология кладки идентична сохранившимся фрагментам древней стены развалин крепо-

сти на реке Годлик (Рис. 6). Предположение обнаружившего их краеведа Андрея Кизилова подтвердили профессиональные археологи: – кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея Аркадий Иванович Джопуа, кандидат исторических наук Валентин Александрович Ньюков, исполняющий обязанности начальника госуправления Республики Абхазия по охране историко-культурного наследия Гарик Анатольевич Сангулия. Группа специалистов осмотрела древнюю стену и пришла к единодушному выводу – «квадровые, тёсанные, облицованные каменные блоки, подогнанные близко друг к другу, характерны для раннесредневековых памятников VI-VIII веков северо-западной части Восточного Причерноморья».

И опять же, несколькими днями позже снова удалось найти на оползневом участке ниже старой поликлиники третий фрагмент древней стены, находившиеся под остатками булыжной мостовой останки древней панцирной кладки (Рис. 7). Под напором оползневых слоёв, фрагмент панцирной кладки того же участка стены упал на оголённый участок террасы и был погребён шлейфом осыпающего склона. Его морфологический и строительный состав идентичен второму фрагменту и геометрически является продолжением найденного ранее фрагмента. Зачистка фрагмента от строительного мусора полностью подтверждает предположение его тождественности относительно ранее найденных фрагментов.

Оползневые процессы склона в зоне предполагаемого городища продолжили и продолжают пополнять артефактами складывающуюся картину. Осенние ливневые дожди оголили подъёмный материал, который вызвал у специалистов по средневековой археологии единодушное мнение. Многочисленные фрагменты керамики были атрибутированы российскими и абхазскими археологами как средневековые (Рис. 8). Также был обнаружен фрагмент железного кинжального клинка со следами нецелевого использования в кузнечном горне – запёкшимся вперемешку с углями и железным шламом, что вероятно говорит о наличии ремёсел на

территории городища (Рис. 9). Помимо вышеуказанных артефактов, в нескольких метрах от фрагментов стены из-под фундамента бетонного забора дома купцов Полиди дожди вымыли крупные фрагменты коньковых черепиц – калиптеров, вероятно позднего происхождения (Рис. 10). Безусловно, что находки фрагментов керамики разных периодов Средневековья свидетельствуют о существовании городища в центре современного Сочи в течение не одного столетия.

Учитывая, что указанному в начале нашей статьи на большинстве средневековых карт порту Саче (Сочи) должна соответствовать определённая инфраструктура (сооружения в т.ч.), а также тот факт, что остатки неизвестных древних сооружений были найдены как раз в непосредственной близости от устья р. Сочи и существующего морского порта, можно с уверенностью утверждать, что городское летоисчисление Сочи следует начинать **как минимум** с первой даты упоминания его на картах – т.е., с 1311 года.

Литература

Ворошилов В.И. История убыхов. Майкоп, 2006.

Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течении 1837-1838 годов. Нальчик, 2004.

Короленко П.П. «Сочи», 1911.

http://www.library.chersonesos.org/showsection.php?section_code=5

Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века), 1641.

<http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Celebi4/pred.phtml?id=1742>.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В СЕЛЕ ЛДЗАА, ГАГРСКОГО РАЙОНА

Археологические исследования в селе Лдзаа в 2007 году проводились в два этапа. Первый этап: летние раскопки у храма (южная стена и юго-восточный угол храма) и второй этап: осенние раскопки территории примыкающей к храму с восточной стороны.

Целью проведенных работ была расчистка базиликального храма от зарослей и строительного мусора, современных наслоений в южной и юго-восточной частей храма, определение высоты храма, наличие или отсутствие наружной апсиды, определения наружных параметров, наличие окон, дверей и проч.

Задачей проводимых археологических исследований являлось детальное изучение храма в селе Лдзаа, его архитектурных особенностей, определение датировки строительства храма, храмовых и при храмовых захоронений и проч., для включения памятника в научный оборот.

1) Летние (15-27 июля 2007 г.) раскопки южной стены храма снаружи.

Летом 2007 года продолжились работы по расчистке храма в селе Лдзаа, расположенного в 3-х км от Пицундского храма, в 250 м от моря.

Начало раскопок здесь было заложено еще в 1990 году. Сотрудники Управления охраны историко-культурного наследия (рук. В.В. Бжания) проводили охранные раскопки на территории

цитрусового поля в селе Лдзаа. Посреди поля располагался холм, при детальном изучении которого выяснилось что это древнее строение (базиликальный храм), выложенный из местного камня ракушечника, заваленный современными отложениями. Силами сотрудников Управления в северной части этого строения (храма) были вскрыты два помещения, северо-восточное и центральное (северо-западное помещение не раскрыто). Выяснилось, что базиликальный храм с севера (а возможно и с юга) имеет пристройку по всей длине храма. Здесь были вскрыты 20 погребений. Внутри храма: северный притвор: четыре погребения (№№ 1, 2, 3, 11) располагавшихся в северо-восточном помещении храма; девять погребений (№№ 4, 5, 6, 7, 8, 15, 16, 19, 20) в центральном помещении храма. Снаружи храма: четыре погребения (№№ 9, 10, 17, 18) за северной стеной храма, три погребения (№№ 12, 13, 14) за восточной стеной храма. Все 20 погребений относятся к эпохе средневековья, почти все, за исключением некоторых, были безинвентарными. (Барцыц, 2004).

Раскопки храма в с. Лдзаа начались 15 июля 2007 года силами сотрудников Управления по охране историко-культурного наследия Республики Абхазии (Агумаа А.С.), сотрудниками Пицундского историко-архитектурного заповедника «Великий Пителиунт» (Барцыц Р.М.) и рабочими из Санкт-Петербурга и Москвы.

За непродолжительный период (12 дней) была расчищена южная стена, а так же юго-восточный угол храма, что дало возможность установить отсутствие наружной округлости апсиды. По всей вероятности храм имеет внутреннюю апсиду. Кроме того, расчистка южной стены, а так же северо-восточного и юго-восточного углов, позволили определить внешние размеры храма (15,40х22,40) и толщину стен (80-90 см.). Южная стена имела местами (юго-восточный угол) высоту более двух метров от дневной поверхности. В результате исследования зачищенного участка можно предположить, что верхняя часть южной стены храма сохранилась почти до основания кровли, так как она местами

немного утолщается, заворачивая под кровлю, образуя подушку для нее.

Храм сложен из местного, хорошо обработанного песчаника (морского ракушечника) на известковом растворе. Наружные и внутренние облицовочные камни южной стены скреплены между собой бутом на известковом растворе. Блоки грубо обтесаны и изъедены временем, имеют средний размер 50х30х50.

По сохранившимся местами известковой штукатурке, можно предположить, что снаружи храм был полностью оштукатурен. По всей линии южной стены, приблизительно в середине, между куполом и основанием, прослежены две горизонтальные тонкие параллельные полосы (возм. Opus incertum) толщиной в 1 см., отстоящие друг от друга на 3 см.

Южная стена вскрытой части храма не имеет оконных проемов. В середине южной стены имеется пролом, который до расчистки стены принимали за окно. Однако после зачистки и тщательного изучения выяснилось, что этот участок стены (0,8х0,6) был выломан, и несколько блоков было обрушено. Внутри этого разлома, на глубине пятидесяти сантиметров видна кладка внутренней стены храма, поэтому можно предположить, что обрушилась наружная часть стены и часть забутовки, внутренняя же часть стены в этом месте цела.

Для установления высоты храма и поиска цоколя в юго-восточном углу храма был заложен шурф (2х2). Был вскрыт слой на глубину около 1 м. от дневной поверхности (нивелировочная отметка – 430), однако до основания (цоколя) храма дойти не удалось, т.к. основание храма уходило еще глубже. Земля представляла собой крупную морскую гальку, поэтому шурфовать глубже не удалось, морская галька заваливалась в небольшой шурф. Для установления высоты храма и нахождения цоколя необходимо вскрытие земли по всей площади храма. Здесь культурный слой отсутствует, идет сплошной слой крупной морской гальки. В настоящее время высота храма составляет более 4-х м. (от глубины шурфа), однако

это пока не является окончательной высотой, т.к. его основание пока не выявлено.

До расчистки, храм в селе Лдзаа представлял собой холм, заросший кустарниками и деревьями (инжир). Расчищая южную стену храма и его юго-восточный угол, было выявлено пять современных (1960-70-е гг.) погребений. Они располагались не в древнем культурном слое памятника, а гораздо выше (более одного метра выше древних погребений), в слое современного отложения. Захоронения эти, среди которых одно детское, принадлежали родственникам местных жителей, и так как они не представляют интереса для науки, все они (5 единиц) были, с участием родственников, перезахоронены. Погребение 21,22 располагались у восточной стены, а погребения 23,24 и 25 у южной стены храма.

Для определения сохранившихся высот храма, дневной поверхности была проведена нивелировка храма с прилегающей территорией с условными линиями А-В (по длине храма с востока на запад) на 38 метров (из них 22,40 м. длина храма) и С-Д (по ширине храма с севера на юг) на 21 метров (из них 15,40 м. ширина храма).

При расчистке южной, и части восточной стены найдено большое количество строительной черепицы – кровли храма, а так же небольшое количество фрагментов посуды, стенки, венчики, ручки амфор.

2) Осенние (05-29 ноября 2007 г.) раскопки в северо-восточной части территории прилегающей к храму.

Осенью 2007 года на участке, непосредственно примыкающему к памятнику с северо-востока, были проведены археологические раскопки.

Здесь был разбит раскоп 20 на 34 м. На глубине 60-70 см. по всему раскопу было вскрыто 31 погребение. Костяки погребений ориентированы головой на запад. Почти все погребения были

безинвентарными и лишь в нескольких найдены следующие предметы: железные ножницы и нож, полая бусина из бронзы, пастовая бусина и другие предметы из железа и бронзы. Кроме того, одно погребение было обложено керамической черепицей (49х49), сохранившееся в ногах костяка.

Могильные ямы всех погребений были плохо выражены, т.к. почва представляла собой морской гравий с песком и глиной, в которой границы погребений проследить было сложно, скелеты сохранились плохо, сильно фрагментированы. Лишь 7 погребений (1,9,11,15,20,21,23) были неплохой сохранности, в которых полностью сохранились костяки и где были выявлены погребальные ямы.

Раскоп №1:

На северо-восток от храма, в 10 м от него, был заложен раскоп 34х20 м (170 квадратов 2х2 м).

Поверхность раскопа:

Перед началом раскопок на поверхности разбитого на квадраты раскопа в квадрате Б-9 была найдена зернотерка (нивелировочная отметка – 49 см.), а так же найдены разбросанные по всему периметру раскопа на дневной поверхности обломки черепицы и бытовой керамики.

Высоты:

За репер было условно взята поверхность строительного храмового блока в северо-восточном углу. Дневная поверхность раскопа в разных точках составляла от -40 до -50 см. от репера.

Стратиграфия раскопа:

Стратиграфия восточной и северной стенок раскопа по линии 0 выявлена следующим образом: от дневной поверхности (нивелировочные отметки от -30 до -50) 10-15 см. дерн; затем идет куль-

турный слой черного суглинка на глубину до 70-80 см., в котором были выявлены погребения; за черным суглинком начинался слой крупнозернистого морского гравия, толщину которого определить не удалось (для выявления мощности слоя гравия была заложена шурф 4х4 м. вскрытый на глубину 4 м., однако материк так и не был выявлен, гравийный слой уходил вглубь). Все выявленные погребения располагались в слое черного суглинка, состоящего из черной земли с большой примесью глины, морского песка и гравия, на глубине от 35 до 60 см. от дневной поверхности.

По всему верхнему слою земли, от дневной поверхности и вглубь до 60 см., по всей площади раскопа, были разбросаны фрагменты керамики (строительной и бытовой). Этот слой земли долгие годы подвергался глубокой распашке и многие погребения, располагавшиеся ближе к дневной поверхности, были потревожены (некоторые очень сильно).

В связи с тем, что сам храм внутри пока не раскопан, не определена его точная конфигурация, делать выводы о характере и времени его постройки, пока не представляется возможным. По предварительным данным, судя по кладке стен, погребальному инвентарю внутри храма (раскопки 1990),

можно предположить, что храм построен не ранее V в. Хотя, бронзовый нательный крест, найденный на территории храма, аналогичен кресту обнаруженный Л.А.Шервашидзе в храме с.Акапа и датируется им XIII-XIV веками (Шервашидзе, 1959. Табл. XIII, 2. С. 117). Однако храмовый погребальный инвентарь имеет сильный хронологический разброс, что сильно затрудняет делать окончательные выводы, поэтому они самые предварительные

Например, железные ножницы, найденные в погребении внутри храма (1990) и в северо-восточной части территории прилегающей к храму (2007) в погребении №11. Аналогичные ножницы были найдены в погребении на холме Ахул-Абаа в окрестностях Сухума (Воронов, 1979. С. 32-36).

Литература

- Барцыц Р.М.** Раскопки раннехристианского храма в с. Лдзаа // Кавказ: история, культура, традиции, языки, АНА, АБИГИ, Сухум, 2004.
- Воронов Ю.Н.** Ахул-Абаа – поселение античного времени в окрестностях Сухуми // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, Мецниереба, 1979.
- Шервашидзе Л.А.** Церковь в с. Акапа (Одиши) около Сухуми // ТА-ИЯЛИ, XXX, 1959.

Нюшков В.А.,

Сухум

КРЕПОСТИ МИСИМИНИИ И ИХ ЛОКАЛИЗАЦИЯ

Среди отечественной и зарубежной историографии имеется довольно солидный ряд работ, в которых исследуется история мисимиан – представителей древнеабхазского народа и их страны Мисиминии. О них нам становится известно с середины VI в. с периода ирано-византийской войны в Западном Закавказье. Мисимиане появились на арене истории в связи с восстанием против византийцев в 554 году н.э., на страницах летописного свода «О царствовании Юстиниана», автором которого является византийский историк середины VI в. Агафий Миринейский.

Итак, Мисиминия – раннесредневековое древнеабхазское этнополитическое объединение, располагавшееся в предгорной и горной части, занимавшее территорию между реками Кодор и Ингур. На западе Мисиминия граничила с апсилами в районе главной крепости Апсилии – Тцибила. На востоке граница с лазами проходила у Ингура. Мисимиане владели такими крупными крепостями, как Тцахар и Бухлоон (совр. Пахулан). Сведения об этом можно найти в письменных источниках с середины VI – по VII вв. (Агафий Миринейский, Менандр Протиктор, Феодосий Гангрский).

Между тем в письменных источниках точное месторасположение означенных крепостей не указывается, что сделало возможным специалистам локализовать крепости в нескольких местах юго-восточной Абхазии. Главным направлением частью специалистов было выбрано северо-восточнее Апсилии, в верховьях р. Кодор (совр. Гульрыпшский район) (Амичба, 1985. С. 31 и др.) по

месту локализации мисимиан, исходя из представленной информации Агафия Миринейского: «Живут же они севернее народа апсильев и несколько восточнее» (Агафий. Кн. третья. 15). В переводе Штриттера И.Г., переводчика античных и византийских писателей конца XVIII в., звучит так: «они из апсильцев рода более северные, и на восток они несколько простираются» (Штриттер, 2011. С. 38).

Тем не менее, как видно, нет конкретного указания на то, что мисимиане могли проживать только в бассейне р. Кодор, наоборот, восточнее – подразумевается регион современного Очамчыры и др. юго-восточные районы Абхазии. Однако для сторонников данной версии важным является следующий фрагмент Агафия Миринейского, они выдавали его за веский аргумент, а именно, что согласно Агафию, Бухлоон якобы находился недалеко от границы с аланами, поскольку византийцы собирались передать эту твердыню последним (Агафий. Кн. третья. 15), т.е. в той стороне, где Клухорский перевал соединял Аланию и Апсолию-Мисимию¹. Правда там же у Агафия указано, что Бухлоон расположен у самых границ с лазами (Агафий. Кн. третья. 15)². В итоге Бухлоон-Буколос помещали в верховья Кодора (Ш.Д. Инал-ипа, М.М. Гунба и др), там же, в этом регионе, локализуют и другую мисимианскую крепость Тцахар (занимает в сочинении Агафия ключевое место), возле которой разыгралась кровавая битва между византийцами и свободолюбивыми мисимианами.

В источнике Агафия Тцахар предстаёт древней неприступной крепостью, вокруг, которой расположено поселение мисимиан. Природные факторы такие как утёсы и обрывистые скалы создавали большую сложность доступа к крепости (Агафий. Кн. четвёр-

¹ Как известно, на Предкавказской равнине Алания занимала территорию от реки Большая Лаба (приток Кубани) до современной Восточной Чечни. Местами горные области Алании располагались по обеим сторонам Главного Кавказского хребта.

² Попытка локализовать Бухлоон, находившийся на границе с лазами, в верховьях р. Кодор, ошибочно приближает лазов к данной реке, что исторически не соответствует действительности и противоречит данным письменных источников.

тая, 16). Находилась она недалеко от «народа апсильцев», видевших объятые пламенем жилища мисимиан. «Пламя поднялось так высоко, что возвестило о происходящем народе апсильцев и другим более отдалённым» (Агафий. Кн. четвёртая, 19). Данное обстоятельство породило мнение, где эта крепость могла находиться, а именно вблизи соврем. села Джгярда (Очамчыр. р-н), на горе Пскал (Воронов, 1975. С. 150; Афанасьев, 1979. С. 6; Бгажба, Лакоба, 2007. С. 98), больше всего попадающей под описание Агафия, поскольку «очень важна зрительная связь с Цибилиумом, единственным видимым отсюда укреплением апсильцев, наблюдавших пламя горящего поселения у Тцахара» (Воронов, 1975. С. 150).

Ю.Н. Воронов, в частности, считал, что сведения Агафия довольно конкретны в отношении местонахождения крепости Тцахар на вершине горы Пскал, это касается подходов, описания вершины, возраста, топографии и размера укрепления, топографии поселения, расположения источников и описания тропы к ним, протянувшейся в длину стены и т.д. Логичность суждения исследователя подкрепляется и тем, что «Пскальская крепость входит в число основных памятников цебельдинской культуры», что подтверждается основным сопутствующим археологическим материалом, а также общностью планировки крепостей (Воронов, 1975. С. 150).

В то же время, исходя только из описания Агафия в источнике местности, другие исследователи считают, что она даёт основание предполагать, что крепость Тцахар была расположена в районе Багадских скал на правом обрывистом берегу Кодора, соответственно и «Мисимийский путь» должен был пролегать там же (Анчабадзе, 1959. С.12). Такой вывод делается и на основе созвучия топонимов. По мнению Ш.Д. Инал-ипа, «более вероятным представляется отождествление Тцахары с абхазским названием реки, источника и селения Адзгара в верховьях р. Кодор», в районе села Чхалта, где находятся на утёсе развалины древней двухъярусной крепости» (Инал-ипа, 1976. С. 241). Этому же мнению придерживается и Г.А. Амичба (1985. С. 45). Ещё севернее поместил Тцахар М.М

Гунба, к самым истокам р. Кодор, где находятся развалины древней крепости, пока неизученной (Гунба, 1989. С. 142). Однако, на наш взгляд, маловероятно, что в верхней части р. Кодор могла находиться главная крепость мисимиан, поскольку по Агафию ясно видно, что Тцахар был расположен намного ближе к крепости Цибилеум.

Вместе с тем, недостаточно только одной характеристики описания края, ибо здесь в данном случае встаёт вопрос, где именно проходил путь мисимиан, поскольку «идентификация Мисимианского пути тесно связана с проблемой локализации самих мисимиан и их центров» (Воронов, 2008. С. 485). Об этом пути нам повествует византийский историк конца VI в. Менандр Протиктор в связи с посольством византийского чиновника Земарха. Часть исследователей по истории и археологии Северного Кавказа при рассмотрении миссии Земарха к аланскому царю Саросию и его возвращения через территорию Апсилии в Византию по «Миндиминской дороге», ошибочно считают, что дорога проходила через Клухорский перевал (Кузнецов, 1992. С. 60; Прокопенко, 1999. С. 142; Аржанцева, 2007. С. 87; Гаджиев, 2013. С. 62 и др.). Вместе с тем как в действительности это Дарин – Даринская дорога – в настоящее время Военно-Сухумская дорога (Бгажба, 2003. С. 23-25; Ковалевская, 2006. С. 34). Только на основе изучения торговых путей в Западной Алании в V-VI веках А.В. Мастыкова и М.М. Казанский, опираясь на рассказ Менандра, вслед за Ю.Н. Вороновым (Воронов, 2008. С. 485), справедливо полагают, что Даринская дорога была более западной по отношению к Мисимианской (Мастыкова, Казанский, 2000. С. 101).

Менандр Протиктор отмечает: «[Земарха, возвращавшегося от тюрков, к которым его послал легатом Юстин Август] Сародий [аланов царь] убеждал, чтобы он не держал путь через миндимин по той причине, что персы вокруг Свании сидели в засадах, и что взвешено поступит, если домой вернётся через Дарин». Далее Менандр пишет: «Это узнав, Земарх послал через миндимин десять навьюченных всадников, которые должны были быть

восприняты персами как багряноносные, которые из того узнали бы, что Земарх скоро за ними последует, и удалившиеся всадники продолжали путь. Земарх же с областью миндимин попрощавшись, через Дарин пришёл в Апсилию. Оставив миндимин слева (ведь было подозрение, что в этой части персы устроили засады), пришёл в Ретаврию [Роготорию], далее к Понту Евксинскому» (см. Шриттер, 2011. С. 52).

Таким образом, согласно данному фрагменту из сочинения Менандра, видно, что область занимала тот регион, где проходила дорога миндимин, шедшая вблизи Суании, где персы устроили засаду. Суания, согласно данным византийских источников VI в., локализовалась в верховьях Фасиса, Апсилия же в Кодорском ущелье (Воронов, 2008. С. 316). Особо важен для нас и следующий фрагмент, в котором сказано об области миндимин, с которой попрощался Земарх и по Даринской дороге пришёл в Апсилию. Очевидным становится, что Земарх в Мисимию не пошёл преднамеренно. Он, преодолев Клухорский перевал, отправился менее опасной дорогой и далее по ней вышел прямо к центру Апсилии, где находилась резиденция апсильских правителей – Раготория (или, как у Менандра, Ретаврия), скорее всего это была крепость Шапки, и далее к крупнейшему порту византийцев на Восточном Причерноморье, к Себастополису.

Указание Менандра, «оставив миндимин слева» – красноречиво свидетельствует о том, что мисимиане проживали в междуречье Кодора и Ингура, где собственно говоря, и проходил путь мисимиан, т.е. вдоль р. Ингур, где по Агафию, в VI веке находилась граница между лазами и мисимианами. Менандр подчёркивал, что путь мисимиан проходил вблизи сванов, которые в VI в., согласно данным Прокопия Кесарийского, обитали восточнее мест их нынешнего пребывания, занимая верховья Риона (Воронов, 2008. С. 485). Тогда становится понятно, почему Земарх оставил мисимиан слева, т.е. слева от Даринской дороги и отправился по дороге Даринской. Следовательно, «Мисимийский путь» через перевалы

Баса Чубери и Донгуз-Орунбаши (Накра) соединял ущелья рек Ингури и Галидзга с верховьями Баксана и Кубани» (Скаков, 2013. С. 51). Не мог, в том числе, он проходить и через Мамисонский перевал по долине реки Риони (Ртвеладзе Э.В., 2015. С. 361). Данный вывод доказательно опроверг О.Х. Бгажба (2015. С. 466).

Что же касается расположенной на границе с аланами в Мисиминии крепости Бухлоон в верховьях р. Кодор, то тут мы вынуждены столкнуться с противоречием, поскольку сама крепость должна находиться на Мисимийском пути, но никак не на Даринской дороге (на которой, как выше уже указывалось, её не верно помещает, ряд исследователей). Считаем вполне оправданной точку зрения Ю.Н. Воронова, согласно которой крепость Бухлоон-Буколот располагалась в ущелье Ингура (на месте современного села Пахулан (Галский р-он)¹. Значимо, что тут намечался «важный пограничный пункт между Византией и Аланией» (Воронов, 2008. С. 316) и тут также можно говорить о близости к перевалу через Главный Кавказский хребет – Донгуз-Орунбаши. Данный вывод поддержан О.В. Маан (2014. С. 34), В.Е. Кварчия (2016. С. 292) и др. До этого, в начале XX века, Бухлоон с селом Пахулан был отождествлен А. Бриллиантовым (1917. С. 33).

В этой связи, на наш взгляд, необоснованно выглядит, в частности, вывод А.Ю. Виноградова, о том, что дважды занятая аланами крепость Бухлоон или Букол (у Агафия и в ПАФ 4) в качестве места для сбора переправляемой в Аланию дани (у Агафия) должна находиться в зоне расселения древних мисимиан, т. е. в верховьях р. Кодор. Данный вывод автор основывает на том факте, что если означенная крепость двукратно (у Агафия и в ПАФ 4) была занята аланами в качестве места для сбора переправляемой в Аланию дани (у Агафия), то это говорит о ее близости к перевалу через

¹ Здесь важно и фонетическое сопоставление форм названия крепости: древнего Бухлоон и современного Пахулан, в названии которого имеется слово предел, граница. Кстати, село Пахулан со своей одноимённой крепостью являлось значительным пунктом Абхазии ещё в начале XX столетия (Кварчия, 2006. С. 225).

Главный Кавказский хребет (Виноградов, 2014. С. 226). Безосновательно и другое мнение, мнение К. Цукермана, согласно которому, аланы забирают контроль по обе стороны горного хребта, над торговым путём, пролежавшим через Клухор (Цукерман, 2005. С. 75). В данном случае К. Цукерман считает, что «эта динамика отражается в «Армянской географии», где Алания простирается до истоков Кодора, включая в себя Кавказский хребет», но тут можно возразить, так как в период создания «Армянской географии» «по соглашению с Византией в состав Алании были включены верховья не Кодора, а Ингура – от крепости Бухлоон-Буколот (Пахулан) до перевалов Северного Кавказа» (Воронов, 1998. С. 72).

По мнению А.Ю. Виноградова, «отсутствие же крепостей в течение р. Чхалты, на пути к Марухинскому перевалу, заставляет искать её (крепость Бухлоон) близ Клухорского перевала в течении р. Клыч, где, действительно, рядом с перевалом расположена византийская крепость – Клычская» (Виноградов, 2014. С. 226). Вместе с тем, известно, что Клычская крепость, построенная позже описываемых Агафием событий (VIII–IX вв.), служила важным форпостом против возможных проникновений врагов с Северного Кавказа на территорию Абхазского царства. Именно тут в раннем Средневековье проходили пограничные оборонительные рубежи означенного царства.

Нельзя не отметить очевидную языковую и этнокультурную близость апсилов и мисимиан, которая не даёт чёткого этнотерриториального разграничения между ними. Неслучайно в письменных источниках VII в. (Феодосий Гангрский) апсилы и мисимиане указываются вместе: «страна апсилов и мисимиан». Мисимиане мало чем отличались от своих соседей апсилов, являясь одним из подразделений последних. Единство их материальной и духовной культуры доказывается массовым археологическим материалом, керамическими и металлическими изделиями, обрядами захоронения.

Таким образом, считаем вполне оправданным мнение, что не следует мисимиан расселять лишь в верховьях реки Кодор, по-

скольку «идентификация Мисимианского пути с ущельем реки Ингур и выходом на Северный Кавказ через перевал Накра свидетельствует, что мисимиане занимали всю предгорную и горную часть Южной Абхазии в междуречье Кодора и Ингура» (Маан, 2014. С. 34). Здесь же (по р. Ингур) проходила граница между мисимианами и лазами.

Литература

- Амичба Г.А.** Восстание мисимиан в середине VI века // ИАИЯЛИ. XIII. Тб., 1985.
- Амичба Г.А., Папуашвили Т.Г.** Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей (VI–VIII вв.). Тб., 1985.
- Анчабадзе З.В.** Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959.
- Аржанцева И.А.** Каменные крепости алан // РА. №2. М., 2007.
- Афанасьев Г.Е.** К вопросу об экономических связях раннесредневекового населения Кисловодской котловины – Малокарачаевского района (вторая половина V – первая половина VIII вв.) // ВСИНКЧ. Черкесск, 1979.
- Бгажба О.Х.** Абхазия и Великий шёлковый путь // ТАГУ. № III. Сухум, 2003.
- Бгажба О.Х.** Заметки по поводу статьи Э.В. Ртвеладзе «ΔΑΡΕΝΗΣ ΑΤΡΟΠΟΝ: маршрут византийского посольства Земарха по Средней Азии и Кавказу» // ПИФК. 2015. 1, 354–364. // ПИФК. 2015, 3.
- Бгажба О.Х., Лакоба С.З.** История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.
- Бриллиантов А.О.** О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника // Христианский Восток. Т.6. Выпуск 1. Петроград, 1917.
- Виноградов А.Ю.** К локализации византийских крепостей в Апсилии // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа.

XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. М., 2014.

Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.

Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. Источники. Историография. Археология. Сухум, 1998.

Воронов Ю.Н. Ещё раз о раннесредневековых перевальных путях через Западный Кавказ // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М., Ставрополь, 2008.

Воронов Ю.Н. Из истории византийско-аланских связей в VI–VII вв. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М., Ставрополь, 2008.

Гаджиев М.С. Хумара: некоторые строительные параллели и проблема датировки укреплений // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова. М., 2013.

Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения). Сухуми, 1989.

Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006.

Кварчия В.Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа или о языке и истории абхазов и абазин. Сухум, 2016.

Ковалевская В.Б. Даринский путь и связи Византии, Апсилии и Алании // Первая абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Маан О.В. Культурно-этнические контакты абхазов в раннем Средневековье. Сухум, 2014.

Мастыкова А.В., Казанский М.М. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI веках // Материалы конференции. XXI

Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000.

Прокопенко Ю.А. История северо-кавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь, 1999.

Ртвеладзе Э.В. «ΔΑΡΕΝΗΣ ΑΤΡΟΠΟΝ: маршрут византийского посольства Земарха по Средней Азии и Кавказу» // ПИФК. 2015.

Скаков А.Ю. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. Том I. Абхазия. М., 2013.

Цукерман К. Аланы и асы в раннем Средневековье // КСИА. 218. М., 2005.

Шриттер И.Г. Авасгика. Апсилика. Мисимианика. Новый Афон, 2011.

Сангулия Г.А., Кармов Т.М.,

Сухум, С.-Петербург

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ХАШЫПСИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА ГАГРСКОГО РАЙОНА

Совместная экспедиция Госуправления по охране историко-культурного наследия РА и студенческого отряда волонтеров Санкт-Петербургского Госуниверситета провела срочные охранно-спасательские работы на территории заповедника «Хашыпсинская крепость». Здесь уже неоднократно сотрудники Управления фиксировали грабительские ямы разрушителей древнего памятника, проникающих сюда вместе с туристами. Наряду со старыми повреждениями культурного слоя внутри крепости, появились несколько новых следов с разбросанными находками, очевидно не представляющими антикварную ценность. Это, прежде всего керамика, черепица, железные и каменные предметы, которые обязательно должны быть учтены для начала стационарного исследования объекта, занимающего важное место в ряду синхронных памятников Абхазии. В этих целях нами проводились систематические сборы материала на участках с нарушенным культурным слоем с фиксацией и описанием подъемного материала, для составления отчетного документа, публикаций артефактов и сдачи в фонды музейной коллекции.

Наряду с этими работами было начато изучение оборонительных сооружений: техника кладки возведения всех объектов комплекса, стратегические и тактические возможности, инженерно-техническое состояние. Анализ и обмер строительного материала, применение тонких каменных удлиненных

плит (вместо плинф) для выравнивания и связки рядов кладки, а также даты потревоженного материала, уточняют прежние хронологические и типологические особенности памятника. Для конкретизации археологической ситуации, на одном из нетронутых участков в удалении от входа в цитадель, на северной периферии, был заложен контрольный шурф, который также подтвердил положение объекта в составе позднеантичных и раннесредневековых комплексов Абхазии VI-VII вв. Для предупреждения разрушения памятника стихийными силами и ясности картины фиксации были проведены работы по расчистке от кустарников и отдельных деревьев, создающих ему угрозу. И в таких случаях, как и на местах довоенных разрушений каменных могил, нами был зафиксирован ряд находок, представляющих научную ценность.

Все полученные артефакты подвергнуты затем камеральным исследованиям, проведен их сравнительно-типологический анализ с древностями Абхазии. В этом отношении представляют интерес все виды находок. Фрагменты керамической продукции представляют следующие категории: пифосы, горшки, миски со штриховой отделкой поверхности и орнаментацией на венчике и заплечике. Строительная керамика представлена лотковой и полукруглой черепицей, и заметных технологических обособлений не имеет. Тем не менее, некоторая разница делит всю группу на два варианта, возможно, эта дифференциация хронологического порядка. Об этом говорят красный обжиг, наличие наполнителей и звонкий характер первой группы, которая судя по технологии замеса глины и ее обжига датируется в пределах 5-7 вв. н.э. Вторая группа темно-коричневая, тяжелая, сохраняет следы доработки шпателем, и изготовлена из глины однородного замеса. Такая керамика датируется концом раннего Средневековья и поздним временем, до 14 в. н.э. Металлический инвентарь включают известные трехконечные кресты с расширяющимися рукавами, круглыми завершениями

на конце и острыми насадочными основаниями. Часть из них могут быть насадками древка знамен христианского воинства, поскольку найдены прямо у стен храма и имеют ряд таких аналогий. Часть из них, как сообщают поздние авторы, были дарами, которыми в дни христианских праздников обменивались единоверцы. Литой нательный крестик грубой формы, обнаруженный на отвалах, не использовался (у него остались грубые заусеницы, и поверхность не подвергнута шлифовке). Представляют большой интерес, орнаментированный оконечник ножен кинжала, крючковидное орудие с насадом, четырехконечные противоконные шипы, треугольная пектораль для конской сбруи и кольцо для сбруи, четырехгранные и остроугольные черешковые стрелы, пластины панцирного доспеха, подвижные ушковые фиксаторы перемычек окон и дверей, ключ, нож черешковый с накладными ручками и другие единичные находки. Все эти предметы характеризуют костюм, защитное облачение и личные вещи местной феодализованной знати и их приближенных. Найдены фрагменты полотна двусторонней пилы, небольшой железной стамески с выраженным бойком и оселок для правки режущих кромок, что для истории техники и строительства весьма интересно. Поздние находки представляют себе гильзы и российская монета. Большая часть единичных, но характерных находок (вне погребений), являлись жертвенными предметами воинов, принесенных ими местному божеству, как это зафиксировано в разных культовых местах Абхазии.

Зачищен и рассмотрен верхний руинированный горизонт базилики, расположенной на краю цитадели. Здание сохранилось до высоты 1 м. В ю-в части снабжен дополнительным дверным проемом, а кладка изнутри проведена по обе стороны елочкой, правда, на разных высотах. Полукруглая апсида была заштукатурена в древности и покрашена охрой светло-коричневого цвета. Кладка ровная, перевязь четкая, на закруглениях подгонка выдержана строго, а на плане изнутри просматриваются заплечики. Архитек-

турный стиль и техника возведения сооружения отражают черты синхронизации с комплексом в целом, и приходится он на VI-VII вв. н.э. Этому соответствует и дата раннего археологического материала. Обращает на себя внимание, что храм воздвигнут на самом защищенном участке, возвышающемся над отвесной скалой, которая в некоторых случаях подправлена и доведена в единую сплошную стену с помощью заделок и кладки из колотых каменных блоков.

Представляет интерес и подковообразное сооружение в земле из каменных плит, уложенных по горизонтали, без содержания находок. Он имеет прямоугольное начало, ступеньку из плиты и представляет возможно собой не просто резервуар для воды, а весьма близок с таким сооружением как крещальная купель для неофитов.

Были осмотрены прежде обнаруженные подкопы внешних естественных отвесных стен, где непрошенный посетитель углубился в полость на 1 м. Этот прежде не известный случай связан с убеждением о жертвовании в основании древнего сооружения или втекании в стену стрел и т.д.

Нами осмотрена также часть каменной лестницы, требующей зачистки и отдельного исследования. Очень похоже, что она ведет вверх, в цитадель, через зауженный проем (является, возможно, местом калитки), напоминающий узкий проход соседних абазгов в крепости Трахеи, описанной Прокопием Кесарийским.

В целом силами абхазо-русской экспедиции была проведена полезная полевая, а затем и камеральная работа на территории важного объекта фортификационного значения Гагрского района (Хакара средневековых карт). Были зафиксированы все случаи угрозы и предприняты шаги по их предупреждению, охране и пропаганде достояния Республики Абхазия.

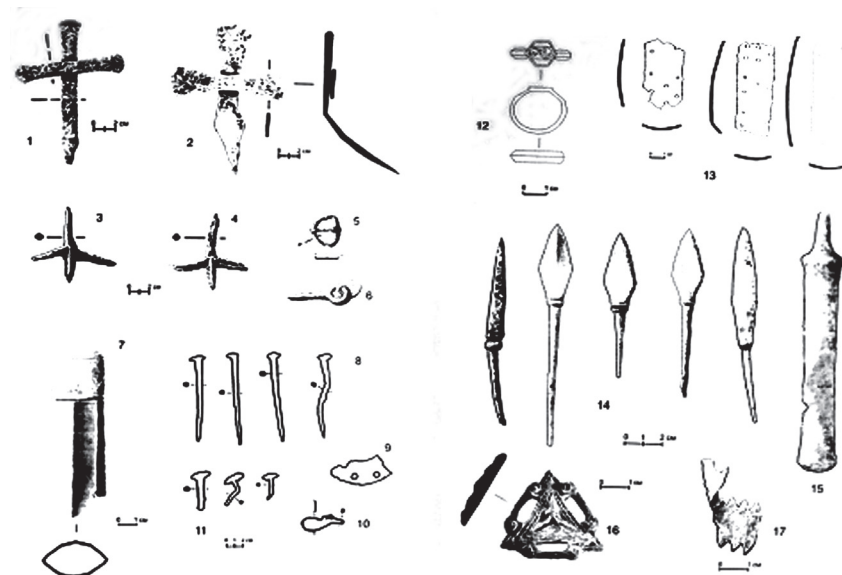

Рис. 1. Хашпсы. Находки.

АБХАЗИЯ. ХРИСТИАНСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ В АНАКОПИЙСКОЙ КРЕПОСТИ

Анакопийская крепость является знаковым сооружением в истории и формировании раннесредневековой государственности Абхазии. Именно в этом месте произошло знаменитое сражение между Абхазией и объединенными войсками Арабского халифата. О битве и о победе над арабами у стен Анакопии в 737 году, пишут грузинские средневековые источники (Летопись Картли. 1982. С. 48., Джуаншер Джуаншериани. 1986. С.103). Нужно отметить, что есть исследователи которые считают, что возможно этой битвы не было, из-за не возможности воевать на два фронта и отсутствия других исторических сочинений ни на арабском, ни на армянском и ни на византийском (Касландзия, 2017. С. 80-81). Но при этом другие исследователи допускают, что он – Мурван Кру мог воевать в Лазике, но в Апсилии и в Абазгии могла воевать часть его войска, но без него. При этом эти исследователи пишут о том, что арабское войска Мурвана победило в Анакопии те есть «...нанесли поражение союзному абасго-картлийскому войску под Анакопией,...» (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 27). Думается, что такие мысли возможно не оправданны. Потому что известно, выигравшая сторона всегда склонна слегка а то и во много крат преувеличивать свою победу. Действительно, это явно видно в грузинских источниках. Но в тоже самое время, отсутствие сведений в средневековых источниках с проигравшей стороны тоже должно пониматься, потому что, о своих неудачах не всякий лидер

мог, а возможно и не желал свой позор фиксировать. Что касается армянских или персидских данных, то можно полагать, что армяне и персы входили в эту коалицию и поэтому им тоже не сподручно было в своих летописях все это фиксировать. Но, эта победа позволила правителю Абазгии – Абхазии заявить о своей возросшей военной силе и экономической мощи страны. Дипломатия и политическая воля правителя Абхазии дала возможность противостоять могучей военной силе и экспансии Арабской исламской империи. Это победа стало отправным пунктом начало формирования Абхазской раннесредневековой государственности и постепенного выхода из под опеки византийского государства. Мягкая форма разрыва Абхазии от Рима-Византии, могла служить из-за того, что она – Византия не оказала военную помощь, тогда когда Абхазия в этом жизненно нуждалось. В тоже самое время Византия могла и не оказать помощь по разным причинам. Во-первых сама империя и её столице угрожали сами арабы. Во-вторых, а это может даже главное, Византийский император Лев II – Исаурийский. не мог, не помнить обиду нанесенную ему Абазгами – Абхазами в 706-711 гг. К этой проблеме можно добавить ещё то, что во время его правления 717-741 гг. в Византии начало разгораться иконоборческая борьба между иконоборцами и иконопочитателями. На перифериях империи местные правители, в том числе и Абхазский сохраняли свое иконопочитания. В этом контексте интересно появление красивой легенды о божественном явлении нерукотворной иконы богородицы в Анакопии (Летопись Картли, 1982. С. 295). Нам представляется, что в этой легенде можно увидеть отголоски религиозно-духовного противостояния между византийцами и абасгами – абхазами. Появления нерукотворной Анакопийской иконы Богородицы говорит и о некоем разрыве абхазского правителя с Византией. Победа в Анакопии под знаком нерукотворной иконы делает Абхазское государство знаменем иконопочитателей. Она стала катализатором объединения западнокавказских христианских народов, затем и всего Закавказья.

Крепость Анакопия расположена на одноименной горе у берега Черного моря. В позднеантичное время эта крепость была известна как Трахея. Именно в этой крепости и произошло известное, но вместе с тем страшное преступление римлян-византийцев в 550 году. Захватчики, варварским образом потопили в крови зарождавшаяся в позднеантичное время Абазгское – Абхазское государственное образование. Фактически город Абазгов и его население было уничтожено (Прокопий Кесарийский, 1950. С. 402). Этот же автор пишет об этой крепости Трахеи достаточно почтительно «...у подножия этой горы еще в древности Абазги построили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное. Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могут преодолеть неприступности этого места» (Прокопий Кесарийский, 1950. С. 401). Хотелось бы заметить, в этой фразе Прокопий подчеркнуто отмечает, что именно Абазги построили а не ктонибудь другой неприступную крепость.

Крепость Анакопия, как наследница той знаменитой крепости Трахеи состоит из двух взаимосвязанных разноуровневыми и разновременными оборонительными системами стен и башен. Наиболее древняя крепость, она же и цитадель, расположена на вершине горы. Возможно, она является остатком той крепости Трахеи, которая была разрушена и сожжена римлянами. Цитадель занимает верхнее плато Анакопийской горы, высота над уровнем моря 340 метра, площадь которого равна 83х37 метров. В 1926 году в этом памятнике исследовательские изыскания проводил А. С. Башкиров (1926. С. 54-57.) Внутри цитадели имеется два знаковых сооружения: храм Святого Феодора и осадный колодец с неиссякаемым – источником со святой живительной водой. Цитадель сильно укреплена с юга и юго-восточной стороны откуда могли напасть противники. Внутри цитадели сохранились две разновременные боевые башни, западная сильно руинированная, другая, восточная башня восстановленная, возможно в свое время она выполняла роль донжона. Ниже этой цитадели, поперек южного

склона горы предположительно в VII веке была возведена мощная крепостная стена с башнями. Она возведена по всем принципам византийского фортификационно-инженерного искусства той эпохи. В нижней части комплекса Анакопийской крепости сохранился базиликальный храм зального типа. Этот нижний храм, условно называемый солдатским или воинским, располагался между цитаделью и нижней крепостной стеной. Храм был небольшого размера зального типа с выступающей полукруглой апсидой на востоке. Храм имеет заплечики. Наружные размеры 9,5х6,1м., по плану М. М. Трапш который археологический исследовал этот памятник. Толщина стен храма 0,8 м. Ширина дверного проема расположенного на западной стене 100 см. (Трапш, 1975. С. 100–108). Пол храма был выложен керамическими плитами. Внутри храма и вне были обнаружены захоронения, которые относятся ко времени его функционирования. В этом храме были найдены резные орнаментированные каменные блоки. Они могли служить декором оконных или дверного проёмов. В тоже время нельзя исключить о принадлежности этих орнаментированных блоков алтарной преграде, если таковой имелся в этом храме.

Второй храм расположен внутри цитадели на самом возвышенном месте. Считается, что храм посвящен святому Феодору и он сильно руинирован. Это храм исследовался в двадцатом веке исследователями как А. С. Башкиров (1926. С. 54–57), и М. М. Трапш (1975. С. 88–148). Окна за исключением алтарных, свод и двери, в храме отсутствуют. Алтарные окна и боковые двери раннего периода в храме позже были заложены. А западные дверные проемы нартекса и экзонартекса частично разрушены. Но при этом все основные черты и параметры храма св. Феодора, несмотря на серьезные реконструкции времен его функционирования, сохранились гораздо лучше, чем нижний-солдатский храм. Церковь сильно вытянут по оси восток-запад. К основному объему храма с запада пристроены две разноуровневые пристройки, выполняющие функцию нартекса и экзонартекса, в них имелись склеповые

захоронении. Апсидная часть храма с востока выступала полукруглой формой, и имел заплечики. Изначально храм имел три широких алтарных окна, два из них в процессе поздней реконструкции были заложены, а одну суживался. Наружные размеры храма св. Феодоры – длина 17 м, ширина 10 м. Любопытно, что по нашим обмерам первоначальная толщина продольных стен храма составляла 0,85 x 0,95 см. настоящее время толщина достигает 200 см. Разность размеров толщины стен увязываем с тем, что храм мог быть поврежден землетрясением и все возможными природно-климатическими встрясками. Или же разные военные акции которое были в Анакопии могли привести к конструкции храма к ослаблению структуры его стен. Поэтому приходилось поддерживать конструкцию храма, усиливая его стены изнутри и снаружи, что и утолщало. Толщина этих же стен после средневековой реконструкции достигла 200 см. Толщина восточной части апсиды с учетом реконструкции достигла 1,5 м. В апсидной части увеличился не на столько из-за того что внутренняя часть апсиды не перетерпела изменений. Что касается западной стены храма, то она, на наш взгляд может относиться целиком ко времени последней реконструкции, и толщина её достигает 1,2 м.

Время возведения христианских храмов внутри Анакопийской крепости у многих исследователей вызывает большие научные споры. Чаще всего эти оба памятники датируются ими в пределах X-XI веков. Однако, такую версию датировки этих памятников без соответствующих обоснований нельзя считать правильной. Хотя, она может отчасти быть правильной. М. М. Трапш Нижний-солдатский храм датирует временем развитого средневекового абхазского царства (Трапш, 1975. С. 100–108). Однако для датировки он приводит каменный резной орнамент геометрической конфигурации оконного или дверного, или алтарного блоков. Этот резной каменный орнамент действительно относится ко времени X–XI вв. Подобные орнаменты можно найти в Бедийском храме Влахернской Божией матери и в храме Джгериан Абаа в селе Река. Но при

этом не учитывалась и не учитывается возможность появления резных деталей в более позднее время, тогда когда обветшавшие от времени здания обновлялись. Что касается крепости и храмов они как раз обновлялись в десятом или в одиннадцатом веке. Именно к этому времени и относятся по нашим данным и резные орнаменты. Исходя из этого считаем, что постройка нижнего или солдатского храма из-за форм его плана должна относиться к более раннему времени. Делая анализ формы плана храма, сравнивая с другими церквями подобного типа как зальность – однефность с выступающими апсидами полукруглой формы, сравнивая их строительный материал из которого они построены, близость или идентичности форм их планов и всех остальных параметров вплоть до толщины стен позволяет более обоснованно предположить датировку. Думается, что нижний – солдатский храм должен был быть возведен в более раннее время. Подобные храмы с выступающей полукруглой формой апсиды характерна для эпохи позднеантичного или раннехристианского времени. В Римской-Византийской империи полукруглые апсиды на перифериях империи часто встречаются. Поэтому храм солдатский могли построить ещё до начала строительства второй крепостной стены. Вторая крепостная стена по данным археологов, которые исследовали некоторые башни как Трапш М. М. и др., считают, что вторая линия крепостной стены строилась в VII веке. А также, по мнению Ю. Н. Воронова, вторая линия стены была возведена в VII или в начале VIII веков (Воронов, 1978. С. 45). Соответственно и солдатский храм можно датировать не позднее этим же временем. Исходя из этого и сравнивая размер этого храма и выступающую полукруглую апсиду с аналогичными памятниками в Абхазии мы можем предположить, что время возведения первоначального храма может относиться ко времени до VII века, но не как X или XI векам. Те исследователи, которые опираются на некоторые резные орнаменты в своих датировках, на наш взгляд, не учли, что они могли относиться ко времени серьезных ремонтно-восстановительных ра-

бот, проводимых в начале XI века в крепости. Именно в это время Анакопийская крепость была передана византийцам абхазским царевичем Дмитрием, выступившем против наследного царя правителя Абхазии Баграта IV – по грузинской хронологии или Баграт III по абхазской версии.

Второй и основной храм Святого Феодора в цитадели Анакопийской крепости исследователями датируется в широком диапазоне от VI – до XI вв. Впервые в 2012 году этот храм был обмерен автором статьи. Детальная прорисовка плана показала отчетливо, что верхний храм святого Феодора в цитадели претерпевал серьезные ремонтно-строительное воздействие. Продольные стены храма утолстились почти в два раза. При толщине стены первого периода строительства в 85-95см увеличился на 110-115см. при последующих ремонтно-восстановительных работах.

Первоначально храм мог появиться во время постройки верхней крепости. Если допустить, что храм воздвигли после постройки крепости цитадели, то все равно он может относиться к середине VI века. Это было время, когда христианская ортодоксальная религия вторично начала распространяться по всей Абхазии. Вторичное распространения и усиления её связано с именем византийского императора Юстиниана Великого. Именно в его эпоху Абхазия была покорена и в столице империи была им открыта школа для абазгских детей. Кладка стены храма цитадели Анакопии, и выступающая полукругом апсида, и параллельные щёки широких алтарных окон, и их полуциркульные формы наверху говорят о VI веке. Тем более, выступающие полукруглые апсиды в храмах Абхазии зафиксированы в достаточном количестве. Наиболее ранняя из них относится к началу IV века. Эта храм №1 в Пицундском городище, также крещальня в Гудаа-Зиганисе, в храме в Очамчыра-Гиеносе и в храме в Хашупсинской крепости. Также храмы Грузии и Армении. К концу пятого века относится известный Болнисский храм в Грузии. Характерные широкие оконные проемы с параллельными щеками также представлены в Абхазии.

Такие формы имеются в культовых сооружениях Абхазии в таких известных памятниках, как Цандрыпшский и Драндский храмы. Для дополнительной аргументации датировки храма Св. Феодора были использованы результаты физико-химического анализа, полученного исследователем Требелевой Г. В. и её группой. Анализ известкового раствора, взятого из алтарной части храма, показал очень высокий процент содержания Са-кальция 94%, а наполнители Si-6%. Такое процентное соотношение характерно для памятников позднеантичного и раннесредневекового времени. Полукруглая апсида и алтарь храма относятся к самому раннему периоду строительства храма характерно для V-VI вв., также начало VII века. Анализ раствора, взятого из ниши южной стены, показало уменьшение содержания Са 83%-84% и увеличение процента наполнителей Si 16%-17%, что также может соответствовать следующему строительному периоду, возможно относящегося времени в пределах VIII-IX веков. Анализ раствора, взятого из нартекса и экзонартекса, показал резкое понижение Са 59%-47% и повышение процентов наполнителя Si 41%, 53%. Такое резкое различие изменения раствора, вероятно, говорит о более позднем времени возведения пристроек храма. Думается, что храм Св. Феодора претерпел несколько строительных периодов. Это видно и в конструкции самого храма и анализ известкового раствора косвенно это доказывает. В этом плане наши выводы и результаты анализа раствора совпадают.

Литература

- Башкиров А. С.** Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года // ИАНО. Вып IV. Сухум, 1926.
- Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В.** Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII-X в. М., 2015.
- Воронов Ю.Н.** В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978.

Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Тбилиси, 1986.

Касландзия Н. В. Генезис и становление Абхазского царства. Сухум, 2017.

Летопись Картли Картлис Цховреба. Тбилиси, 1982.

Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1950.

Трапш М. М. Труды. Т. 4. Сухуми, 1975.

Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Т. 4. Сухум. 1975.

Гупало В. Д.,

Львов

ДЕРЕВЯННЫЕ НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТИКИ XII в. ИЗ ЗВЕНИГОРОДА ГАЛИЦКОГО

Звенигород¹ – раннесредневековая столица удельного княжества в Галицкой земле. На территории бывшего города, во всех его структурных частях зафиксированы следы десяти христианских храмов. Археологически изучены остатки двух деревянных церквей на детинце и торговой площади восточного пригорода и одной каменной святыни на окольном городе (Могитич, 1995. С. 18-21). Вблизи храмов и в пределах города обнаружено несколько десятков христианских предметов личного благочестия. В массовом количестве встречаются нательные крестики, изготовленные из цветных металлов, янтаря и камня. На этом фоне выделяются три находки из дерева, которым посвящена предлагаемая статья.

Крестики обнаружены на территории северо-восточного укрепленного пригорода. Это самая низменная часть города, занимавшая болотистую пойму правого берега р. Белки. Благодаря влажной торфянистой почве на месте раскопок выявлены реликты деревянной застройки (мостовая, улицы и проулки и расположенные вдоль них, огражденные заборами усадьбы с комплексами жилищно-хозяйственных строений и т.п.), а также изделия из органического сырья – дерева и кожи (Свешніков, 1987. С. 94-101). Согласно стратиграфии, прослежены три строительных горизон-

¹ Городище находится в центре с. Звенигород (Львовская область, Украина) на расстоянии 28 км на юго-восток от Львова.

та, датируемых на основании дендрохронологического и радиоуглеродного анализов: нижний горизонт – конец XI в.; средний горизонт – 1110 г.; верхний горизонт – 1137 г. (Свешников, 1990. С. 107-110). Северо-восточный пригород, как и весь город, был сожжен во время похода хана Батыя на Русь.

Деревянные крестики выявлены на территории двух усадеб и связаны с постройками разных строительных ярусов.

Одна из усадеб располагалась вдоль восточной стороны мостовой (Рис. 1). На нижнем ярусе здесь первично возвели лишь хозяйственную постройку №10, которая, судя по толстому слою конского навоза, была конюшней (Рис. 2). К постройке примыкала огражденная территория, используемая для летнего постоя лошадей. Конюшня и одновременные с ней все строения в пределах северо-восточного пригорода сгорели около 1110 г. После пожара пепелище было засыпано и выровнено толстым слоем земли, содержащей бытовой мусор. Среди разнообразных предметов в упомянутой подсыпке был обнаружен крестик, сохранившийся не поврежденным (Рис. 3, 1). Согласно стратиграфии, время использования артефакта относится к нижнему горизонту и датируется концом XI – началом XII века. После уничтожения конюшни, рядом на свободной территории построили срубный жилой дом (№7) с дощатым полом и глинобитной печью. Эта постройка, относящаяся к среднему строительному горизонту, также вскоре сгорела – согласно дендрохронологическому анализу подкладки под сруб, где-то около 1149 г. В середине XII в. на месте пожарища развернулись масштабные строительные работы (Рис. 1). Вся территорию подсыпают землей с бытовым мусором и тщательно выравнивают. На месте конюшни возводят ремесленную мастерскую №1, рядом с ней, посреди двора располагают кузницу; ближе к мостовой сооружают два жилых дома: один (№ 3) на месте жилища № 7 и второй двухэтажный дом с отопливаемой подклетью (№ 8). Эта огражденная по периметру усадьба, принадлежащая зажиточному ремесленнику, относится к заключи-

тельной фазе существования Звенигорода. Она, как и весь город, была сожжена в результате монголо-татарского набега. К этому верхнему строительному горизонту относится находка ожерелья, состоящего из 31 стеклянной бусины, выполненной из синего прозрачного стекла и из непрозрачной зеленой стекломассы, украшенной завитками белой и желтой эмали. В состав украшения входил деревянный крестик, от которого сохранилась лишь небольшая часть верхней лопасти (Свешников, 1987. С. 97). Ожерелье обнаружено на завалинке дома № 3.

Оба вышеупомянутых крестика имели тождественную форму. Изделия представляют собой тип равноконечных крестов, целый образец из которых имел размеры 26 x 37 мм; лопасти, круглые в поперечном сечении, имели диаметр 7 мм. В верхней части вертикальной лопасти просверлено поперечное отверстие диаметром 3 мм (для подвешивания); средокрестие профилировано радиальными надрезами, которые образуют косой («сияющий») крест. На нижней части вертикальной лопасти вырезаны шесть букв: «**СВ Д ІСХ**». И. К. Свешников рассматривал набор этих букв как сокращенную надпись: «**Святое дерево Ісуса Христа**» (Свешников, 1988. С. 146). Согласно дендрологическому анализу крестик выполнен из дерева южного происхождения – ливанского кедра или средиземноморской сосны¹.

Принято считать, что появлению подобных амулетов положило начало событие, имевшее место 3 мая 326 г. н.э., когда св. Елена, мать византийского императора Константина Великого, нашла на Голгофе остатки креста, на котором распяли Иисуса. С тех пор частицы древа Животворящего Креста были разосланы по всей империи. Амулеты, изготовленные будто бы из оригинального креста, особенно захлестнули Европу после первого крестового похода западноевропейского рыцарства в Палестину в 1096-1099 гг. (Korabiewicz, 1974. S. 46–58). Торговлю анало-

¹ Определение ботаников Львовского лесотехнического института профессора С. В. Шевченко и доцента Б. И. Цыбыка.

гичными изделиями широко наладили и в самой Византии, откуда миниатюрные копии «настоящего креста» могли попадать на Русь. О том, что подобные реликвии достигали, в частности, и территории Юго-Западной Руси свидетельствует тот факт, что польский король Казимир III, захватив Львов в 1340 г., вывез в Краков среди прочих трофеев также два фрагмента дерева из «настоящего креста» Христового, которые хранились в сокровищнице галицко-волинских князей (Długossi, 1870. S. 197). Их присутствие на западноукраинских землях отмечает и галицко-волинская летопись: серебряный крест с реликвией. Крест князь Владимир Василькович подарил собору святого Иоанна Богослова в Луцке (Ипатьевская Летопись, 1998. Стб. 926). Интересный реликварий XII-XIII вв. найден на Шепетовском городище (древний Изяславль). Небольшая серебряная шкатулка содержала частицу мощей св. Стефана и древа Креста Господнего (Пескова, 1997. С. 48-50).

Еще один фрагмент подобного крестика обнаружен в Звенигороде на территории богатой усадьбы, расположенной через два двора от ранее описанной. Здесь в комплекс из семи построек входило два двухэтажных сооружения, с внешней галереей (со стороны мостовой) и сквозным проездом на внутреннее подворье. Крестик найден в слое подсыпки, которой была перекрыта разрушенная пожаром хозяйственная постройка №32а с дощатым полом из среднего горизонта (Рис. 2). На ее месте возводят новое сооружение тождественного назначения. Крестик во времени синхронен постройке №32а, на основании чего датируется широко XII в. У изделия сохранились лишь две лопасти (Рис. 3, 2). Длина нижней части вертикальной лопасти до средокрестия составляет 15 мм, реконструированная длина горизонтальной лопасти достигала 25 мм. Таким образом, по форме и способу профилирования средокрестия этот крестик тождественен образцу из подсыпки над постройкой №10. Однако в отличие от него вертикальная лопасть крестика из под-

сыпки над сооружением №32а профилирована острым ребром как на аверсе, так и на реверсе.

Согласно хронологии время бытования вышерассмотренных крестиков приходится на XII – первую половину XIII в. Обнаружены они, как правило, в пределах богатых усадеб ремесленно-купеческой элиты. Вне всякого сомнения, настоящие предметы личного благочестия являлись предметами привозными и, следовательно, дорогими. Остается открытым вопрос о путях, которыми аналогичные изделия попадали на Русь. О возможном продвижении амулетов из Византии мы уже упоминали. Наряду с этим, интересно мнение исследователей, склонных предполагать привнесение фрагментов древа Креста Господнего также из Западной Европы. Известно, что общим символом паломнического братства были морские раковины, которые одновременно являлись также атрибутом апостола пилигримов св. Якова и местным знаком паломников Сантьяго-де-Кампостела. Такая раковина с отверстиями для подвешивания (или пришивания) была обнаружена на Шепетовском городище. В Звенигороде также найдена раковина из Средиземного моря, которая выявлена на территории усадьбы ювелирной мастерской. А. Пескова считает, что аналогичные находки свидетельствуют о контактах Юго-Западной Руси с католическим миром (Пескова, 1997. С. 48-50). Возможно, что крестик с надписью и раковина, имеющие средиземноморское происхождение, являются тем звеном, которое указывает на пути распространения подобных амулетов на территорию Галицкой Руси. Здесь уместно отметить, что Звенигород находился на расстоянии около 100 км от западной границы древнерусского государства. А на самом пограничье с Польским государством располагался Перемышль, который до начала 40-х гг. XII в. был главным городом в княжениях династии Ростиславичей; именно здесь находился отчий престол, с которым поддерживали тесные связи Звенигородское и Тербовельское княжества. При этом через Перемышль

проходил международный торговый путь Киев-Прага, который являлся участком одного из путей, соединявших Испанию с Китаем, и имел ответвление на юг в Венгрию. Это обстоятельство придает наибольшую вероятность распространению паломнической индустрии именно из Западной Европы. Однако независимо от путей проникновения в Звенигород, рассмотренные нательные крестики – единственные и самые древние деревянные предметы личного благочестия на территории Галицко-Волынской Руси.

Литература

- Ипатьевская летопись** // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2.
- Могитич І.** Церкви Звенигорода // Вісник Укрзахідпроектреставрація. Львів. 1995. Ч. 3.
- Пескова А. А.** Паломнические древности в древнерусском городе // Ладога и религиозное сознание. С-Пб., 1997.
- Свешніков І.К.** Дослідження давнього Звенигорода у 1982-1983 рр. // Археологія. Київ, 1987. Вип. 57.
- Свешников И.К.** Звенигород // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский периоды). Киев, 1990.
- Свешников И. К.** Исследование пригорода древнерусского Звенигорода // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Том 2. Киев, 1988. Т. 2.
- Długossi J.** Historiae polonicae. Cracoviae. 1870. L. XII.
- Korabiewicz W.** Śladami amuletu. Warszawa. 1974.

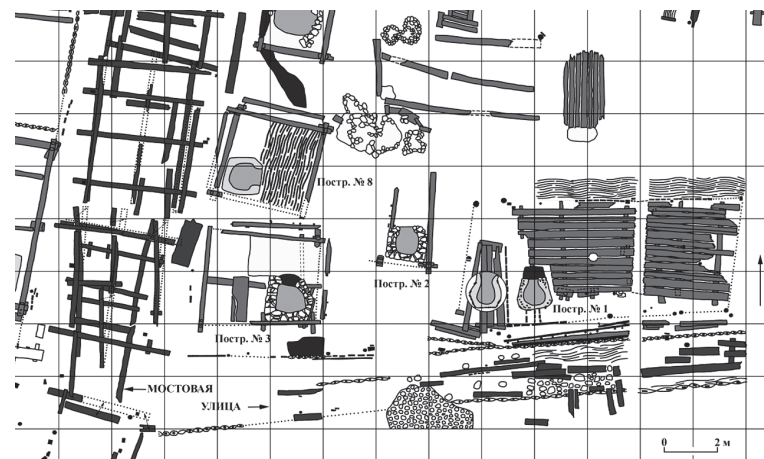

Рис. 1. Звенигород. Северо-восточный пригород. План усадьбы ремесленника. Расположение построек верхнего строительного горизонта (постройки №1, 2, 3, 8).

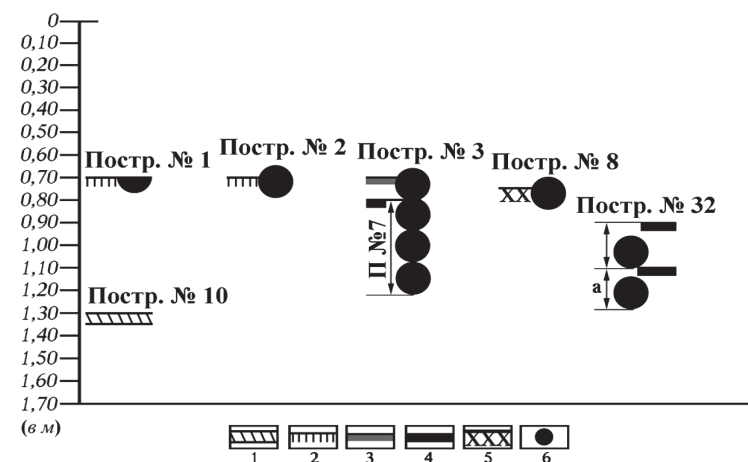

Рис. 2. Звенигород. Северо-восточный пригород. Глубина залегания построек в культурном слое. Условные обозначения: 1 – навоз, 2 – под печи, 3 – глинобитный пол, 4 – дощатый пол, 5 – пол из хвороста, 6 – пол из бревна срубов.

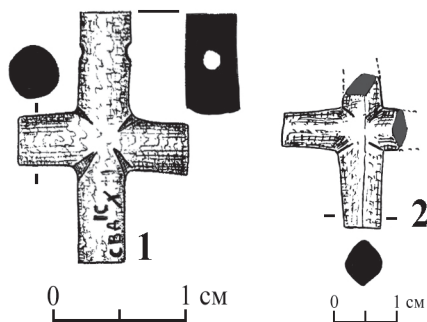

Рис. 3. Звенигород. Северо-восточный пригород. Нательные крестики из подсыпок над сгоревшей постройкой № 10 (1) и постройкой № 32а (2). Дерево. XII в.

Рис. 4. Звенигород. Северо-восточный пригород. Нательный крестик из подсыпки над сгоревшей постройкой № 32а. Дерево. XII в.

Голубев Л.Э., Пьянков А.В.,

Краснодар

КОЛЛЕКЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ УРОЧИЩА «ПОДНАВИСЛА» НА р. ЧЕПСИ ГОРЯЧЕКЛЮЧЕВСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

От краснодарских туристов в Краснодарский музей-заповедник поступили вещи, собранные в урочище Поднависла на р. Чепси левом притоке р. Псекупс в Горячеключевском районе в 1998 г. Коллекция насчитывает 32 предмета и происходит из одного или двух разрушенных погребений. Все предметы были найдены на площадке размером 10х20 м, оставшейся от лесорубов, использовавших её, как склад древесины. Вероятно, захоронения были разрушены в 70-е годы прошлого века при расчистке и выравнивании площадки бульдозером. Само место расположено на южном склоне горы Нависла (704,3 м) в 1 км к ЮЗ от хутора Поднависла, против устья Монастырской щели и в 500 м к З от остатков средневековой крепости на останце «Чертов палец» (Рис. 1). Через площадку проходила лесовозная грунтовая дорога, идущая на г. Нависла от реки.

Судя по наличию окалины на поверхности предметов и тому, что часть вещей была ритуально поломана, это был инвентарь из погребений, совершённых по обряду трупосожжения. А присутствие в коллекции фрагментов крупных керамических сосудов свидетельствует о том, что кремации были урновыми. В свою очередь крупные корчаги и небольшие пифосы, позволяют предположить, что разрушенные погребения могли иметь курганные насыпи.

Для датировки предметов и, соответственно, памятника необходимо изучить предметы и установить им аналогии. Начнём с описания вещей коллекции:

1. Сосуд (Рис. 2, 4) крупный, красноглиняный, фрагмент корчаги с плоским дном и придонной частью, дно диаметром 14 см, в центральной части дно утолщено; черепок имеет неровный обжиг, на изломе тесто с примесью шамота и дресвы. Размеры: 16,5x7,8x1,2 см. ПМ 6369/33.

2. Сосуд (Рис. 2, 2) крупный, красноглиняный, фрагмент венчика, горла и плечика корчаги или пифоса, венчик отогнут наружу, утолщён и закруглён, диаметр по венчику 21 см, под венчиком на горле имеется врезная горизонтальная ломаная линия; черепок на изломе имеет неровный обжиг, тесто с примесью шамота и дресвы. Размеры: 13,3x7,3x1,1 см. ПМ 6369/34.

3. Сосуд (Рис. 2, 1) крупный, красноглиняный, кружальный, фрагмент венчика, горла и плечика корчаги или пифоса, диаметр по венчику 16 см. Горло немного отогнут, наружу (почти прямой), венчик закруглён, имеет неровный обжиг на изломе, тесто с примесью шамота и дресвы. Размеры: 9,7x7,2x0,9 см. ПМ 6369/35.

4. Сосуд (Рис. 2, 3) красноглиняный, кружальный, фрагмент тулова кувшина треугольной формы, на лицевой поверхности имеются два горизонтальных параллельных желобка, черепок на изломе имеет неровный обжиг, тесто с примесью шамота и дресвы. Размеры: 5,5x4,2x0,6 см. ПМ 6369/36.

5. Сабля (Рис. 3, 1) железная, со слабоизогнутым клинком, черешок с долом имеет слабый изгиб в сторону лезвия и 2 отверстия для крепления деревянной рукояти с остатками заклёпок в отверстиях; на клинке у черенка уплотнительная оковка, пластинчатая с язычком-фестоном, прикрывающим лезвие с обеих сторон; сечение клинка пятигранное, в последней четверти (26 см) обоюдоострый; в ритуальных целях полоса согнута трижды после обжига в огне. Размеры: в свёрнутом виде – 37,5x6,5x3,5 см, общая длина – 120 см, черешок – 10,5x2,7x0,6 см, клинок –

109,5 см, ширина клинка – 3,5 см, ширина спинки – 0,75-0,4 см. ПМ 6369/30.

6. Наконечник ножен сабли (Рис. 3, 4) железный, устье отсутствует, швы не прослеживаются, окончание закруглено, овального в сечении, верхний обрез разрушен. Размеры: 5,5x3,2x0,3 см. ПМ 6369/61.

7. Перекрестие сабли (рис. 3, 3) железное, 2 фрагмента, имеет форму овального «челнока» из узкой пластинки с пластинчатым внутренним донцем с щелью для продевания черенка; на узких сторонах имеются круглые в сечении выступы, концы которых заканчиваются коническими расширениями. Размер: 10,7x2,2x1,2 см, выступы в сечении от 0,7 до 0,9 см. ПМ 6369/60.

8. Навершие рукояти сабли (Рис. 3, 2) железное, фрагмент пластинчатого цилиндра с овальным сечением и слегка выпуклым донцем, сохранность плохая. Размеры: 2,1x1,8x0,2 см. ПМ 6369/62.

9. Наконечник копья (рис. 4, 1,2) железный с удлинённо-треугольным пером с треугольными выступами у основания пера и конической круглой в сечении втулкой, шов которой не заметен; наконечник свернут вдвое после отжига в огне. Размеры: общая длина – 47,5 см, втулка – 10 см, диаметр втулки в обрезе – 2,7 см, толщина стенки – 0,3 см; длина пера – 34 см, ширина на уровне треугольных выступов – 6,5 см. ПМ 6369/31.

10. Наконечник копья (Рис. 5, 1,2) железный с удлинённо-треугольным пером с треугольными выступами у основания пера и конической круглой в сечении втулкой, шов, которой не заметен; наконечник свернут вдвое после отжига в огне. Размеры: общая длина – 49 см, втулка – 13,5 см, диаметр втулки в обрезе – 2,5 см, толщина стенки – 0,3 см; длина пера – 34 см, ширина на уровне треугольных выступов – 6,1 см. ПМ 6369/32.

11. Наконечник стрелы (Рис. 5, 11) железный с ромбическим пером, сечение линзовидное, с круглым в сечении черешком, у перехода пера в черешок имеется порожек; перо имеет утраты. Размеры: длина – 15,7 см, перо – 7,6x3,1x0,3 см, черешок – 8 см, диаметр черешок – 0,6 см. ПМ 6369/49.

12. Наконечник стрелы (Рис. 5, 10) железный с асимметрично-ромбическим пером, сечение линзовидное, с круглым в сечении черешком, у перехода пера в черешок имеется порожек; перо имеет утраты. Размеры: длина – 12 см, перо – 7,6х3,1х0,3 см, черешок – 4,3 см, диаметр черешок – 0,3 см. ПМ 6369/50.

13. Наконечник стрелы (Рис. 5, 9) железный с листовидным пером, сечение линзовидное, с круглым в сечении черешком, у перехода пера в черешок имеется порожек; перо и черешок имеют утраты. Размеры: длина – 9,1 см, перо – 6,5х2,4х0,3 см, черешок – 2,6 см, диаметр черешок – 0,3 см. ПМ 6369/51.

14. Наконечник стрелы (Рис. 5, 7) железный с листовидным пером, сечение линзовидное, с круглым в сечении черешком, у перехода пера в черешок имеется порожек; перо и черешок имеют утраты. Размеры: длина – 8 см, перо – 5,х2,1х0,3 см, черешок – 3 см, диаметр черешка – 0,35-0,2 см. ПМ 6369/53.

15. Наконечник стрелы (Рис. 5, 8) железный с асимметрично-ромбическим пером сечение линзовидное, с круглым в сечении черешком, у перехода пера в черешок имеется порожек; перо имеет утраты. Размеры: длина – 7,6 см, перо – 6,3х2,1х0,35 см, черешок – 1,2 см, диаметр черешок – 0,5 см. ПМ 6369/52.

16. Наконечник стрелы (Рис. 5, 1) железный с удлинённо-треугольным пером, сечение ромбическое, с круглым в сечении черешком, у перехода пера в черешок имеется порожек; перо имеет утраты. Размеры: длина – 7 см, перо – 3,8х0,8х0,55 см, черешок – 2 см, диаметр черешок – 0,4 см. ПМ 6369/41.

17. Наконечник стрелы (Рис. 5, 2) железный с удлинённо-треугольным пером, сечение ромбическое, с круглым в сечении черешком, у перехода пера в черешок имеется порожек; перо имеет утраты. Размеры: длина – 7 см, перо – 4,7х1,2х0,6 см, черешок – 3,1 см, диаметр черешок – 0,35х0,3 см. ПМ 6369/55.

18. Наконечник стрелы (Рис. 5, 3) железный с удлинённо-треугольным пером, сечение ромбическое, с круглым в сечении черешком, у перехода пера в черешок имеется порожек; перо имеет

утраты. Размеры: длина – 6,6 см, перо – 4,3х0,8х0,25 см, черешок – 2,3 см, диаметр черешок – 0,2 см. ПМ 6369/56.

19. Наконечник стрелы (Рис. 5, 4) железный с удлинённо-треугольным пером, сечение ромбическое, с круглым в сечении черешком, у перехода пера в черешок имеется порожек; перо имеет утраты. Размеры: длина – 5,7 см, перо – 4,2х1х0,22 см, черешок – 1,5 см, диаметр черешок – 0,45х0,2 см. ПМ 6369/57.

20. Наконечник стрелы (Рис. 5, 5) железный с удлинённо-треугольным пером, сечение ромбическое, с круглым в сечении черешком, у перехода пера в черешок имеется порожек; перо имеет утраты. Размеры: длина – 5 см, перо – 3,8х0,85х0,45 см, черешок – 1,2 см, диаметр черешок – 0,25х0,2 см. ПМ 6369/58.

21. Наконечник стрелы (Рис. 5, 6) железный с листовидным пером, сечение линзовидное, с округлым в сечении черешком, у перехода пера в черешок имеются следы порожка; перо и черешок имеют утраты. Размеры: длина – 4,3 см, перо – 3,7х1,7х0,45 см, черешок – 0,6 см, диаметр черешок – 0,25х0,15 см. ПМ 6369/59.

22. Нож (Рис. 6, 3) железный, черешковый с прямой спинкой и треугольным сечением лезвием. Размеры: 12,9х1,2х0,4 см, черешок – 3,4х0,8х0,3 см. ПМ 6369/45.

23. Нож (Рис. 6, 4) железный, черешковый с прямой спинкой и треугольным сечением лезвием, фрагмент. Размеры: 5,2х1,3х0,4 см, черешок – 2,3х1х0,3 см. ПМ 6369/47.

24. Ножницы пружинные (Рис. 6, 5) железные в 4-х фрагментах, пластина пружины не широкая, режущие лезвия небольшие в виде ножей треугольного сечения, рукояти круглого сечения; пружина, рукояти и лезвия имеют утраты. Размеры: общая длина 22,4х6х1,3 см, рукоятки – 8х0,6х0,4 см, оба лезвия – 9,1х1,3х0,25 см, ширина пружины 1,8 см. ПМ 6369/39.

25. Кресало (Рис. 6, 2) железное «калачевидной» формы из прямоугольного раскованного прута с язычком неясной формы (не сохранился) и загнутыми в сторону язычка прямоугольными в сечении рогами; имеются утраты язычка и рогов. Размеры: 5,4х2,1х0,5-0,2 см. ПМ 6369/48.

26. Зубило (Рис. 6, 11) железное, с грибовидной шляпкой, рукоять прямоугольная ближе к квадрату сечения, рабочая часть имеет более уплощенную ножевидную форму, её сечение прямоугольное. Размеры: общая длина – 15,6 см, толщина по спинке – 1,1 см, ручка – 6,6х1,1х1,3 см, ударная часть – 9х1,1х1,9 см. ПМ 6369/38.

27. Тесло (Рис. 6, 6) железное, кованое, втулка разомкнутая, лезвие трапецевидное; имелись утраты лезвия. Размеры: 6х0,3 X 1,5х0,2 см; ПМ 6369/44.

28. Тесло (Рис. 6, 10) железное, кованое, втулка разомкнутая, лезвие трапецевидное; имелись утраты лезвия. Размеры: 13,2х5,2х0,6 см. ПМ 6369/37.

29. Шило (Рис. 6, 7) железное, имеет черешок (1/3 часть) удлиненно-пирамидальной формы квадратного сечения, рабочая часть удлинённо-коническая круглого сечения. Размеры: общая длина: 9 см, длина черешка: 3,4 см, сечение черешка: 0,4х0,5 см; длина рабочей части: 5,6 см, диаметр рабочей части: 0,4 см. ПМ 6369/40.

30,31. Кольца (Рис. 6, 8, 9) железные из дрота, со скованными внахлест концами, плоские в сечении. Размеры 1) 2,7х0,5х0,3 см; 2) 2,8х0,5х0,3 см. ПМ 6369/42,43.

32. Обойма (Рис. 6, 1) железная из прямоугольной в сечении пластинки. Размеры: 3,6х1,8х0,6 см. ПМ 6369/49.

Поскольку неизвестно из скольких разрушенных погребений происходят вышеописанные вещи, то датируется весь комплекс предметов целиком.

Сабля сложена вдвое и потому указанный её размер в 120 см это длина металлической полосы. Длина клинка до обжига и поломки осталась не известной, предположительно, сабля в первоначальном виде могла быть на 10 см меньше и иметь длину, примерно до 110 см или немного меньше.

Такие слабоизогнутые сабли Г.А. Федоров-Давыдов отнес к одному типу и датировал их IX–XIII вв. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 23). Согласно классификации сабель А.В. Евглевского и Т.М. Потёмкиной

клинки длиной 101-121 см относятся к длинным, а ширина в 3,1-3,8 см к клинкам средней ширины (Евглевский, Потёмкина, 2001. С. 125). Судя по таблице, авторы отнесли подобную саблю из погребения 84 могильника Черноклён (Абинский р-н Краснодарского края) к XIII в. (Евглевский, Потёмкина, 2001. С. 176, приложение, №27).

Для датировки клинка обратимся к сабельной гарнитуре. Навершие рукояти имело форму овального цилиндра, но сохранилось плохо и не может быть использовано для датировки. Нет возможности уверенно датировать и фрагмент наконечника ножен. У цилиндрической оковки ножен его не сохранилась верхняя часть. Учитывая, что несохранившаяся верхняя часть наконечника, вероятно, слегка расширялась, она близка наконечнику из погребения 31 Цемдолинского могильника, отнесённого авторами публикации к первой хронологической группе датированной концом XII–XIII вв. (Армарчук, Малышев, 1997. С. 97, 109. Рис. 18, 7). Для датировки клинка важно перекрестие сабли, поскольку оно сохранило форму. Челночное перекрестие овальное в плане состоящее из пластинки, свёрнутой в овал, донца внутри с узкой щелью для надевания его на черешок и с боковыми выступами, в виде стержней, расширенных к концам и приваренных к узким сторонам овального челнока, характерны для могильников Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья, таких как Абинский-4, Черноклён, Ленинохабльский, Цемдолинский, Циплиевский и т.д. (Пьянков, 1993. С. 128, рис. 4, 22; 6, 7; 7, 13; 10, 26; 2000. С. 17. Рис. 5, 17, 21; 2001. Рис. 7, 6, 19, 33; Армарчук, Малышев, 1997. С. 96. Рис. 9, 12; 18, 6; Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 17; Рис. 41, 1, 2; 46, 7; 54, 12; 55, 15; 58, 5; 60, 24; Носкова, 1999. С. 6, 5; 10, 3; 11, 4; 14, 10). Такие детали сабельной гарнитуры имеют некоторую вариативность в ширине пластины челнока или в характере расширения стержней (полные конусы или только с коническими окончаниями) и т.д. Но уловить в этих изменениях хронологическую разницу пока нет возможности. Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриев выделили челночные перекрестия без боковых щитков в тип II, разделив их по форме стержней на торцах

на 2 варианта: 1) со стержневыми выступами с коническими расширениями на концах, 2) с коническими (или пирамидальными) выступами, относя их бытование к XII – середине XIII вв. (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 16, 17).

Учитывая картографию находок этого типа сабельных деталей, следует отметить их локализацию в Западном Закубанье и в Северо-Восточном Причерноморье. Возможно, это говорит о местном производстве перекрестий (вероятно, и самих сабель).

Среди наконечников стрел находились несколько бронебойных наконечников, похожих на «кинжальчики» (Рис. 6, 1,3) типа 97 по А.Ф. Медведеву, но они не относятся к выделенным вариантам, датирующимся узко; тип в целом бытовал в IX–XIV вв., но чаще встречались в XII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 85, табл. 14, 30).

Один из наконечников имел лавролистную форму пера (Рис. 6, 11) с упором для древка типа 63 по А.Ф. Медведеву, который датируется IX–XIII вв. (Медведев, 1966. С. 74, табл. 21, 10). Ещё один наконечник имел перо ромбовидной формы типа 41 по А.Ф. Медведеву, крупные экземпляры которого датируются до середины XI в., хотя изредка встречались и позднее (Медведев, 1966. С. 65, табл. 23, 38).

Ромбовидные наконечники были найдены в колчаных наборах из захоронений Цемдолинского некрополя: в курганах №№3 и 4, датирующихся концом XI–XII вв., и в курганах 13 и 14, датирующихся XII – началом XIII вв. (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 22, 54. Рис. 49, 18; 52, 2; 58, 31; 60, 19).

Железные пружинные ножницы появились на Северном Кавказе ещё в раннем железном веке (см. Анфимов, 1984. С. 95, табл. IX, 8; Пьянков, 1996. С. 97. Рис. 2, 6). До XIII века они имели пружину раскованную в не широкую прямоугольную полосу, какие были найдены в могильнике Черноклён в погребении 49 и в объекте 20 с шириной пружины 1,7 – 1,9 см при длине 17 – 24 см (Пьянков, 1987. С. 73, 174. Рис. 218, 4; 222, 5; 510). Где-то в середине XIII в. распространились ножницы с овальной пружиной, ширина ко-

торой достигала 3–5 см, а общая длина увеличилась до 24–31 см, как ножницы из курганов №№7, 18, 24, 33, 35, 36, 37 Кабардинского могильника, датирующихся XIII–XV вв. (Носкова, 2010. С. 177. Рис. 5, 21; 6, 12; 8, 31; 12, 14; 13, 22; 14, 19; 15, 10). Более крупные ножницы известны также в позднесредневековых погребениях (XIV–XV вв.) Ленинохабльского могильника (Тарабанов, 1984. С. 169, табл. III, 1) и в погребении № 2 Псекупского могильника № 5 (Ловпаче, 1985. С. 27, 28, табл. XXXI, 14). Найдены они и в Пшишском могильнике, датированном второй половиной XIV – XV вв. (Носкова, 2005. С. 191. Рис. 4, 8,9) и т. д.

Калачевидные кресала на Северном Кавказе бытуют с XI в. и до XIII–XIV вв. включительно (Алексеева, 1964. С. 182, 183; Носкова, 1999. С. 207). Примерно так же датируют калачевидные кресала с язычком (Евглевский, Потёмкина, 2001. С. 183–185).

Известны двух основных типов наконечники копий с выступами у основания пера: с удлинённо-треугольным пером и с ланцетовидным пером, имеющим параллельные лезвия и сходящиеся ближе к острию. Такие наконечники известны из находок в окрестностях Новороссийска, Геленджика, Туапсе и Сочи и хранятся в музеях этих городов и г. Краснодара (Алексеева, 1964, табл. I, 6,7; VI, 7; X, 8; 1971, табл. 366, 8,9; Воронов, 1979. Рис. 52, 24; Голубев, 2008. С. 124. Рис. 1, 3; Овчинникова, 2011. С. 125, рис. 1, 3). Кроме того подобные находки известны и в горной части Западного Закубанья (Сок, Хатинюк, 2003. С. 199, рис. 1, 2; Голубев, 2012. С. 36,37. Рис. 1, 2).

Правда, оба типа сильно различаются формами расширений в основании пера, а главный их недостаток для установления времени бытования в том, что большинство таких наконечников копий происходят из случайных находок, а не из надёжно зафиксированных комплексов. Это затрудняет датировку разных вариантов наконечников копий с выступами в основания пера.

Таким образом коллекция предметов из урочища Поднависла может быть датирована XII – первой половиной XIII вв. Допустима и более узкая дата в рамках второй половины XII – начала XIII вв.

Время бытования предметов, оставшихся без подробного рассмотрения, не противоречит названной дате.

Кремационные погребения (или один комплекс) оставлены ка-сожскими воинами погребёнными в домонгольский период.

Находка наконечников копий с выступами расширяет террито-рию бытования подобных типов древкового оружия в горной по-лосе Закубанья. Происхождение, функционирование и эволюции наконечников копий этой формы требуют дальнейшего изучения.

Литература

Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971.

Алексеева Е.П. Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии) // Труды Карачаево-Черкесского науч-но-исследовательского института. Вып. IV. Ставрополь, 1964.

Анфимов И.Н. Меотский могильник I–II вв. н. э. близ станицы Ели-заветинской // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Цемдолинский курганно-грунто-вый могильник. – М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2014.

Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Це-мессой долине // Историко-археологический альманах (Арма-вирского краеведческого музея). Вып. 3. Армавир – М., 1997.

Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.

Голубев Л.Э. Случайные находки предметов Средневекового во-оружения из окрестностей Сочи // Археологический журнал, №II. Армавир, 2008.

Голубев Л.Э. Новая находка позднесредневекового наконечника копья с треугольными выступами // Вопросы истории Поуру-пья. Вып. I. Ильичевское городище как памятник средневеко-вой археологии и церковной архитектуры. Материалы краевой

научной конференции, посвящённой 50-летию открытия и из-учения Ильичевского городища (Станица Отрадная, 9-10 авгу-ста 2012 г.). Армавир, 2012.

Евглевский А.В., Потёмкина Т.М. Восточноевропейские поздне-кочевнические сабли // Степи Европы в эпоху Средневековья: Сб. науч. работ. Том 1. Донецк, 2001. (Труды по археологии).

Евглевский А.В., Потёмкина Т.М. Кресала в позднекочевниче-ских погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху Средневековья: Сб. науч. работ. Том 1. Донецк, 2001. (Труды по археологии).

Ловпаче Н.Г. Могильники в устье реки Псекупс // Вопросы архео-логии Адыгеи. Майкоп, 1985.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, само-стрел) VIII-XIV вв. САИ Е1-36. М., 1966.

Носкова Л.М. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинохабль в Адыгее // Материальная культура Востока. М., 1999.

Носкова Л.М. Средневековые погребения могильника на р. Пиши в Адыгее. По раскопкам 1986 и 1988 годов // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005.

Носкова Л.М. Средневековый могильник в посёлке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // Мате-риальная культура Востока. Вып. 5. М., 2010.

Овчинникова Б.Б. Сокровища древнего города Сочи // Археоло-гические записки. Вып. 7. Ростов-на-Дону, 2011.

Пьянков А.В. Амулеты «египетского фаянса» из могильника Мо-стового у станицы Отрадной // Историко-археологический аль-манах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 2. Армавир – М., 1996.

Пьянков А.В. Отчёт о раскопках девяти курганов у г. Абинска Краснодарского края в 1986 г. Краснодар, 1987 // Архив ИА РАН. Р-И. №11616.

Пьянков А.В. Средневековый могильник Черноклен из Красно-дарского края // Тезисы доклада конференции XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1988.

Пьянков А.В. Средневековый могильник Абинский-4 // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993.

Пьянков А.В. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. Вып. 3. Абинск, 2000.

Пьянков А.В. Касоги / касахи / кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 1. 2001.

Соков П.В., Хатинюк О.В. О случайных находках наконечников копий с территории Кубани // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003.

Тарабанов В.А. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.

Рис. 1. Местонахождение разрушенных погребений в урочище Поднависла, Горячеключеской район Краснодарского края: 1 – место находки комплекса железных и керамических предметов.

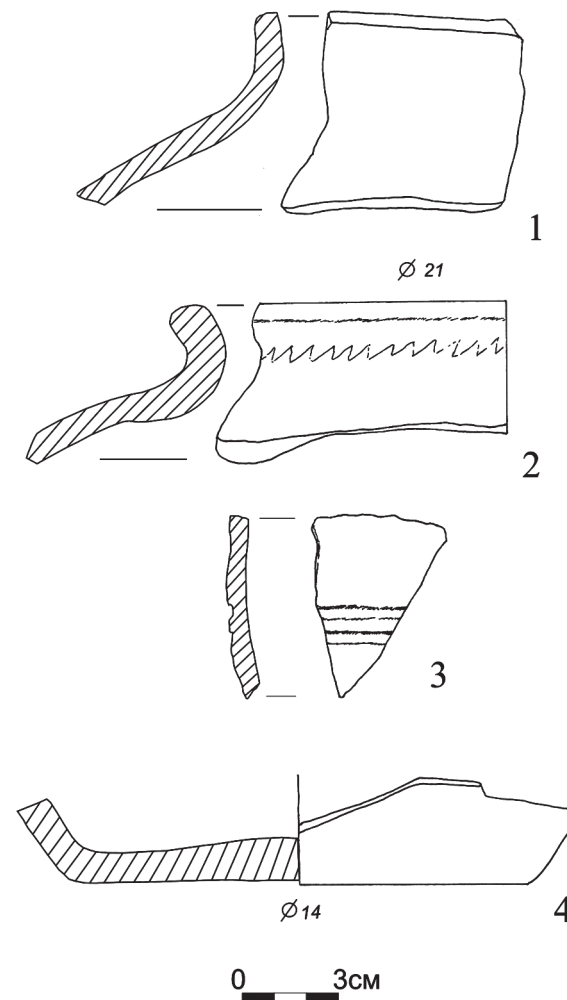

Рис. 2. Вещи из разрушенных погребений в урочище Поднависла: 1, 2 – фрагменты горла корчаг, 4 – донце пифоса или кувшина-водоноса, 3 – стенка кувшина-водоноса; 1-4 – керамика.

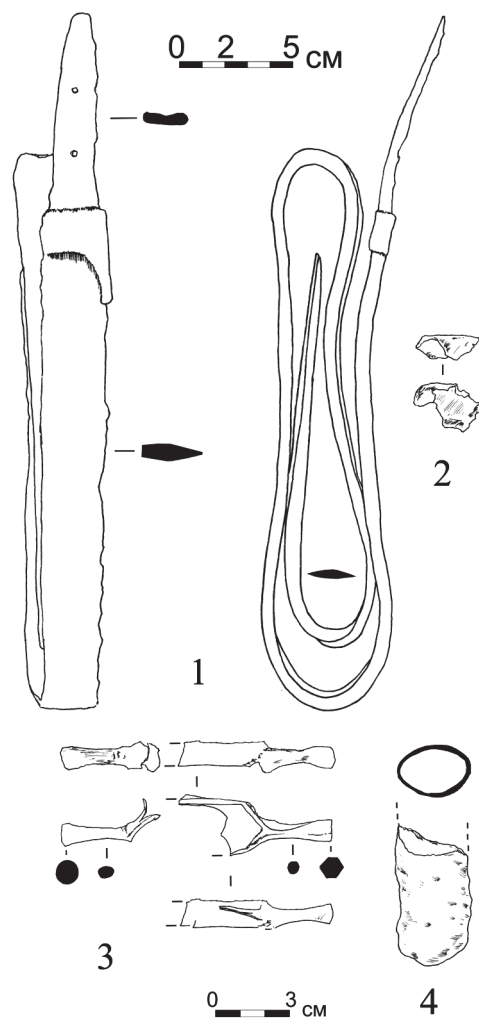

Рис. 3. Вещи из разрушенных погребений в урочище Поднависла: 1 – сабля, 2 – навершие рукояти сабли, фр-нт, 3 – перекрестие сабли, во фр-тах, 4 – наконечник ножен сабли, фр-нт; 1-4 – железо.

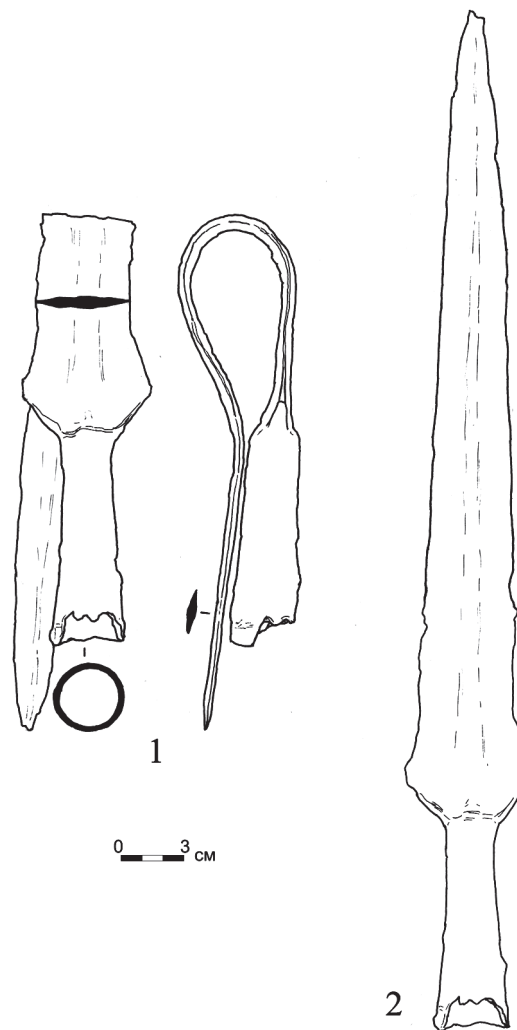

Рис. 4. Вещи из разрушенных погребений в урочище Поднависла: 1 – наконечник копья (№9, по описи №31) в сложенном (вдвое) виде, 2 – наконечники копья, распрямлённый (графическая реконструкция); железо.

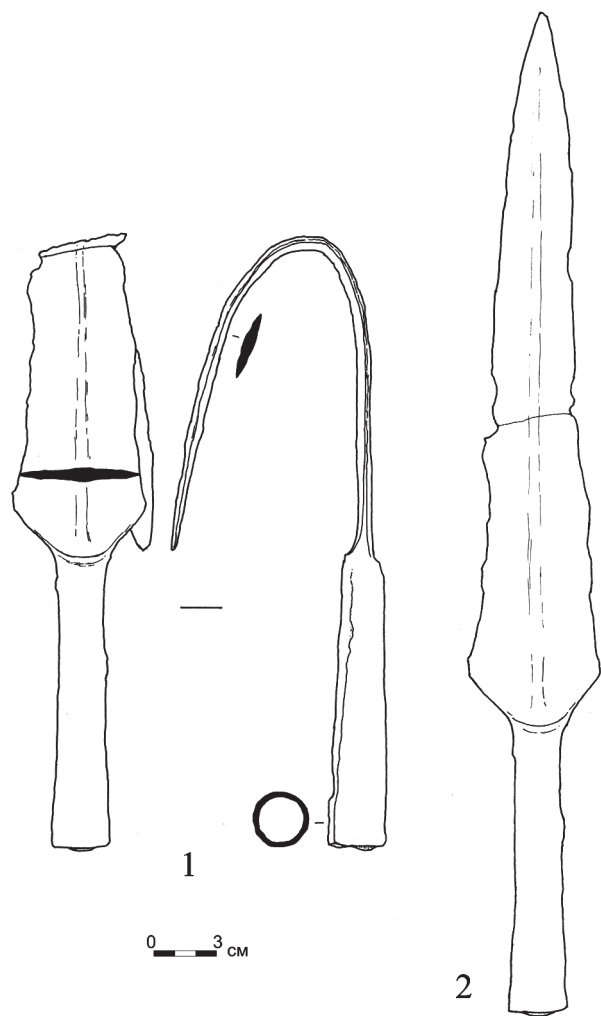

Рис. 5. Вещи из разрушенных погребений в урочище Поднависла:
1 – наконечник копья ((№10, по описи №32) в сложенном (вдвое) виде,
2 – наконечники копья, распрямлённый (графическая реконструкция);
железо.

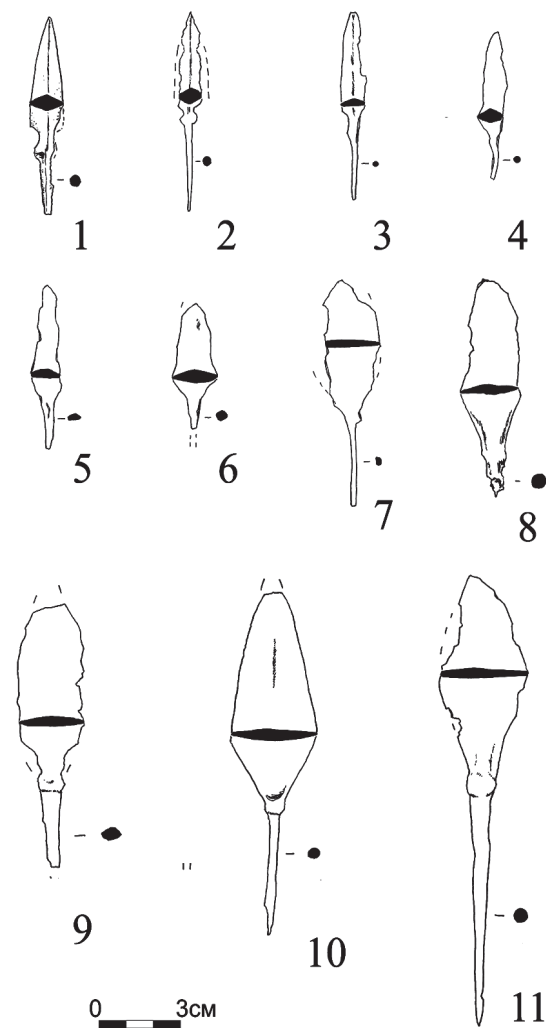

Рис. 6. Вещи из разрушенных погребений в урочище Поднависла: 1-11 –
наконечники стрел; 1-11 – железо.

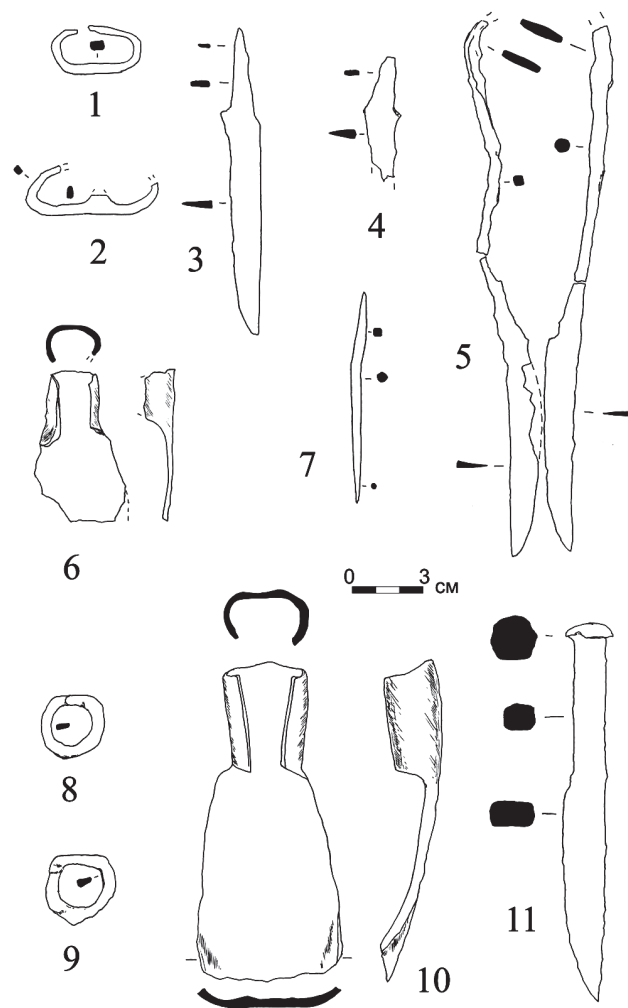

Рис. 7. Вещи из разрушенных погребений в урочище Поднависла: 1 – обойма, 2 – кресало калачевидное, 3, 4 – ножи черешковые, 5 – ножницы пружинные, во фр-тах, 6, 10 – тёсла с разомкнутыми втулками, 8, 9 – кольца, 11 – зубило; 1-11 – железо.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.,

Краснодар

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПЛЕМЕН ПРИБРЕЖНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В XII – XIII ВВ. Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «КЕДРОВАЯ РОЩА»)

Памяти коллеги и друга Татьяны Сергеевны Балуевой

В 2007 г. археологический отряд Новороссийского исторического музея-заповедника, провёл раскопки 19 курганов средневекового курганного могильника «Кабардинский-2» и части поселения раннего железного века на территории гостиничного комплекса (пансионата) ООО «Кедровая Роща» в п. Кабардинка Геленджикского района Краснодарского края (Федоренко, 2008; Шишлов и др., 2010. С. 77-78). Курганный могильник находится на ЮВ окраине п. Кабардинка, на ССЗ отроге г. Дооб. Территория памятника вытянута с ЮВ с расширением площади памятника к СЗ. ЮВ часть курганного могильника (территория памятников) находится в лесу, СЗ часть – на территории санатория «Жемчужина моря». С СВ на ЮЗ, в 20-23 м к СЗ от границ гостиничного комплекса ООО «Кедровая Роща» памятник пересекает проселочная дорога вдоль линии ЛЭП, проектируемая в будущем как ул. Дообская.

В 1990 году часть курганного могильника (51 насыпь), находящаяся на территории санатория «Жемчужина моря», исследовалась Приморским отрядом Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ под руководством Носковой Л.М. (Носкова, 1992).

Участок могильника, исследованный в 2007 г. получил название «Кедровая роща». Курганы высотой до 1 м, диаметром 6-8 м. Большинство погребений (25) совершено по обряду кремации, прах погребенных был помещен в керамические урны, в 2-х случаях в грунтовые ямки. В одном случае в урну наряду с кремацией были помещены не сожженные кости трех человек. Кроме этого, в курганах зафиксировано 4 грунтовых детских погребения (1 в каменном ящике) и 7 ритуальных погребений лошадей, а в межкурганном пространстве – 2 грунтовых погребения и 1 ритуальное погребение лошади.

Курганный могильник в целом датируется концом XII-XIII вв. н.э. В ходе раскопок в кургане №5 были получены материалы, проливающие свет на особенности погребального обряда племен прибрежной зоны Северо-Западного Кавказа.

Курган №5. Насыпь, сильно оплывшая, овальной в плане формы вытянута по линии с Ю на С, размером 660х600 см, высотой до 99 см от северной подошвы. После снятия гумусного слоя выяснилось, что насыпь кургана состоит из светло-серого суглинка с щебнем, а центральную и северо-восточную часть насыпи кургана перекрывает каменный панцирь, состоящий из рваного камня (обломков скалы) разного размера (от 10х9х12 см до 6х40х84 см). По периметру насыпи кургана зафиксирована каменная обкладка, состоящая из плоских обломков скалы размером от 5х12х40 см до 5х50х60 см. Камни обкладки в В, СВ и ЮЗ секторах остались стоять относительно вертикально (с отклонением наружу или внутрь насыпи), остальные рассыпались веером по периметру кургана. Исходя из того, что раньше они стояли вертикально, можно определить размеры кургана на момент его возведения, измеряя расстояние между концами плит обкладки, обращённых внутрь насыпи. Таким образом, насыпь кургана была овальной в плане формы вытянутая по линии Ю-С, размером 540х480 см. При зачистке юго-западного края обкладки были найдены фрагменты красноглиняных и лепных сосудов и шило железное. В 30 см к северу от погре-

бления 4, при разборке бровки, в насыпи обнаружены фрагменты красноглиняного сосуда и пуговица из медного сплава.

Описание предметов из насыпи кургана:

1. Сосуд красноглиняный (фрагментирован) с вертикальным лощением. Венчик со сливом. Тулово округлое, горло узкое. Ручка овальная в сечении. Высота – 14,1 см. Венчик – 7,0х6,4 см. Д. тулова – 9,5 см. Д. дна – 7,2 см. Ш. ручки – 1,6 см.

2. Шило железное (фрагмент), круглое в сечении. Дл. – 2,6 см.

3. Пуговица из медного сплава, эллипсоидная, пустотелая, из 2-х половинок, без петельки. Д. – 1,2 см. Высота – 1,0 см.

На площади кургана зафиксировано 4 погребения, 3 из которых обнаружены в ЮВ секторе кургана в урнах, стоявших рядом друг с другом, но на разном уровне и одно впускное погребение, обнаруженное в Ю секторе кургана.

Погребение 1, предположительно 4-х человек, обнаружено в ЮВ секторе кургана на уровне +3 от R0 (верх), -52 (дно), на расстоянии 104 см от УЦ в красноглиняном пифосе, накрытом плоской, подтреугольной в плане, окатанной каменной плиткой, размером: 25х25х2,5 см. Один из погребённых был погребён по обряду кремации¹, а кости и черепа ещё 3-х погребенных: женщины 20-25 лет и двух детей – 7-8 лет и 4-5 лет (*определение зав. лабораторией антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН Балуевой Т.С.*) были компактно уложены в урну.

Описание инвентаря погребения 1:

1. Пифос красноглиняный с расчесами (урна). Тулово яйцевидной формы. Венчик с выносом, овальным в сечении. На горле волнистый орнамент. Дно пробито в древности. Высота – 52,0 см. Д. венчика – 20,0 см. Д. дна – 17,5 см.

¹ В 2013 г. д.и.н. Добровольской М.В. были проведены дополнительные исследования кремированных останков из погребений, которые показали, что в кремации Погребения 1 присутствуют кости 2-х человек (женщины 20 лет и мужчины старше 40 лет).

2. Височные кольца (2 шт.) из желтого металла, сцеплены вместе, одно в одно. Концы обрезаны прямо, разомкнуты. Кольца пустотелые, заполнены тяжелым металлом (свинцом?). Д. – 2,3 см. Толщина проволоки – 0,5 см.
3. Кольца (2 шт.) из медного сплава круглопроволочные. Д. – 2,8 и 2,7 см.
4. Булавка (фрагментирована) железная, из проволоки круглой в сечении, на одном конце кольцо из плоской в сечении проволоки, обтянутое тканью. Дл. – 7,9 см. Д. бляшки – 1,6 см.
5. Пряжка железная (фрагментирована). Рамка подквадратной формы из проволоки, округлой в сечении. Размеры: 2,1x2,0 см.
6. Пуговица костяная с одним отверстием, плоско-выпуклая, сегментовидная в сечении, орнаментирована циркульным орнаментом. Д. – 2,7 см. Высота – 0,8 см. Д.отверстия – 0,5 см.
7. Пуговица костяная с одним отверстием, плоско-выпуклая, сегментовидная в сечении, орнаментирована 4-мя циркульными кружочками и 3-мя треугольничками из двойных линий. Д. – 2,6 см. Высота – 0,6 см. Д.отверстия – 0,5 см.
8. Фрагмент накладки костяной с циркульным орнаментом. Обожжен. Размеры: 1,2x0,6x0,3 см
9. Бусы янтарные (5 шт.). Усеченно-биконической, 8-мигранной формы. Дл. – 1,4-1,6 см.
10. Оселок каменный (фрагментирован). Удлиненной подпрямоугольной формы, с отверстием. Дл. – 9,1 см. Ш. – 2,9 см.

Погребение 2 обнаружено в ЮВ секторе кургана на уровне -38 от R0 (дно) на расстоянии 130 см от УЦ (рис. 1). Погребение по обряду кремации было помещено в красноглиняный двуручный сосуд.

Описание инвентаря погребения 2:

1. Сосуд (урна) красноглиняный (фрагментирован). Тулово яйцевидной формы, с 2-мя петлевидными, овальными в сечении ручками. Венчик утрачен. Высота без венчика – 31,0 см. Д. тулова – 25,2 см. Д. дна – 15,0 см. Ш. ручки – 2,6 см.
2. Нож железный с уступами со стороны прямой спинки и брюшка. Дл. – 13,5 см. Ш. – 1,5 см.
3. Наконечник стрелы железный, черешковый, пирамидальный (?), прямоугольный в сечении. Дл. – 8,5 см. Ш. – 0,5 см.
4. Наконечники стрел (3 шт.) железные, черешковые, ромбические с упором. Дл. – 10,4; 8,4; 7,5 см.
5. Наконечник стрелы железный, черешковый. Узкий, пирамидальный, ромбического сечения с перехватом у черешка. Дл. – 8,1 см.
6. Кресало железное, калачевидное, со сведенными загнутыми петлями концами. Дл. – 5,9 см. Ш. – 3,1 см.
7. Фрагмент накладки костяной с сетчатым орнаментом и с фрагментом отверстия. Размеры: 2,2x1,1x0,5 см.

Погребение 3. Обнаружено в ЮВ секторе кургана на уровне -8 от R0 (верх урны), -82 (дно урны) на расстоянии 88 см от УЦ. Погребение по обряду кремации было помещено в двуручный красноглиняный пифос¹.

Описание инвентаря погребения 3:

1. Пифос красноглиняный (урна). Тулово реповидной формы, с 2-мя петлевидными овальными в сечении ручками и 3-мя горизонтальными валиками. Венчик отогнут раструбом, край прямой. Черепок с серым закалом в центре. Высота – 64,0 см. Д. венчика – 21,5 см. Д. дна – 21,0 см. Ш. ручки – 3,4 см.

¹ В 2013 г. д.и.н. Добровольской М.В. были проведены дополнительные исследования кремированных останков из погребений, которые показали, что в кремации Погребения 3 присутствуют кости 2-х человек (мужчины 20-30 лет и ребёнка около 5 лет).

2. Нож железный с уступами со стороны прямой спинки и брюшка. Вдоль спинки с одной стороны продольная бороздка-кровосток. Дл. – 11,2 см. Ш. – 1,3 см.
3. Нож железный (фрагмент). Черенок с фрагментом лезвия. Дл. – 4,5 см.
4. Кольцо (фрагмент) из медного сплава полое внутри. Деформировано. Дл. – 3,7 см.
5. Бусина стеклянная, глазчатая, из глухого стекла. Округлая, поперечно-сжатая с желто-красно-белыми глазками на зеленоватом фоне. Д. – 1,8 см. Ш. – 1,7 см.

Погребение 4. Впускное погребение ребенка (1-1,5 года, *определение Балугево Т.С.*) обнаружено в Ю секторе кургана на уровне -18 от 0, на расстоянии 172 см от УЦ. Погребение было завалено скальными обломками из насыпи кургана. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на восток. Под челюстью найден железный предмет (пряжка?) (рассыпался). На правой половине таза лежал раздавленный лепной сосудик. У нижней части левого бедра зафиксированы кресало железное и фрагмент железной пластинки (рассыпалась). За черепом, в заполнении обнаружена пуговица из медного сплава. При разборке погребения, под нижней челюстью обнаружены костяная пластинка с отверстием и фрагмент раковины с отверстием.

Описание инвентаря погребения 4:

1. Сосудик лепной (фрагментирован). Тулово баночной формы. Горло широкое, венчик отогнут наружу, треугольный в сечении, украшен рядом округлых выемок, на плечиках ряд косых насечек-выемок. Тесто рыхлое, с примесью ракушки. Высота – 7,7 см. Д. дна – 6,2 см.
2. Пуговица из медного сплава, литая биконической формы с уплощенной петелькой, прямоугольной в плане. Д. – 1,0 см. Высота – 1,5 см.

3. Фрагменты предмета железного (пряжки?). Рассыпались. Д. – ок. 2,2 см.
4. Кресало (фрагментировано) железное, калачевидное, со сведенными утолщенными концами. Дл. – 5,7 см.
5. Пластика костяная, уплощенная в сечении, с отверстием. Размеры: 2,7x1,5x0,1 см.
6. Пуговица перламутровая из раковины, уплощенная в сечении, с отверстием. Размеры: 1,8x1,8x0,1 см.

В материалах этого кургана наше внимание привлекает урна погребения 1, в которой зафиксирован комбинированный обряд погребения, где наряду с кремированными костями находились и не кремированные. Подобное иногда встречается, так в подкурганном погребении в п. Мысхако, в погребальной урне вместе с кремированными костями находился не кремированный череп и фаланги пальцев. Череп стоял на основании поверх кремированных костей, причем горловина урны была расколота в древности при погребении, так как череп, видимо, не проходил в горловину (погребение по инвентарю было женское: бусы, височные кольца) (Шишлов, 1989).

В ингумационной части погребения 1 зафиксированы кости, принадлежащие трём разным людям: женщине 20-25 лет и двум детям – 7-8 лет и 4-5 лет (*определение Балугево Т.С.*), причём, черепа находились в урне по частям. После того, как Татьяна Сергеевна Балугева склеила черепа, оказалось, что они не проходят в горловину сосуда, следовательно, черепа были изначально помещены по частям, что могло произойти только при обряде вторичного погребения, когда мягкие ткани полностью распались. Из этого можно сделать предположение, что и кремационные погребения также совершались по обряду вторичного погребения¹. Об этом

¹ В 2013 г. при проведении дополнительных исследований кремированных останков из погребений эта версия была подтверждена (Успенский П.С., Добровольская М.В., Клещенко Е.А., Шишлов А.В., Федоренко Н.В. Воинские погребения

же свидетельствует и отсутствие при кремационных могильниках XII-XIII вв. н.э. «кремационных площадок» с зафиксированным мощным прокалённым слоем, так как кремация человека требует большого количества топлива, в отличие от кремации костных останков.

Литература

- Носкова Л.М.** 1992. Исследования средневековых курганов в пос. Кабардинка // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 годах. Ейск, 1992.
- Федоренко Н.В.** 2008. Об археологических раскопках 19 курганов курганного могильника и поселения на территории пансионата «Кедровая роща» в пос. Кабардинка по ул. Дообская в г. Геленджике Краснодарского края в 2007г. // Архив Новороссийского исторического музея-заповедника НА-8295/1-3.
- Шишлов А.В.** 1989. Сборы из разрушенных средневековых погребений на территории бывшего гаража совхоза «Малая земля» в п. Мысхако. НМ- 7193. (Акт приемки-сдачи №320 от 10.11.1989 г. Новороссийский исторический музей-заповедник).
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.** 2010. Работы Новороссийского исторического музея-заповедника в 2007 году // АО-2007 г. М., 2010.

по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая роща. КСИА. 2013. Вып. 231. С. 141-153, 255).

Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., Полицын Е.Б.,

Краснодар

АДЫГСКОЕ ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У Р. АЛЕПСИ (ТУАПСИНСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО РАЙОНА)

В музее средней школы №50 города Краснодара хранятся вещи из разрушенного воинского подкурганного захоронения, найденного и исследованного школьниками более десяти лет назад у р. Алепси в Туапсинском районе в 2 км к юго-востоку от с. Кирпичное. Кроме вещей, в музее хранится тетрадь с планами могильника и погребения, а также их описание. В дневнике дана следующая их характеристика, в том числе и найденных в захоронении предметов: «Могильник расположен в двух километрах к ЮВ от с. Кирпичное, у реки Алепси, на возвышенной площадке, поросшей лесом, примерно в 15 метрах от обрыва берега реки. С остальных сторон могильник стеснен пологими склонами горы, охватывающей его подковой, и ограничен пересыхающими в летнее время ручьями. Три захоронения расположены с востока на запад, в трех метрах друг от друга. Над средним погребением расположено уже умирающее дерево. Захоронения сделаны на поверхности и обложены в 5-6 слоев камней, а затем сверху засыпаны землей. Размеры: 0,4 х 3 х 2 м. Одно из погребений, ближе всего находящееся к краю поляны, было частично разрушено (размыто) паводковыми водами ручья. Из обрыва торчали берцовые кости, кости левого предплечья и сабля. Склон под ними был сильно подмыт и грозил обрушиться дальше. Почва с поверхности погребения была частично смыта в обрыв, так что обнажились кости черепа очень плохой сохранности. В оползне, между торчащими берцовыми костями,

был найден железный наконечник копья и железный ножичек. В целях предотвращения дальнейшего разрушения погребение было доследовано. Погребенный лежал вытянуто, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Сохранность костей очень плохая, сохранились лишь полуистлевшие кости черепа и крупные кости, остальное представляло собой тлен. Под нижней челюстью в области ключиц по центру лежали крест-накрест два железных ножа. Сабля в деревянных ножнах (ножны не сохранились) находилась с левой стороны костяка, вдоль левой ноги рукоятку у тазовых костей, острием к ногам и лезвием наружу. Ножны были деревянные с четырьмя скрепляющими железными пластинами и наконечником. Непосредственно у ножен сабли лежала железная пряжка. В области пояса, с левой стороны, найдены бронзовая обойма, наконечник ремня, бронзовая пряжка со следами кожи и заклепка. На правой стороне у черепа, в области правого плеча, лежали кресало и кремь, а в области пояса справа находилась железная бритва. С левой стороны от черепа на расстоянии 12 см обнаружена овальная галька с обработанными краями (две стороны сточены и представляют собой острую грань)».

На основе записей в тетради и сохранившегося плана следует, что публикуемое погребение на р. Алепси относится к подкурганным захоронениям и находилось в группе, состоящей из трех курганов (Рис. 1). Его инвентарь свидетельствует о том, что оно принадлежало взрослому мужчине, воину.

Судя по месту находки наконечника копья, он находился в ногах погребенного, об этом же свидетельствует его положение в этом месте в ряду других погребений с аналогичным типом наконечника (Схатум, 2014. С. 223. Табл. 1). Обозначенная в записях тетради «сабля», судя по всем признакам, является шашкой, а не саблей (Рис. 2, 11).

Интересной деталью обряда, на наш взгляд, является расположение двух ножей (Рис. 2, 4а, 4б) крест-накрест под нижней

челюстью погребенного в районе горла, сильно напоминающее «Веселого Роджера». Является ли это фантазией (шалостью) детей, участвовавших в раскопках, или ножи действительно находились в таком положении в погребении, нам осталось неизвестным.

Инвентарь погребения:

1. Галька овальной формы со следами обработки (Рис. 2, 1). Две стороны камня сточены и образуют острый угол. Длина изделия – 2,5 см;

2. Кресало железное, калачевидной (?) формы, сохранилось не полностью (Рис. 2, 2). Его длина – 5,5 см;

3. Фрагмент кремня размером 2,5 x 3 см (Рис. 2, 3);

4. Три железных ножа небольших размеров:

а) Нож железный с прямым лезвием и спинкой, равномерно сужающимися у острия (Рис. 2, 4а). На черене и основании клинка остатки деревянной рукоятки, закрепленной на двух гвоздиках. Общая длина ножа – 15 см, ширина у основания клинка – 2,5 см;

б) Нож железный с прямым лезвием и спинкой (Рис. 2, 4б). Однако создается впечатление, что острие ножа на протяжении 4 см смещено в сторону лезвия. На черене и основании клинка хорошо прослеживаются остатки деревянной рукоятки. Общая длина ножа – 16,5 см, ширина клинка у основания – 2,8 см;

в) Нож железный с прямой спинкой и слегка изогнутым к острию лезвием, на черене и основании клинка хорошо читаются следы и остатки от деревянной рукоятки (Рис. 2, 4в). Общая длина ножа – 14 см, ширина клинка у основания – 2,5 см;

5. Бритва железная, с кольцевой обкладкой вокруг рукоятки, со следами обмотанной бечевки, сохранившей следы в ржавчине (Рис. 2, 5). Размеры: общая длина – 7 см, с кольцом обкладки – 9 см;

6. Бронзовая заклепка с обломанными ушками с тыльной стороны и частично утраченными краями, вероятно, круглой формы (Рис. 2, 6). Диаметр – 0,9 см;

7. Бронзовая пряжка пятиугольной формы с остатками кожи от ремня, в том числе и на язычке (Рис. 2, 7). Размеры: 1,5 x 1,5 см;

8. Бронзовая обойма в виде неправильной четырехугольной пирамиды с усеченным конусом, по краю отделана насечкой, замкнутая (Рис. 2, 8). Ее размеры: высота – 1 см, ширина – 1,5 см;

9. Бронзовый наконечник ремня, состоящий из двух прямоугольных накладок (Рис. 2, 9). Верхний край закруглен, а нижний заострен. В верхней части сохранились остатки от заклепки, с помощью которой наконечник крепился к кожаной основе. Его размеры: 2,4 x 1,2 см;

10. Железная пряжка, подквадратной формы, с замкнутым, хоботовой формы язычком (Рис. 2, 10). Размеры пряжки: 3 x 2,5 см;

11. Шашка железная, находилась в деревянных ножнах, судя по остаткам следов дерева на клинке, а также четырем портупейным кольцам и наконечнику ножен. На черене сохранились следы от деревянной рукояти, которая примерно на 1 см заходила и на основание клинка. Она скреплялась с помощью двух железных заклепок (Рис. 2, 11). Общая длина – 85 см, ширина клинка – 3 см, длина рукояти – 10 см;

12. Наконечник копья железный втульчатый. Боевая часть пера узкая, ромбическая в сечении на протяжении примерно 14–15 см от острия. Ближе к его основанию постепенно расширяется, образуя две лопасти неправильной вытянутой треугольной формы, которые образуют тупой угол в месте их перехода во втулку (Рис. 2, 12). Общая длина наконечника – 27,5 см, длина пера – 19 см, его ширина в основании – 3,5 см, внешний диаметр втулки – 2,4 см.

Наиболее близкие территориально и по времени аналогии встречаются, например, среди предметов вооружения, а также вещей, относящихся к быту (кресала, ножи и т.д.) на целом ряде раскопанных могильников.

На сегодняшний день известно несколько шашек с территории Северо-Западного Кавказа. Наиболее близкая аналогия публикуемому экземпляру происходит из кургана 9 могильника Бжид 2. (Шишлов и др., 2003. С. 68. Рис. 23).

Не менее 15 наконечников копий, аналогичных публикуемому экземпляру или близкого типа, происходят с территории Северо-Западного Кавказа (Воронов, 1979. С. 108, 109. Рис. 62, 18, 20; Беспалый, 2000. С. 6, 7. Рис. 48, 65; Шишлов и др., 2003. С. 62, 63, 66. Рис. 17, 1, 25, 1; Дружинина, 2008. Рис. 37, 1; Голубев, Схатум, Полицын, 2013. С. 29, 30; Давудов, Схатум, 2013. С. 38. Рис. 6, 1; Новичихин, 2014. С. 148–151; Схатум, 2014. С. 222–238. Табл. 1. Рис. 1–7).

Близкие по форме ножи одному из наших экземпляров (Рис. 3, 4б), а также кресала происходят из кургана 6 могильника Бжид 2, кургана 3 могильника Грузинка X; курганов 2 и 3 могильника Шапсуго 5 (Шишлов и др., 2003. С. 63. Рис. 18, 3; Дружинина, 2008. Рис. 37. 2, 3; Давудов, Схатум, 2013. Рис. 6, 2; 8).

Исследователи датируют случайные находки и погребения с подобными наконечниками копий и шашками по-разному: поздним Средневековьем, XIV–XVII вв. (Воронов, 1979. С. 108, 109; Беспалый, 2000. С. 9), или более узко – XVI–XVII вв. (Шишлов и др., 2003. С. 71), первой половиной XVIII в. (Носкова, 2006. С. 169), XVII–XVIII вв. (Дружинина, 2008. С. 21); в пределах XVIII – первой половины – середины XIX вв. (Голубев, Схатум, Полицын, 2013. С. 30; Давудов, Схатум, 2013. С. 40; Новичихин, 2014. С. 150–151). Позже одним из авторов статьи датировка была уточнена до середины XVIII – первой половины – середины XIX вв. (Схатум, 2014. С. 225–226). Не противоречит этой датировке и остальной материал захоронения (шашка, пряжки, кресало, ножи).

На наш взгляд, погребение на р. Алепси следует датировать в пределах середины XVIII – первой половины XIX вв. В это время территория современного Туапсинского района входила в состав Малой (Причерноморской) Шапсугии, где проживала одна из наиболее многочисленных этнических групп адыгов – шапсуги. Таким образом, судя по времени и предметам вооружения, захоронение принадлежит одному из шапсугских воинов, вероятно, времен Кавказской войны. По всей видимости, синхронными и принадлежащими к той же этнической группе являются и остальные захоронения данной курганной группы.

Литература

- Беспалый Г.Е.** Отчет о раскопках могильника «Свистунова щель 1» на трассе газопровода Россия–Турция в 2000 г. в Туапсинском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1, № 24523. М., 2000.
- Воронов Ю.Н.** Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
- Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., Полицын Е.Б.** Воинское погребение на реке Алепси в Туапсинском районе Краснодарского края // IV Абхазская международная археологическая конференция: Тезисы докладов (Сухум, 26–30 ноября 2013 г.). Сухум, 2013.
- Давудов Ш.О., Схатум Р.Б.** Археологические исследования курганной группы «Шапсуго 5» (Туапсинский район Краснодарского края) // III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы международной археологической конференции (Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар, 2013.
- Дружинина И.А.** Отчет о раскопках Адыгейского отряда ИА РАН на курганных могильниках Грузинка VII и Грузинка X Абинского района Краснодарского края в 2007 г. // Архив Управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. М., 2008, №529.
- Новичихин А.М.** Наконечники копий с поперечным изгибом пера из случайных находок в районе Анапы // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. СПб., 2014, №2 (35).
- Носкова Л.М.** Погребальный обряд адыгов в XVI–XVIII вв. // Город и Степь в контактной Евро-Азиатской зоне. III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000): Тезисы докладов. М., 2006.

- Схатум Р.Б.** Об одном типе наконечников копий из поздних адыгских захоронений Северо-Западного Кавказа // IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Кавказ в контексте международных отношений в древности и Средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар, 2014.
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Кизенёк Л.Н., Дмитрук В.В.** Исследование курганного могильника Бжид 2 в 2001 г. // Исторические записки. Исследования и материалы. Новороссийск, 2003. Вып. 4.

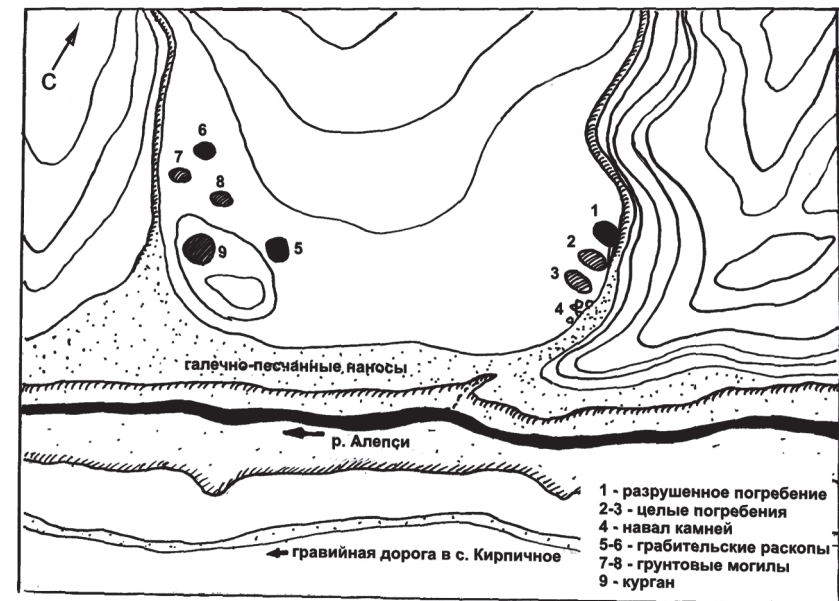

Рис. 1. План могильника на р. Алепси

СОХРАНЕНИЕ ГОРОДСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Учитывая динамику социальных, экономических и культурных ценностей, проблема наследия в условиях современного города с каждым годом становится актуальнее. Наиболее эффективными мерами по сохранению и использованию историко-архитектурного наследия Старого Сухума в условиях формирования современного города, является создание зон охраны исторической среды. Это совокупность неразрывно связанных элементов: природного и городского ландшафта, исторического планировочного каркаса и исторических зданий, строений, сооружений, исторического озеленения, сформировавшихся в течении столетий, и являющихся знаковыми и градообразующими элементами. И сюда, органично вкрапляются современные архитектурные объекты, составляя великолепную мозаику, комбинирующую шедевры исторического города с новым.

В городе стоит ряд проблем с обеспечением сохранности архитектурных объектов. Так за предыдущие два года были разрушены архитектурные памятники в городе Сухуме и Гудауте. Это дача Аверкиева 1905 г. на горе Чернявского, дом купца Качканяна 1902 г., дом купца Шраплау и кабинет доктора Келина нач. XXв. и дом купца Кириакиди 1902 г. Бесконтрольно ведется застройка в непосредственном окружении памятников и на их территориях, облик исторических зданий искажается малоценными и дисгармоничными пристройками, назрела необходимость реконструкции

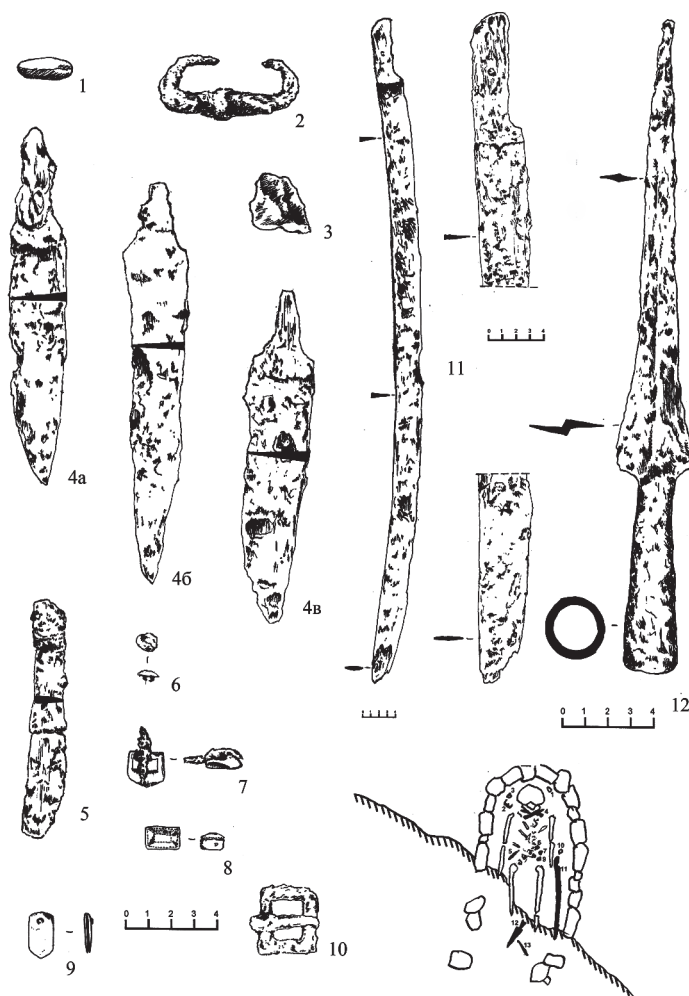

Рис. 2. План и инвентарь разрушенного погребения на р. Алепси: 1 – оселок, 2 – кресало, 3 – фрагмент кремня, 4 – ножи, 5 – бритва, 6 – заклепка, 7 – пряжка, 8 – обойма, 9 – наконечник ремня, 10 – пряжка, 11 – шашка, 12 – наконечник копья; 1, 3 – камень, 2, 4, 5, 10–12 – железо, 6–9 – бронза.

малоценной и ветхой застройки в историческом центре города. В этих условиях своевременная разработка проекта зон охраны исторического центра города и внесение на его основе необходимых корректив в действующие градостроительные документы особенно актуальны.

Историко-культурное наследие Сухума имеет ценное градостроительное значение. Это большое количество сооружений с ценной исторической архитектурой, довольно хорошо сохранившейся исторической средой, уникальными парками, а также материальными памятниками археологического наследия, такие как Сухумская крепость, которая вобрала в себя напластования различных эпох.

Городскую ткань центральной части города составляет застройка конца XIX в. нач. XX в. с минимумом вторжений более позднего времени. Эта характерная 1-2-х этажная застройка со своеобразными доминантами угловых многоэтажных зданий выразительной архитектуры.

Наряду с архитектурой XIX в. в центральной части в стиле модерна, эклектики и неоклассицизма представлена архитектура советского конструктивизма 30 – 50 гг., которая определяет характерную застройку города.

Следует отметить, что определенный диссонанс в восприятие исторической части города вносят хаотично выстроенные здания 70–80-х гг. столетия.

Весьма ответственной частью городского ландшафта является колоритный район дач Сухумской горы в стиле модерн. Благодаря резким перепадам местности обеспечивается острая художественная выразительность района в целом. Большую ценность представляют панорамные раскрытия на гору Баграта и гору Чернявского, где располагается городская лесопарковая зона, наиболее ответственная в панорамном раскрытии города.

В списочном порядке в городе представлено 295 объектов историко-культурного наследия. При относительно благополуч-

ном положении дел с охраной этих объектов, ощущается слабая работа органов местного управления и самоуправления: отсутствуют отдельные документы, обеспечивающие охрану не только отдельных памятников, но и окружающей их ценной исторической среды.

В этих условиях особенно актуальной становится задача разработки историко-архитектурного опорного плана города, в котором предусматривалось бы решение широкого круга вопросов охраны всех аспектов историко-культурного наследия города, в том числе установление режима их содержания и использования, установление зон регулирования застройки, реконструкции зданий и нового строительства.

Исследования градостроительной ценности элементов исторической среды, существующего состояния и перспектив развития исторического ядра города в системе генерального плана города позволят определить границы зон охраны и дать рекомендации по режимам их использования.

ПРОБЛЕМЫ КАМЕРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АБХАЗИИ

Оптимизация и развитие камеральных исследований, а также сохранение эмпирического наследия Абхазии на фоне известных успехов полевой археологии, в настоящее время представляет собой чрезвычайный научный и практический интерес. Широкие возможности обработки, анализа и подготовки эмпирического материала до уровня востребования смежными специалистами абхазоведения, до сих пор мало используются по причине запаздывания или иногда отсутствия подобных работ как таковых. Отбор отдельных особых находок, более того попытка построить весь текст на единичных, пусть и неординарных фактах, грозит неправым искажением картины исторической действительности. Если это, пока, почти незаметно как для случайных находок, материалов кладов и погребений, так и с ограниченным или нормированным составом инвентаря, то для категорий памятников с массовыми находками, форсирование камеральных исследований носит весьма угрожающий характер. Таково вторичное откладывание остатков материальной культуры, иногда и неоправданный полевой отбор только отдельных предметов, а то и захоронение еще неисследованных находок. В целом в результате такого ущерба, вообще не работает комплексный метод научных исследований, исчезает из поля зрения исследователей сам вещественный комплекс и понятие о нем. А между тем групповой анализ вещей,

или вещей одного типа, их местонахождение (горизонт), представляющий для процедуры исследования большой научный интерес, где действует принцип аналогий и синхронизации даты функционирования, может оказаться не востребованным.

Именно результаты камеральных исследований отдельно взятых находок заставляют археологов вести практические работы и далее, чтобы воссоздать и реконструировать историческую действительность. Ведь это большое недифференцированное множество, будучи отложено в культурный слой, не потеряло, в целом еще характер археологического комплекса, в котором эти вещи изначально и состояли. К тому же каждая находка, будучи точно атрибутирована, сохраняет искомый смысл своего предназначения вместе с остальным миром вещей. Например, совершенно разрозненные и непонятные железные фрагменты одного из погребений внутри храма Симона Кананита, при тщательной и осторожной зачистке оказались деталями меча. При этом уверенно были определены конец лезвия в оконечнике ножен, фрагменты лезвия, перекрестия и навершия рукояти. При моделировании формы, допустимое правильное расположение фрагментов дает рабочую модель орудия, которая дальше может быть опытным путем и сравнительным анализом найденного аналога, скорректирована более четко.

При изучении, например, предметов инвентаря лыхнинских погребений VIII-X вв. н.э. из раскопок 2012 года, бросаются в глаза устойчивое повторение стальных абхазских ножей, присутствие характерного втульчатого серповидного топорика-секача с загнутым началом лезвия. Это вариант абхазского садового айгушу, применялся в огородничестве, для обрезки высокоствольных растений, в том числе виноградной лозы. Непрерывность его использования и наличие устойчивой традиции в наследии культуры виноградарства абхазов доказывается как фактом бытования самих орудий, тарной посуды ахапца (пифос), так и данными письменных источников, обнаруженных в ходе работ. Комплексная экономи-

ка и система производств Абхазского царства предполагала развитие не только гончарных, но и железоделательных мастерских (ср. железные предметы и куски крицы рядом с погребениями). Особый случай корреляций археологических фактов с историей местного храмового зодчества представляет собой находка железного двустороннего молотка каменотеса, у основания фундамента лестницы. До сих пор мы располагали одним только фактом изображения этого орудия в руках человека на плите из с. Джигарда (Пскал аныха-баа). Возможно, этот священный образ на рельефе таит в себе изображение святителя или основателя церкви. Стилистический анализ обработки блоков и рельефов храмовой абхазской архитектуры показывает явное использование подобного орудия для фоновой декоративной отделки в виде сплошной штриховки и ёлочек. Такая же отделка камней пскальского храма, многие из которых со сплошной насечкой, нанесенной с помощью молотка с плоским рабочим краем. Это очень напоминает декоративную разделку местной керамической продукции, имеющей сплошную штриховку, нанесенную зубчатым шпателем, следы использования, накладки и заусеницы которой нам удавалось многократно засвидетельствовать. При обработке многочисленного археологического раскопного материала Анакопии, нами были классифицированы, выделены и зашифрованы важнейшие категории качественного расписного керамического материала. Они в комплексе остальных категорий материальной культуры, по нашему определению, составляли особый «дворцовый стиль» столичного города Абхазского царства. Полностью обработанный материал (Л.Г. Головина, С.Г. Сангулия), единственный в своем роде в таком составе и количестве, дает достоверную картину той исторической действительности, которая весьма фрагментарно отражается в нарративных источниках. А что касается данных отраслей ремесла, производств, мастерских и их продуктов, можно себе представить, насколько они восполнят историю искусства, ремесла и всех традиций Абхазского царства.

Известные случаи слабой отделки остальной керамики также восполняет богатейшая орнаментированная стеклянная посуда, изготовленная в цвете. Преимущество лыхнинской дворцовой стеклянной посуды или другого центра, которую мы обрабатывали и изучали (Агу-Бедия, Анакопия) перед инвентарем погребений внутри храма Симона Кананита, где представлены одни бальзамарии из прозрачного стекла, носит абсолютный характер. Данные камеральной обработки инвентаря погребений у стен Сухумской крепости (ул. Когония), также подтверждают тяготение к гладким и прозрачным типам, когда это касается бальзамариев. Ведь из практики анализа стекла самого абхазского региона (цебельдинский сектор) и известных мировых коллекций, орнаментация, в том числе и рельефная (сотовый орнамент, концентрические круги, напайки), предостаточно известна. Предварительные данные археологического наследия Абхазии, склоняют нас к признанию изготовления части стекла на месте. Во время камеральной обработки материала шурфов на территории Илорского храма (2012 г.) был обнаружен налет глазури на обломке камня на растворе. Здесь же выявлены куски железной крицы. Обработка всех данных доказывает наличие в храмах Абхазии собственного хозяйства и производств, а значит храмовых крепостных и квалифицированных специалистов. Следовательно, сообщение средневековых письменных источников о пожертвовании храмам жителей соседних сел (Агу-Бедия, Пицунда), их социальный состав и занятие, нашими комплексными исследованиями и наблюдениями здесь уточняется во многом. Обработка материалов охранных работ, проведенных абхазскими археологами в Агу-Бедии, тоже доказывает не только пожертвование или дарение, но и изготовление на месте найденных там части предметов, а также строительных и архитектурных деталей.

Многочисленные примеры камеральных исследований как единичного, так и массового материала, пусть даже рядового, доказывают обязательный характер развития этой специфической

отрасли выявления и исследования производственных традиций и опыта мастеров. Ведь предмет-Х не может быть паспортизирован, и его включение в научный оборот просто не состоится. Как ни печально, его охранные, правовые проблемы защиты, а также современное целевое использование, в таком случае, не могут быть обеспечены. Согласно методике археологических исследований, там, где не проведена соответствующая полевая и камеральная работа, невозможно сделать историческое заключение и оценку, которые только и завершают такую процедуру и создают предпосылку для дальнейшей научной, просветительской и правовой работы. Все это говорит о том, что творческая консолидация и развитие отраслей современной археологической науки остается актуальной и настоятельно необходимой. Замечательные открытия абхазских археологов и их коллег должны иметь большое будущее, и это можно достичь всесторонним развитием всех отраслей абхазской археологической науки, в чем должна быть соответствующая поддержка и научные ресурсы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. М.
АОА – Археологические открытия в Абхазии. Тб.
АЭСК – Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик.
БИ – Боспорские исследования.
ВАА – Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии .
ВВ – Византийский временник. М.
ВСИНКЧ – Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск.
ДБ – Древности Боспора. М.
ДД – Донские древности.
ДК – Древности Кубани. Краснодар.
ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир-Краснодар-М.
ИАБНО – Известия Абхазского научного общества. Сухум.
ИАИЯЛИ – Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Тб.
ИЗ – Исторические записки. Новороссийск.
КБИГИ – Кабардино-Балкарский государственный институт гуманитарных исследований. Нальчик.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
КубГУ – Кубанский государственный университет.
МАК – Материалы по археологии Кавказа. М.
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.

МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
 МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
 МКВ – Материальная культура Востока. М.
 ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М. – Магнитогорск.
 РА – Российская археология. М.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. М.
 РИЦ АГПИ – Редакционно-издательский центр Армавирского государственного педагогического института.
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Свод археологических источников. М.
 ТАГМ – Труды Абхазского государственного музея. Сухуми.
 ТАИЯЛИ – Труды Абхазского института языка, литературы и истории.
 ТАГУ – Труды Абхазского государственного университета. Сухум.
 ТГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агумаа Анзор Семёнович – зав. Отделом архива АБИГИ АНА.
Барцыц Руслан Михайлович – к.и.н., с.н.с. Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА.
Бгажба Олег Хухутович – д.и.н., академик, зав. Отделом истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА.
Белинский Андрей Борисович – к.и.н., директор ГУП «Наследие».
Беляева Елена Владимировна – к.и.н., с.н.с. Института истории материальной культуры.
Бжания Вадим Викторович – к.и.н., сотрудник АНА РА.
Безруков Андрей Викторович – к.и.н., заместитель декана исторического факультета Магнитогорского государственного университета.
Габелия Алик Николаевич – к.и.н., декан исторического факультета АГУ.
Галищева Елена Васильевна – заместитель директора по научной работе Музея истории города-курорта Сочи.
Головина Людмила Петровна – начальник Отдела камеральных исследований Управления историко-культурного наследия.
Голубев Лазарь Эрвандович – к.и.н., научный сотрудник ООО «Кубань Археология».
Горбенко Анатолий Александрович – директор музея-заповедника Государственного бюджетного учреждения культуры Ростовской области «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник».

Гунба Батал Михайлович – м.н.с. Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА.

Гупало Вера Дианизовна – к.и.н., с.н.с. Отдела археологии Института украиноведения им. И. Крипьякевича НАН Украины.

Джопуа Аркадий Иванович – к.и.н., с.н.с. Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, директор Абхазского государственного музея.

Джопуа Инал Аркадьевич – специалист Министерства культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия.

Джикирба Гугуца Шаликовна – директор Гудаутского Музея боевой славы.

Жан-Поль Лё Биан – директор Археологического исследовательского центра департамента Финистер и руководитель раскопок на о. Уэссене.

Иванов Алексей Владимирович – д.и.н., главный специалист «Южно-Российского центра археологических исследований».

Кайтан Шандор Геннадиевич – аспирант Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа.

Канделаки Давид Автандилович – м.н.с. Отдела истории АБИГИ АНА, директор Гагрского государственного историко-архитектурного музея-заповедника «Абаата».

Кармов Тимур Михайлович – к.и.н., доц. кафедры СНГ Санкт-Петербургского государственного университета.

Кизиллов Андрей Сергеевич – зав. кафедрой декорат.-прикладн. искусства Международного инновационного университета.

Колпакова Алиса Вадимовна – н.с. Отдела археологии Новороссийского исторического музея-заповедника.

Кондряков Никита Владимирович – руководитель секции археологии и сохранения историко-культурного наследия.

Конторович Анатолий Робертович – д.и.н., зав. кафедрой археологии, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова.

Косяненко Виктория Мечиславовна – с.н.с. Государственного бюджетного учреждения культуры Ростовской области «Азов-

ский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник».

Кудин Михаил Иванович – внештатный н.с. Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.

Любин Василий Прокопьевич – д.и.н., в.н.с. Института истории материальной культуры РАН.

Маслов Владимир Евгеньевич – к.и.н., н.с. Института археологии РАН.

Нюшков Валентин Александрович – к.и.н., н.с. Отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа.

Полицын Евгений Борисович – эксперт по археологии Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» Краснодарского краевого отделения.

Пьянков Алексей Васильевич – в.н.с. ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция».

Райнхольд Сабина – сотрудник Берлинского археологического института.

Сакания Сурам Михайлович – н.с. Отдела искусства Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА.

Сангулия Гарик Анатольевич – начальник государственного Управления охраны историко-культурного наследия РА.

Скаков Александр Юрьевич – к.и.н., н.с. Института археологии РАН.

Стеганцева Вероника Яковлевна – м.н.с. Института истории материальной культуры РАН.

Схатум Руслан Баричевич – к.и.н., с.н.с. Отдела археологических фондов Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.

Трапш Гюль Еджи – н.с. Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА.

Цвинария Игорь Иванович – к.и.н., зав. Отделом археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА.

Хондзия Зураб Георгиевич – н.с. Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА.

Федоренко Наталья Валентиновна – н.с. Отдела археологии Новороссийского исторического музея-заповедника.

Шишлов Александр Владимирович – заведующий Отделом археологии Новороссийского исторического музея-заповедника.

**МАТЕРИАЛЫ
IV АБХАЗСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ
АРХЕОЛОГУ-КАВКАЗОВЕДУ
Л.Н. СОЛОВЬЕВУ**

***«Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье:
взаимодействие и преемственность культур»***

Редактор **Л.С. Пачулия**
Корректор **Л.З. Клычева**
Компьютерный набор **Л.Р. Чамагуа**
Компьютерная верстка **Н.Г. Гунба**
Технический редактор **Н.Г. Гунба**

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Тираж 300. Физ. печ. л. 16,75. Усл. печ. л. 15,578.
Заказ №44.

Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.